

ОБЩЕСТВО ВЕЗНАТА РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

СЕРИЯ «ДВУГЛАВЫЙ ОРЁЛ»

Книжная серия

Тупики марксизма, социализма и коммунизма. 2017.

А.А. Борисюк. История России, которую приказали забыть. Николай II и его время. 2017.

М.А. Фомин. Шашка и крест графа Келлера. 2017.

Графиня С.Д. Толь. Масонское действо. Исторический очерк. о заговоре декабристов. 2017.

Л.А. Тихомиров. Монархическое начало власти. 2018.

П.В. Мультигули. Император Николай II. Трагедия непонятого Самодержца. 2018.

М.Б. Смолин. Монархия или революция? Имперские письма к ближним. 2018.

С.В. Перевезенцев. Святорусское царство. История русской святости. 2018.

.В. Мультигули. Император Николай II. Екатеринбургская гогофа. 2018.

Л.П. Решетников. Русский Лемнос: исторический очерк. 2018.

П.В. Мультигули. Внешняя политика Императора Николая II 1894–1917 гг.: этапы, достижения, итоги. 2019.

СЕРИЯ «ДВУГЛАВЫЙ ОРЁЛ»

В.Г. Хандорин

Мифы и факты
о Верховном
правителе России

Москва

Общество развития русского исторического просвещения

«Двуглавый орёл»

Издательство М.Б. Смолина (ФИБ)

2019

УДК 929
ББК 63. 3(2)6-8
Х19

Рецензенты:

доктор исторических наук С.В. Волков,
доктор исторических наук Н.С. Кирмель

Х19 Хандорин В.Г.
Мифы и факты о Верховном правителе России. — М.: Обще-
ство развития русского исторического просвещения «Двугла-
вый орёл»; Издательство М.Б. Смолина (ФИВ), 2019. — 200 с.

ISBN 978-5-91862-057-1

Книга доктора исторических наук В.Г. Хандорина посвящена разбору и разоблачению наиболее распространённых в последнее время клеветнических мифов о сложной, неоднозначной и трагической исторической фигуре — флотоводце, учёном, полярном путешественнике и военно-политическом деятеле, белогвардейском Верховном правителе периода Гражданской войны в России адмирале А.В. Колчаке.

Книга опирается на широкий круг документальных источников, носит научно-популярный характер и рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 929
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-91862-057-1

© Хандорин В.Г., 2019
© Издательство М.Б. Смолина (ФИВ), 2019
© Общество развития русского историче-
ского просвещения «Двуглавый орёл», 2019
© Бикашов Д. Е., оформление, 2019

От автора

Современная эпоха стала временем активного распространения (в публицистике, средствах массовой информации, Интернете) разнообразных исторических мифов, причём со стороны людей, как правило, не имеющих к исторической науке никакого отношения. Причина этого коренится в общей ситуации, сложившейся в нашей стране. Более четверти века постсоветская Россия находится в поисках своей идейной, духовной и политической идентичности. На роль её носителей претендуют и коммунисты, и «неолибералы», и монархисты, и представители иных, подчас самых экзотических (вплоть до «православных сталинистов») идейных течений. Все они так или иначе обращаются к истории. Затянувшийся экономический кризис, а равно и отсутствие чётких идеологических приоритетов у современного государства в особенности способствуют этому процессу. Не случайно объектом наиболее ожесточённых споров являются трагические события и лица первой половины XX века — время крушения Российской Империи и становления советской государственности (начиная с революции и Гражданской войны и заканчивая сталинской эпохой).

С другой стороны, полное снятие цензуры на публикации, посвящённые исторической проблематике (пожалуй, за исключением событий Великой Отечественной войны), провоцирует широкое распространение многочисленных домыслов самой разной направленности, призванных оправдать ту или иную идеологию и дискредитировать её противников. Если бы за публикацию заведомо ложных, не подкреплённых историческими документами сведений, вводящих в заблуждение людей и нередко порочащих честь и достоинство конкретных исторических личностей, их авторов и публикующие их издательства, хотя бы штрафовали — ситуация, вероятно, была бы иной. Но, увы, такие деяния по нашему законодательству до сих пор неподсудны, и единственный способ

борьбы с ними — это разоблачение с опорой на исторические документы.

Особенно выделяются на почве подобного мифотворчества приверженцы советской идеологии. Она и в прошлом опиралась на многочисленные мифы. Но, в отличие от древнегреческой мифологии (тоже по-своему интересной), которую в наши дни только *изучают*, в советскую мифологию многие *верят* до сих пор (хотя, если по телевидению сегодня выступают люди, всерьёз утверждающие, что Земля плоская, остаётся только развести руками). Разница между советской мифологией старого образца и современной, однако, весьма существенная. Первая, будучи подчинена жёстким канонам марксистско-ленинской идеологии, всё-таки придерживалась каких-то рамок наукообразия и, хотя и прибегала порой к откровенным фальсификациям и подлогам, но чаще стремилась выпячивать «удобные» для неё факты и документы и, наоборот, замалчивала «неудобные»; не случайно большинство архивных документов, посвящённых спорным темам, были засекречены, и доступ к ним имел очень узкий круг наиболее «надёжных», с точки зрения правящей партии, историков.

Документы эти в подавляющей массе давно рассекречены — казалось бы, работой и исследуй. Чем и заняты добросовестные историки. Но при этом снятие цензуры на любые публикации привело к парадоксальному эффекту — активному сочинению и тиражированию *новых* мифов. Причём безнаказанность в данном вопросе привела к тому, что их сочинители отбросили уже всякие понятия о приличии. Не гнушаясь ничем, в угоду своей идеологии они уже не просто замалчивают «неудобные» для них документы и повторяют фальсификации своих предшественников советских времён, но и изобретают совершенно невероятные новые небылицы.

Им нередко потворствуют те, кто, стремясь «сгладить острые углы истории», пытаются искусственно протянуть нить исторической преемственности между Российской Империей, Советским Союзом и современной Российской Федерацией. Хочется напомнить таким людям, что советская власть *изначально* отка-

залась от какой-либо правопреемственности по отношению к дореволюционной России — во всём, начиная с государственной символики, законодательства, правовых статусов, международных договоров и обязательств по кредитам и кончая отказом от выплат льготных пенсий тем, кто заработал их до революции. Как сказал в известном фильме персонаж О. Янковского барон Мюнхгаузен, «это не моя история, не моя жизнь — она прилизана, причёсана, напудрена и кастрирована».

Именно это обстоятельство и побудило автора написать эту книгу. Одной из наиболее фальсифицируемых сегодня исторических тем является история Белого движения, по сути представлявшего собой национальное сопротивление большевизму, по ряду причин окончившееся поражением. И объектом наиболее ожесточённых нападков и клеветы по данной теме стала фигура адмирала Александра Васильевича Колчака, являвшегося главным предводителем этого движения в статусе Верховного правителя России. Особенно усилились эти нападки, приобретая характер настоящей психопатии, после выхода на экраны в 2008 г. популярного (хотя и исторически спорного) художественного фильма «Адмирал», посвящённого ему. Пожалуй, ни один другой исторический деятель, за исключением разве что А.И. Солженицына, не подвергается такой по-смертной травле (если можно так выразиться) со стороны коммунистов, как А.В. Колчак. Кипят страсти, представители некоммунистических движений требуют снести памятники и мемориальные доски в его честь, сочиняют и усиленно тиражируют самые фантастические и бесстыдные клеветнические измышления о нём.

Автор этих строк давно и много занимается деятельностью А.В. Колчака и связанными с ней темами как профессиональный историк, написал десятки статей и четыре обширных научных монографии, посвящённые этим темам¹, защитил

¹ *Хандорин В.Г.* Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2007; *Хандорин В.Г.* Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири периода революции и Гражданской войны. Томск, 2010; *Кирмель Н.С.*,

докторскую диссертацию. Но научные монографии не принадлежат к жанру популярной литературы и, как правило, остаются достоянием узкого круга специалистов. В этих условиях массовый читатель становится «добычей» не профессиональных историков, пишущих для своего научного сообщества (как и представители любой другой науки, будь то физики или филологи), а бойких на перо публицистов и мистификаторов, никакого отношения к исторической науке не имеющих, которые обрушивают на него в Интернете и других СМИ потоки низкопробных мифических «сенсаций». В этом специфическая особенность истории. Редкому непрофессионалу вздумается разглагольствовать о проблемах квантовой механики или ядерной физики, но об истории и политике пишут все, кому не лень, прикрывая своё невежество и откровенную ложь самоуверенностью и мнимой сенсационностью своих выдумок.

Именно поэтому у автора созрела мысль написать эту книгу публицистического характера, посвящённую разоблачению наиболее типичных клеветнических сплетен в отношении А.В. Колчака. Что особенно значимо в переживаемые нами годы столетия событий Гражданской войны. Эта книга, однако, существенно отличается от обычной публицистики. Не желая уподобляться своим «оппонентам», автор сопровождал основные свои доказательства и опровержения там, где это необходимо, ссылками на архивные документы (а в случаях, когда они впервые публиковались другими авторами — также ссылками на этих авторов). При этом автор не надеется пристыдить мифотворцев и клеветников — стыда у них, как известно, нет, в крайних случаях они, «припёртые к стенке» доказательствами (как в истории с Катынским расстрелом), начинают вещать о том, что неудобные им документы «сфабрикованы и выброшены в архив» (любой человек, имевший отношение к архивам, в ответ на такое только покрутит пальцем у виска). Но думающего человека, искренне интере-

сующегося историей своей Родины, эта книга как минимум заставит задуматься, кому стоит доверять, а кому нет.

При этом автор вовсе не ставит своей задачей идеализировать А.В. Колчака. Безусловно, как и огромное большинство людей, он не был святым и имел свои человеческие недостатки: вспыльчивый характер, порой даже жестокость, милитаристские взгляды, роман с замужней женщиной в бытность самого женатым человеком и т. д., вплоть до «немодного» сегодня пристрастия к курению. Но это не мешает ему оставаться многогранной и выдающейся, хотя и противоречивой (я бы сказал, шекспировской) личностью, беззаветным и отважным патриотом своей Родины, достойным как минимум уважения и пристального изучения, а не беззастенчивой хулы, тем более со стороны лиц, ничего достойного в своей жизни не сделавших. Именно в разоблачении этой хулы, а не в идеализации обсуждаемого исторического деятеля автор видит свою задачу.

Удалась автору или нет поставленная им задача — судить читателю.

Глава 1.

Полярник, флотоводец и человек

Как правило, хулители А.В. Колчака начинают с попыток «развенчания» его дореволюционных заслуг и его личной жизни. А поскольку наибольшую известность до революции он снискал как полярный исследователь и флотоводец, «атаке» подвергаются эти стороны его деятельности. Глава эта, впрочем, будет небольшой, поскольку мифы на эти темы являются лишь «приправой» к основным, связанным с его деятельностью в годы революции и Гражданской войны, и сами их авторы не утруждаются их подробным «развитием».

Начнём с **полярных исследований**. Хулители пытаются уверить, что Колчак был «заурядным» полярником, всего-навсего «рядовым участником» экспедиции барона Э.В. Толля 1900—1902 гг. на шхуне «Заря» к предполагаемой Земле Санникова, ничем особенным себя не зарекомендовавшим, а наиболее оголтелые ещё добавляют: «бросившим эту экспедицию на произвол судьбы, что обрекло её на гибель». Но, во-первых, экспедиция Толля была далеко не единственной, а лишь *первой* вехой полярных исследований будущего адмирала. Во-вторых, в этой экспедиции он был одним из ведущих участников — первым гидрологом и вторым магнитологом. Роль его отмечал сам Толль в своих отчётах, писавший, что молодой лейтенант «любовно предан своей гидрологии». Именем Колчака Толль назвал открытый экспедицией остров у побережья Таймыра (в 1937 г. переименованный в остров Расторгуева и лишь в наше время, в 2005 г. вернувший своё историческое название). Ничего себе «рядовой участник». Географические объекты назывались лишь в честь руководителей экспедиций, а не «рядовых участников» (и даже, желая польстить Колчаку, Толль назвал один из открытых объектов именем его молодой жены — мыс Софьи).

Судьба руководителя экспедиции Э.В. Толля широко известна и многократно описана. Не найдя «Землю Санникова» (основные достижения экспедиции свелись к уточнению очертаний полуострова Таймыр, подробному описанию его побережья и открытию отдельных островов вдоль него, что послужило началом комплексного исследования арктических морей и суши), экспедиция в мае 1902 г. разделилась на три группы: одна из них, во главе с самим Толлем, двинулась исследовать остров Беннета, другая, во главе с А.А. Бялиницким-Бирулей — на остров Новая Сибирь, а третья, во главе с Ф.А. Матисеном и А.В. Колчаком, осталась на шхуне «Заря» (на которой до этого проходила вся экспедиция) у острова Котельный для продолжения исследований на месте, готовая выйти на помощь остальным группам, если они не вернутся в скором времени. В августе «Заря» вышла на поиски ушедших товарищей, от которых не поступало известий, но не сумела пробиться через льды. В соответствии с инструкцией Толля на этот случай, она вернулась в бухту Тикси на материк. Прибыв в Петербург, Матисен и Колчак отчитались перед Академией наук об экспедиции и предложили организовать специальную спасательную экспедицию на поиски пропавшего Толля (группа Бирули самостоятельно добралась до материка). Спасательную экспедицию, продолжавшуюся 7 месяцев на санях и на вельботе, организовал и возглавил в 1903 г. А.В. Колчак. Она установила вероятное место гибели Толля и его спутников при переходе с острова Беннета на остров Новая Сибирь¹. Даже советские учёные — исследователи Арктики не предъявляли Колчаку обвинений в гибели Толля. По окончании его экспедиции Русское географическое общество оценило её как «важный географический подвиг».

В 1906 г. А.В. Колчак был награждён высшей наградой Императорского Русского географического общества — Константиновской золотой медалью. В постановлении о награждении

¹ Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М., 2012. С. 149.

говорилось: «Совет Императорского Русского географического общества в заседании 30 января с. г. присудил действительному члену общества лейтенанту Александру Васильевичу Колчаку за участие в экспедиции барона Э.В. Толля и за путешествие на остров Беннета, составляющее важный географический подвиг, совершение которого было сопряжено с большими трудностями и опасностью для жизни, — свою высшую награду — Константиновскую медаль»¹. Также он был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени.

Но и на этом «полярная» и связанная с ней научная деятельность Колчака не закончилась. В 1909 г. он опубликовал по итогам экспедиции фундаментальную научную монографию «Лёд Карского и Сибирского морей»². В ней морской офицер, в частности, открыл эллипсоидную траекторию дрейфа арктических льдов. Научный авторитет Колчака был столь высок, что он в порядке исключения, не имея сам академического образования, приглашался читать лекции в Морской академии в 1908—1909 гг.

В том же 1909 году капитан второго ранга А.В. Колчак стал одним из организаторов и руководителей Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач», в качестве командира ледокола «Вайгач». План экспедиции и проект самих ледоколов (по типу знаменитого нансеновского «Фрама», но со стальным корпусом) были разработаны совместно им и Ф.А. Матисеном, но в разгар подготовительных работ в 1910 г. Колчак был отозван в Петербург в Морской генеральный штаб. Арктическими исследованиями он продолжал интересоваться и позже, уже в бытность Верховным правителем в Омске, учредив для этого специальный Комитет по исследованию Северного морского пути.

Такой вот «заурядный» полярник. Характерно, что в советское время по идеологическим причинам замалчивалась

¹ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 96—97.

² Колчак А.В. Лёд Карского и Сибирского морей // Записки Императорской Академии наук. Серия 8. Физ.-мат. отдел. 1909. Т. 26. №1.

не только роль А.В. Колчака в полярных исследованиях, но и крупнейшая в истории России полярная экспедиция капитана второго ранга (впоследствии контр-адмирала) Б.А. Вилькицкого 1913–1915 гг., впервые проложившая Северный морской путь и совершившая *последнее* в истории великое географическое открытие — архипелага Земля Императора Николая II, в советское время переименованного в архипелаг Северная Земля. Причина проста: в годы Гражданской войны Вилькицкий служил у белых, возглавляя флотилию Северного Ледовитого океана при Северной армии генерала Е.К. Миллера, вместе с которой эмигрировал. Если бы не это, имя Вилькицкого красовалось бы в советских учебниках географии рядом с именами Беринга, Крузенштерна, Беллинсгаузена и Невельского. А чтобы как-то заполнить «вакуум» в отношении русских полярных путешественников, в СССР часто упоминалась лишь неудачная экспедиция к Северному полюсу лейтенанта Г.Я. Седова, имевшая гораздо более скромные результаты, но опять же по простой причине: Седову «посчастливилось» погибнуть ещё до революции.

Не менее нелепы и попытки дискредитировать деятельность А.В. Колчака как **флотоводца и военно-морского деятеля**. Первая сплетня на этот счёт связана с его участием в обороне Порт-Артура в русско-японской войне 1904–1905 гг.: якобы «держался поближе к берегу», погибший вице-адмирал С.О. Макаров ему «не доверял», а некоторые «обличители» договариваются и до того, будто он «добровольно сдался в плен японцам». Насчёт того, «доверял» или «не доверял» маститый адмирал молодому лейтенанту, никаких сведений не имеется — в общем-то это был не его уровень, слишком скромное место в служебной военной иерархии занимал ещё молодой Колчак. На войну он поехал добровольцем, не успев ещё вернуться в Петербург после своей второй, спасательной экспедиции. Как известно, в ходе обороны Порт-Артура Колчак командовал миноносцем «Сердитый» Тихоокеанской эскадры (и довольно успешно — считается, что именно на поставленной его экипажем mine подорвался японский крейсер

«Такасаго»¹), а затем береговой батареей. Причина перевода на берег была, однако, вовсе не в «трусости» — осаждённый Порт-Артур простреливался с моря и с суши, и служба на берегу была не менее опасной — а в жестоком ревматизме, заработанном им в полярных плаваниях, который «скрутил» его в Порт-Артуре. За боевые заслуги в обороне Порт-Артура Колчак был по окончании войны награждён одной из самых почётных военных наград Российской Империи — золотым оружием с надписью «За храбрость» с формулировкой «За отличия в делах против неприятеля в Порт-Артуре»², а также орденами Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Разумеется, в этой войне он был ещё лишь одним из младших командиров, но, во всяком случае, прошёл её с достоинством.

Что же касается нелепой сплетни о «добровольной сдаче в плен», то она характеризует лишь дремучее невежество её сочинителей: Колчак попал в плен вместе со всем гарнизоном осаждённого Порт-Артура после его капитуляции 20 декабря 1904 г., за которую впоследствии судили военным судом командовавшего обороной генерала А.М. Стесселя и его ближайших сотрудников, но уж никак не Колчака и других младших офицеров, не нёсших никакой ответственности за это.

Злопыхателями совершенно игнорируется и такая важная сторона деятельности А.В. Колчака, как участие в возрождении и модернизации русского флота после русско-японской войны, прежде всего на службе в Морском генеральном штабе, одним из инициаторов создания которого в 1906 г. он был³, возглавляя сложившийся в Петербурге после войны кружок офицеров, в шутку прозванных «младотурками». Колчак стал одним из авторов программы перевооружения и модернизации русского флота, которую активно «пробивал», будучи на-

¹ *Краснов В.Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. М., 2000. С. 106.

² *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 171.

³ *Плотников И.Ф.* А.В. Колчак: жизнь и деятельность. Ростов н/Д., 1998. С. 40.

значен экспертом комиссии по государственной обороне Государственной думы. По сути, в основу этой программы, в целом (хоть и с коррективами) принятой в дальнейшем Морским министерством, легла программная статья Колчака «Какой нужен России флот», опубликованная в 6-м и 7-м номерах «Морского сборника» за 1908 г. (а ранее четырежды прочитанная им в разных офицерских собраниях в виде доклада), в которой он выступал поборником современного океанского стратегического флота, в противовес сторонникам оборонительного флота вспомогательного значения для «сухопутной» державы. Вернувшись в 1910 г. в Морской генеральный штаб, он непосредственно участвовал в разработке новой судостроительной программы, благодаря которой русский флот вскоре стал оснащаться новейшими судами, построенными и оборудованными по последнему слову техники — линкорами-дредноутами типа «Севастополь», эсминцами с паротурбинным двигателем типа «Новик», подводными лодками типа «Барс» и другими боевыми кораблями. Депутат Государственной думы Н. Савич, сталкивавшийся с Колчаком по его работе в комиссии государственной обороны, в своих воспоминаниях отмечал в нём «волю, настойчивость в достижении цели, умение распоряжаться, приказывать, вести за собой других, брать на себя ответственность» и отмечал, что «товарищи по штабу окружали его исключительным уважением, я бы сказал даже, преклономением; его начальство относилось к нему с особым доверием... Колчак... вкладывал в создание морской силы всю свою душу, всего себя целиком, был в этом вопросе фанатиком»¹. Накануне же Первой мировой войны Колчак в качестве флагкапитана Балтийского флота по оперативной части (аналог современного начальника оперативного отдела штаба флота) непосредственно участвовал в его подготовке к войне.

Больше всего фальсификаций на военно-морскую тему,

¹ Савич Н. Три встречи (А.В. Колчак и Государственная дума) // Архив русской революции / Под ред. И.В. Гессена. Кн. 5. Т. 10. М., 1991. С. 170–171.

связанную с А.В. Колчаком, приходится на Первую мировую войну, и это вполне понятно. Для Колчака эта война стала буквально звёздным часом, за два года он сделал головокружительную карьеру — от старшего штабного офицера в чине капитана первого ранга до командующего Черноморским флотом (с июня 1916 г.) в чине вице-адмирала, став самым молодым (в 42 года) из командующих флотами воюющих держав. Возглавляя с 1915 г. минную дивизию Балтийского флота, он провёл ряд смелых операций по минированию немецких позиций, как правило, лично их возглавляя. Дивизия Колчака выставила сотни мин в тылу у немцев. В оборонительных операциях Балтийского флота эти действия имели большой эффект: так, после одной только операции по минированию Виндавы (ныне Вентспилс) подорвались на минах немецкий крейсер и несколько эсминцев¹. Кроме того, минная дивизия Колчака успешно содействовала частям сухопутной 12-й армии в обороне Моонзундского архипелага; в ходе этой операции он лично возглавил морской десант против немцев на побережье Рижского залива. Да, были в его деятельности и неудачи, но в целом она получила исключительно высокую оценку со стороны высшего командования, обеспечив ему головокружительный карьерный взлёт: в течение одного 1916 года Колчак был произведён сначала в контр-адмиралы, затем в вице-адмиралы и назначен командующим флотом в обход старшинства целого ряда адмиралов. За минные дела на Балтике он был награждён одной из высших русских боевых наград — орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени и орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. В приказе о награждении орденом Св. Георгия (которым он был награждён в ноябре 1915 г. телефонограммой за личной подписью Императора) было сказано: «За выдающуюся боевую деятельность... в течение настоящей войны, выразившуюся в разработке планов боевых операций, выполненных флотом Балтийского моря, а также за выка-

¹ *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 61–62.

занные подвиги мужества и храбрости при действиях флота в Балтийском море, у берегов Германии в Рижском заливе»¹. Казалось бы, всё предельно ясно. И уж если бы не широкая известность Колчака как специалиста-минёра, проникшая далеко за пределы России, вряд ли американцы пригласили бы его в 1917 году читать лекции своим курсантам военно-морской академии по минному делу. Более того, по воспоминаниям капитана корпуса корабельных инженеров Вохановского, именно благодаря инициативе Колчака в годы войны на Балтийском флоте было ускорено строительство подводных лодок².

Но особенно часто коммунисты пытаются принизить — и более того, изобразить неудачной — деятельность Колчака на посту командующего Черноморским флотом, на которую он был назначен в июне 1916 года (высказываниями на этот счёт «отметились», в частности, А. Широкоград, Г. Рыжонк и некоторые другие публицисты «красной» окраски). Дескать, ни одного крупного корабля не потопил, блокаду Босфора не обеспечил, в то время как сам потерял флагманский линкор «Императрица Мария». Высказывания эти содержат откровенную ложь и подтасовки. Именно в период командования флотом Колчака к осени 1916 г. была установлена полная блокада Босфора русским флотом, Россия добилась абсолютного господства на Чёрном море³, и лишь после *отставки* Колчака летом и осенью 1917 года, в обстановке революционного развала страны, немцы и турки стали осмеливаться вновь прорываться через Босфор в Чёрное море. Колчак не просто завершил начатое его предшественником минирование Босфора, но буквально

¹ Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: биографический справочник / Сост.: И.В. Купцов, А.М. Буюков, В.Л. Юшко. М., 2011.

² Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград, 1924. Кн. 5. С. 331.

³ *Айранетов О.Р.* Участие Российской Империи в Первой мировой войне. Т. 3. М., 2015.

но завалил его минами¹ (всего было выставлено более 2 тыс. мин). При нём на Черноморском флоте начал впервые формироваться авиационный отряд. За время деятельности на посту командующего Черноморским флотом Колчак был награждён орденами Св. Анны 1-й степени с мечами и Св. Станислава 1-й степени с мечами. Произшедшая в феврале—марте 1917 года революция застала его в разгар подготовки планировавшейся русской Ставкой десантной операции на побережье Босфора с целью совместного (силами армии и флота) удара на Стамбул (намеченной как раз на весну 1917 года, но революция и начавшиеся с ней проблемы похоронили эти планы).

По поводу заявлений на тему «не потопил ни одного крупного корабля» можно заметить, что в Первую мировую войну на русском военно-морском театре — как на Балтийском, так и на Чёрном морях — вообще не было крупных морских сражений: на Балтике — ввиду превосходства немецкого флота, против которого русский флот был вынужден вести оборонительные действия, на Чёрном море — наоборот, по причине превосходства русского флота, вынуждавшего к оборонительным действиям противника, уклонявшегося от сражений с нашим флотом.

Что касается гибели линкора «Императрица Мария», затонувшего в октябре 1916 г. в результате взрыва порохового погреба, то расследовавшая его причины комиссия хотя так и не пришла к единому мнению (несчастный случай или вражеская диверсия), но ни в коей мере не винила в произошедшем командующего. Вопреки встречающимся в СМИ сплетням о том, что Николай II якобы «не успел отдать под суд Колчака, когда произошла революция», на самом деле Император сообщил адмиралу, что «не видит никакой его вины в гибели “Импера-

¹ *Козлов Д.Ю., Подсобляев Е.Ф., Грибовский В.Ю.* «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние»: К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А.В. Колчаком // Военно-исторический журнал. 2006. №2. С. 28—36.

трицы Марии”, относится к нему по-прежнему и повелевает спокойно продолжать командование»¹.

Наконец, предоставим слово лучшим экспертам в данном вопросе — тогдашним русским адмиралам, современникам Колчака. Вот как оценивал его деятельность на Балтике контр-адмирал М.И. Смирнов: «Можно сказать, что история деятельности Колчака в Балтийском море есть история этого флота во время войны. Каждое боевое предприятие совершалось по планам, им разработанным, в каждую операцию он вкладывал свою душу, каждый офицер и матрос знал, что его ведёт Колчак к успехам»². Говоря о деятельности его на посту командующего Черноморским флотом, Смирнов называет Колчака «наиболее энергичным и активным адмиралом русского флота» и свидетельствует: «В течение трёх месяцев нами было поставлено более 2000 мин. Результат превзошёл самые смелые ожидания. Неприятель потерял на наших минах 6 подводных лодок, и с середины ноября 1916 года до конца командования флотом адмиралом Колчаком ни одна подводная лодка, ни один неприятельский военный корабль, ни один пароход не выходил из Босфора в море. Подвоз угля в Константинополь из единственного турецкого угольного порта Зунгулдак, расположенного на берегу Чёрного моря, прекратился, и Турецкая империя начала чувствовать угольный голод... Потери наших транспортов за всё время командования адмиралом Колчаком состояли в одном пароходе». Далее приводится подборка цитат: «Оценка боевой деятельности адмирала Колчака дана нашими противниками немцами...: “Колчак был молодой и энергичный вождь, сделавший себе имя в Балтийском море. С его назначением деятельность русских миноносцев ещё усилилась... Подвоз угля был крайне затруднён. Угольный голод (в Турции) всё более давил. Флот (немецко-турецкий. — В. Х.) был принуждён прекратить операции... Постановка русскими морскими силами мин перед Босфором производилась ма-

¹ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 270–280.

² Смирнов М.И. Адмирал А.В. Колчак. Париж, 1930. С. 22–23.

стерски... Можно было только удивляться ловкости и уверенности, с которыми русские сами избегали своих собственных раньше поставленных мин... Пришлось сократить железнодорожное движение, освещение городов, даже выделку снарядов. При таких безнадежных для Турции обстоятельствах начался 1917 год. К лету деятельность русского флота стала заметно ослабевать. Колчак ушёл. Россия явно выходила из строя союзников, её флот умирал. Революция и большевистский переворот его добились». И заключает от себя: «Его правилом, как активного военного моряка, было нападать на врага, но он всегда умел взвешивать шансы успеха. В войне на море ему неизменно сопутствовало военное счастье, и операции, которые он вёл, всегда были успешны. Не случись революции, Колчак водрузил бы русский флаг на Босфоре»¹.

Скептики могут сказать: конечно, ведь Смирнов был другом и ближайшим соратником Колчака (флаг-капитаном его штаба, затем начальником штаба, а в годы Гражданской войны — морским министром его правительства), вот и «обелял» его. Однако мнение Смирнова подтверждает контр-адмирал А.Д. Бубнов, служивший в тот период в Военно-морском управлении Ставки Верховного главнокомандующего: «Начиная с вступления адмирала А.В. Колчака в командование флотом до июня месяца 1917 года, когда он это командование покинул, ни одно неприятельское судно больше не появлялось на Чёрном море: весь турецко-германский флот, вернее его остатки, был “закупорен” в Босфоре. С тех пор никто больше не тревожил наших берегов, и нарекания на Черноморский флот прекратились. Установленное вследствие этого полное господство нашего флота на Чёрном море открывало и обеспечивало широкую возможность крупных наступательных операций... Всё это показывает, сколь правильны были оперативные требования, которые верховное командование предъявляло Черноморскому флоту, и сколь целесообразны были решения о смене адмирала А.А. Эбергардта и назначении ад-

¹ *Смирнов М.И.* Указ. соч. С. 23, 29, 38, 59–60.

мирала А.В. Колчака на его место. Для историка же это может послужить отличным примером влияния личности начальника на войну»¹.

А вот что писал вице-адмирал Д.В. Ненюков: «В Чёрном море вступление в командование адмирала Колчака вызвало громадное оживление. Энергичный адмирал, которого сразу прозвали железным за его неутомимость, заставил всех кипеть, как в котле»².

Предоставим также слово контр-адмиралу В.К. Пилкину, написавшему в эмиграции очерк «Два адмирала» о самых популярных русских адмиралах Первой мировой войны — А.В. Колчаке и М.К. Бахиреве: «В наружности его было что-то орлиное... взгляд был орлиный. Выражение лица было суровое. При этом неожиданно, удивительно приятная, мягкая весёлая улыбка.

...Колчак был воином... Он не был спокойным и хладнокровным, как Бахирев. Большой недостаток в военном человеке. Но у него были качества, которых не было у Бахирева: была инициатива, была смелость замысла. Колчаком был задуман и приведён в исполнение ряд смелых и опасных операций, в которых он принимал почти всегда личное непосредственное участие. Немцы не хотели верить, что русские моряки на старых калошах — судах, принимавших участие еще в японской войне, современники которых у немцев давно уже стояли блокшивами в их портах, если не были разобраны — осмеливались в зимние ночи, пробиваясь через лёд, выходить в море и под самыми неприятельскими берегами, на немецких путях сообщения ставить мины, на которых один за другим взрывались суда неприятеля. Во всех этих походах Колчак обнаруживал упорство и настойчивость в достижении поставленной цели... Доблесть Колчака не нуждалась в рекламе.

Волна недаром выносила Колчака всё выше и выше, спер-

¹ Бубнов А.Д. В царской Ставке. Нью-Йорк, 1955. С. 232.

² ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 533. Л. 72.

ва командующим Черноморским флотом, потом Верховным правителем»¹.

При этом Пилкин совсем не идеализирует Колчака (в отличие от его друга Смирнова), признаёт и его недостатки: «Он был бешено вспыльчив... Репутация жестокости прилипла к Колчаку. “Александр Васильевич, — писал ему адмирал Непенин, — ты опять задумал какую-то операцию. Вспомни, какие праздничные дни стоят! Крови захотелось? Так я пришлю тебе барана, зарежь его на шканцах”... Но из песни слова не выкинешь, и Колчак не поднял, после потопления неприятеля, плававших и цеплявшихся за его миноносец немцев»².

И даже контр-адмирал С.Н. Тимирёв, муж возлюбленной Колчака Анны Тимирёвой, служивший с ним на Балтийском флоте, признавал, что Колчак «обладал изумительной способностью составлять самые неожиданные и всегда остроумные, а подчас и гениальные планы операций»³.

Наконец, предоставим слово противнику — немецкому контр-адмиралу: «Постановка минных заграждений у Босфора и Варны русскими морскими силами летом и осенью 1916 г. явилась операцией во всех отношениях замечательной. По приблизительному подсчёту ими было поставлено от 1800 до 2000 мин заграждения. Для выполнения этого задания они пользовались многими ночами, потому что лишь ночью им можно было приближаться к берегу. Их линии заграждений тянулись до самого очертания побережья вплотную к берегу и новые ставились так близко от прежде поставленных, что ловкость, отчётливость и уверенность, с которой русские избегали своих же, на малую глубину ранее поставленных мин, поистине достойна удивления»⁴.

¹ *Пилкин В.К.* Два адмирала // Пилкин В.К. В белой борьбе на Северо-Западе. Дневник 1918—1920 гг. С. 482, 494—495.

² Там же. С. 484.

³ *Кручинин А.С.* Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 67.

⁴ Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. 5. С. 331.

Что, неужели свидетельства **пяти** заслуженных русских и одного немецкого адмиралов, профессионалов крупного калибра и современников Колчака, менее достоверны, чем сплетни сегодняшних досужих злопыхателей? И неужели брошенный муж Тимирёв, чья жена ушла от него в дальнейшем к Колчаку, имел больше оснований высоко оценивать его, чем они?

Некоторые злопыхатели ещё добавляют: «бросил флот в тяжёлой ситуации и сбежал в Америку». Опять абсолютная ложь. После Февральской революции Колчак прилагал все усилия для сохранения дисциплины на Черноморском флоте, и ему это до поры удавалось в силу авторитета, которым он пользовался у команд (тот же Балтийский флот вышел из повиновения в самом начале революции, когда в результате матросских самосудов были убиты сотни офицеров во главе с командующим флотом вице-адмиралом А.И. Непениным). Но охватившее всю армию после Февраля и пресловутого «приказа №1», уничтожившего традиционные понятия о воинской дисциплине, разложение постепенно проникло и сюда вместе с большевистскими агитаторами. 6 июня 1917 года в ответ на требование взбунтовавшихся матросов сдать личное оружие всем офицерам Колчак отказался это сделать и выбросил своё наградное золотое оружие в море (в дальнейшем его саблю выловили водолазы и вручили ему с надписью «Рыцарю чести адмиралу Колчаку»), после чего отказался от командования флотом.

В США же он не «сбежал», а был *направлен* премьером Временного правительства А.Ф. Керенским во главе специальной военно-морской миссии для переговоров по вопросу о планировавшейся совместной операции в Дарданеллах. Эти события широко известны и многократно описаны мемуаристами и историками.

Наконец, не последнюю очередь в ряду сплетен о Колчаке, не касающихся непосредственно его послереволюционной политической деятельности, занимают злостные домыслы о его **личной жизни и нравственном облике**. В качестве «довеска» его хулители, как правило, добавляют: мол, «увёл жену у лучшего друга (в другом варианте — “у подчинённого”»), а собственную

жену с сыном бросил на произвол судьбы». Начнём с того, что С.Н. Тимирёв не был ни другом, ни даже подчинённым Колчака (как показано в фильме), а всего-навсего знакомым и сослуживцем по Балтийскому флоту, на котором они, однако, занимали совершенно разные должности. И, по всей видимости, вплоть до 1918 года, когда Анна Тимирёва оставила мужа (разведясь с ним) и уехала к Колчаку в Харбин, их отношения были ещё платоническими, в переписке они называли друг друга на «вы». Споры нет, «отбить» жену у знакомого, да ещё самому будучи женатым человеком — поведение не идеальное. Но Колчака никто и не собирается канонизировать как святого. Его коллега по профессии, великий английский адмирал Нельсон, оказался ровно в такой же ситуации, и это не мешает ему оставаться национальным героем Британии. А уж об Екатерине Великой или Генрихе IV, славившихся своим любвеобилием, и говорить нечего. Но ценим мы их, как говорится в известном анекдоте, не за это. В конце концов, даже пострадавший от романа Колчака с его женой контр-адмирал С.Н. Тимирёв нашёл в себе достоинство и объективность не опускаться до мести, а отзывался о нём в воспоминаниях исключительно уважительно. В отличие от современных сплетников. Так что оставим морализаторство на эту тему ханжам и любителям покопаться в чужом личном белье.

Тем более злостной является выдумка о том, будто адмирал «бросил жену с ребёнком на произвол судьбы». Во-первых, на момент, когда Колчак был направлен Керенским в командировку в США (в июле 1917 года), его семья оставалась в Севастополе в безопасности — до расправ с семьями адмиралов и офицеров тогда дело ещё не доходило. Командировка его намечалась как относительно краткосрочная, на три—четыре месяца. За это время произошёл Октябрьский переворот, и большевики начали сепаратные мирные переговоры с Германией, что Колчак, как и многие патриоты, счёл изменой Родине. После этого его планы изменились (к ним мы ещё вернёмся), и в Россию он вернулся, как известно, уже в разгар Гражданской войны осенью 1918 года. Тем временем при большевиках

с декабря 1917 года в Севастополе (как и во всём Крыму) уже развернулась настоящая анархия и волна самосудов над офицерами и их семьями. В этих условиях жена Колчака Софья Фёдоровна с сыном Ростиславом была вынуждена скрываться, позднее получила возможность выехать за границу. В это время Колчак фактически потерял связь с ней и не знал о её местонахождении (поскольку жена даже не знала, куда ему писать), как частенько случалось с людьми в водовороте революции и Гражданской войны. Лишь весной 1919 года, уже будучи Верховным правителем в Омске, он получил сведения из Франции, что жена с сыном находится в Париже. Адмирал немедленно установил связь с ней и регулярно переводил жене деньги. Переводы были относительно скромными — по 5 тысяч франков в месяц, но он и сам жил на жалованье, не позволяя себе ничего лишнего, хотя и располагал золотым запасом Империи.

В одном из последних писем к жене в октябре 1919 г. он писал (поскольку письмо длинное, приведу выдержки): «Мне странно читать в твоих письмах, что ты спрашиваешь меня о представительстве и каком-то положении своём как жены Верховного правителя. Я прошу тебя уяснить, как я сам понимаю своё положение и свои задачи. Они определяются старинным рыцарским девизом “Ich diene” (“Я служу”). Я служу Родине своей, Великой России так, как я служил ей всё время, командуя кораблём, дивизией или флотом. Я не являюсь ни с какой стороны представителем наследственной или выборной власти. Я смотрю на своё звание как на должность чисто служебного характера... Моя цель первая и основная — стереть большевизм и всё с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его. В сущности говоря, всё остальное, что я делаю, подчиняется этому положению... Ты пишешь мне всё время о том, что я недостаточно внимателен и заботлив к тебе. Я же считаю, что сделал всё, что я должен был сделать. Всё, что могу сейчас желать в отношении тебя и Славушки, чтобы вы были бы в безопасности и могли бы прожить спокойно вне России настоящий период кровавой борьбы до её возрожде-

ния... Я знаю, что ты заботишься о Славушке, и с этой стороны я спокоен и уверен, что ты сделаешь всё, что надо, чтобы воспитать его до того времени, когда я буду в состоянии сам позаботиться о нём и постараюсь сделать из него слугу Родины нашей и хорошего солдата... Относительно денег я писал, что не могу высылать более 5000 франков в месяц, так как при падении курса нашего рубля 8000 франков составят огромную сумму около 100 000 рублей, а таких денег я не могу расходовать, особенно в иностранной валюте. Из моего письма ты усмотришь, что никакой роли в смысле представительства и приёмов не только не требуется исполнять, но, по моему мнению, она недопустима и может поставить тебя в очень неприятное положение».

В заключение письма адмирал отвечает на упрёки жены, по-видимому, связанные с А.В. Тимирёвой, слухи о пребывании которой в Омске возле него уже несомненно дошли до неё: «Если ты позволяешь себе слушать сплетни про меня, то я не позволяю тебе их сообщать мне. Это предупреждение, надеюсь, будет последним»¹. Письмо тяжёлое, но из него видно, что о семье Колчак продолжал заботиться и обеспечивать её.

Удивительно, как Колчака ещё не обвинили в недостаточной религиозности. Между тем, в бытность командующим Черноморским флотом, он с юмором писал в письме Анне Тимирёвой из Севастополя 22 февраля 1917 г.: «Теперь я занялся новым делом: принимаю участие в бракосочетании дочери адмирала Фабрицкого вопреки церковным правилам, запрещающим это таинство в Великом посту. По этому случаю я с Весёлкиным имел постоянный диспут с архиепископом Таврическим, епископом Севастопольским и ректором семинарии на тему о таинстве брака. После двух часов обсуждения этого вопроса я, опираясь на широкую эрудицию Весёлкина в церковных вопросах, блестяще доказал, что брак, как таинство, с догматической и с канонической стороны может и должен быть совершён в любое время и что до проистекающих из

¹ Военно-исторический вестник. Париж, 1960. №16. С. 18.

него явлений Церкви нет дела. Епископы, по-видимому, впади в панику, но разбить нас не могли и, когда я дошёл до Оригена, — дали разрешение. Присутствуя на торжестве православия, я немного опасался, не буду ли предан анафеме, но всё обошлось благополучно. К участию в совершении этого таинства я привлёк ещё адмирала Трубецкого и для вящего утверждения принял обязанности посаженного отца — полагаю, что теперь всякое сопротивление будет бесполезно»¹. Кого-то такой юмор, возможно, покоробит. Но, в конце концов, соблюдение общепринятых церковных правил — вопрос степени и глубины личной веры, так что и здесь обличения и порицания можно оставить ханжам.

К серии сплетен о личной жизни Колчака относится и расхожая «байка» о том, что он якобы был «наркоманом-кокаином» (в другом варианте — «морфинистом»). Первоисточником этой байки был глава французской военной миссии при правительстве адмирала генерал М. Жанен, находившийся с ним в натянутых отношениях, а затем санкционировавший выдачу адмирала чехами повстанцам в Иркутске в январе 1920 года в нарушение данного ранее слова офицера и гарантий безопасности. Своё подозрение о пристрастии адмирала к наркотикам он высказал лишь как предположение, основанное на личной неприязни (которая была взаимной). Ни у одного из других — включая более приближённых — соратников и близких А.В. Колчака ни в мемуарах и дневниках, ни в переписке ничего подобного не встречается. Но советская пропаганда с удовольствием использовала эту байку Жанена, откуда она перекечевала в исторические романы отдельных писателей, а затем и в арсенал современных певцов большевизма.

Что же касается морального облика и поведения адмирала на посту Верховного правителя в годы Гражданской войны, то его министр труда Л.И. Шумиловский (между прочим, социал-демократ — меньшевик), расстрелянный большевиками, даже

¹ ГАРФ. Ф. р-5844. Оп. 1. Д. 3а. Л. 2.

на суде имел мужество сказать: «Я считал его безукоризненно честным человеком. И ни одного факта, который бы разбил мою веру в него, за весь последующий период мне не удалось узнать»¹. Располагая золотым запасом Империи, он не позволял ни себе, ни другим расходовать из него ни копейки на личные нужды. Между прочим, министру финансов Л.В. фон Гойеру он поставил условием назначения на должность выход из состава правления Русско-Азиатского банка, поскольку считал государственную службу несовместимой с коммерческой.

В следующих главах мы перейдём к рассмотрению домыслов и фальсификаций, касающихся наиболее известных сторон деятельности А.В. Колчака, связанных с революцией и Гражданской войной.

¹ Процесс над колчаковскими министрами: май 1920 г. Сборник документов / Под ред. В.И. Шишкина. М., 2003. С. 113.

Глава 2.

Дело о падении монархии и политическая программа

В советское время было принято клеймить белых «ярыми монархистами и черносотенцами». Но времена изменились: сегодня образ монархии достаточно популярен в обществе, а в условиях возросшей снова конфронтации с Западом гораздо более ругательным стало клеймо «либерала» (которое чаще всего используют и по ассоциации с реформами 1990-х, ничего общего с настоящим либерализмом по сути не имевших). Коммунисты хорошо уловили изменившуюся конъюнктуру: теперь они, наоборот, обвиняют белых в «либеральном западничестве», смешивая их при этом в одну кучу с Временным правительством 1917 года. За точку отсчёта берут события Февраля 1917 года, которые в СССР трактовались как «буржуазно-демократическая революция», произошедшая вследствие массового и стихийного народного недовольства, а сегодняшние трубадуры СССР, как правило, представляют их как организованный переворот в результате заговора либеральной элиты и высшего генералитета. Причём в их изложении события вкратце выглядели так: «слабого» Царя предало его окружение, затем свергнувшие его заговорщики и либералы-масоны развалили страну, а большевики спасли её от краха и «собрали» заново (хотя на самом деле пик развала пришёлся именно на первый период после Октября). Соответственно, белые в их «новой» трактовке — никакие не монархисты, а «либералы-февралисты» и «предатели Царя» (учитывая то, что в числе лиц, способствовавших его отречению и последующему аресту Царской семьи, были и «отцы-основатели» Белого движения генералы М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов). О том, что большевики сами боролись против монархии много лет, при этом как-то «забывается».

Не будем здесь разбирать эту версию подробно — на это ушло бы много места и времени. Остановимся лишь на той её части, что касается А.В. Колчака. В отношении него особо изощрённые неосоветские пропагандисты вынесли «железный» вердикт: «предал Царя, а потом изменил присяге Временному правительству» и вообще «в трудный момент удрал на Запад».

Между тем, Колчак был *единственным* из представителей высшего военного командования, кто в критические февральско-мартовские дни 1917 года не стал обращаться к Императору с просьбой об отречении. Такую просьбу, по инициативе начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М.В. Алексеева, высказали тогда — устно либо телеграфно — сам Алексейев, главнокомандующие всеми пятью фронтами действующей русской армии: генерал от инфантерии Н.В. Рузский (Северный фронт), генерал от инфантерии А.Е. Эверт (Западный фронт), генерал от кавалерии А.А. Брусилов (Юго-Западный фронт), генерал от инфантерии В.В. Сахаров (Румынский фронт) и генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт), и по собственной инициативе — командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин. Все, кроме одного: не послал телеграммы командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак.

О событиях в Петрограде (захвате города революционерами и низложении царского правительства) он узнал 28 февраля, находясь в Батуме на совещании с главнокомандующим Кавказским фронтом великим князем Николаем Николаевичем, из телеграммы морского министра¹. Вернувшись в Севастополь, он получил подтверждения по телеграфу от председателя Государственной думы и из Ставки Верховного главнокомандующего, после чего обратился к Черноморскому флоту

¹ Допрос Колчака // Колчак А.В. — последние дни жизни / Под ред. Г.В. Егорова. Барнаул, 1991. С. 108; Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела А.В. Колчака / Под ред. А.Н. Сахарова, В.С. Христофорова. М., 2003. С. 36.

и гарнизону Севастополя с приказом №771, в котором писал: «Приказываю всем чинам Черноморского флота и вверенных мне сухопутных войск продолжать твёрдо и непоколебимо выполнять свой долг перед Государем Императором и Родиной»¹. Как-то необычно для «заговорщика», не правда ли?

Даже 2 марта, после извещения генерала М.В. Алексеева о телеграфном опросе главнокомандующих фронтами и выражении их мнения за отречение Императора, Колчак, в отличие от своего друга и коллеги — командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина, решившегося послать такую же телеграмму от своего имени, ничего предпринимать не стал, заняв выжидательную позицию². Лишь после получения официальных известий об отречении Николая II (а затем и его брата, великого князя Михаила Александровича) и передаче власти Временному правительству Колчак вместе с флотом присягнул этому правительству. Характерно, что в приветственной телеграмме правительству он ни слова не говорил о революции, как тогда стало модно, а лишь официально приветствовал новое правительство, выражая надежду, что оно доведёт войну до победного конца³.

Показательно, что современный исследователь истории отречения и судьбы Царской семьи П.В. Мультатули в конце концов признал, что о какой-либо причастности Колчака к планированию переворота и участия в нём *никаких документов нет*⁴.

Таким образом, версия об участии Колчака в заговоре и свержении Царя рассыпается в прах. При этом двойное отречение Николая II и Михаила Александровича (первого — в поль-

¹ Кручинин А.С. Указ. соч. С. 126.

² Смолин А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. С. 139.

³ Там же. С. 145–147.

⁴ Исторический батл. Колчак. Д. Парфёнов vs. П. Мультатули [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Sjy0ymCc6zA>
Дата обращения: 18.07.2018.

зу второго, а второго — до грядущего созыва Учредительного собрания) поставило в тупик даже искренних монархистов, ибо кого они в таком случае должны были защищать? В этой ситуации Временное правительство оставалось формально единственной законной властью, поскольку его состав утвердил в своём манифесте об отречении Николай II (ещё предполагая, что оно будет действовать при его брате в качестве Императора). Поэтому правительству присягнула вся армия и вся страна, а не один Колчак.

Высказывания же относительно «измены присяге Временному правительству» и вовсе носят комический характер. Как уже говорилось, в командировку в США Колчака отправил глава этого правительства А.Ф. Керенский. А пока он находился там, произошёл Октябрьский переворот. Признать его Колчак отказался, но как при этом можно было сохранять «верность присяге» правительству, которое распалось и прекратило своё существование?

Другой вопрос, каких **политических взглядов** придерживался Верховный правитель России? Был ли он монархистом, «либералом-февралистом» или кем-то ещё? В своих показаниях следственной комиссии на допросе он вполне откровенно сказал, что до революции никакой политической деятельностью не занимался, как огромное большинство русских офицеров, воспитывавшихся по принципу «Армия вне политики», а монархию принимал как данность. Хотя и отмечал при этом своё отрицательное отношение к Распутину и к тому составу правительства, который существовал накануне революции, считая его неспособным довести войну до победы, и положительное отношение к Государственной думе, много способствовавшей, по его мнению, возрождению боевой мощи России после русско-японской войны, и лидеров которой он считал искренними патриотами¹.

Однако уже в первые месяцы своего существования Вре-

¹ Колчак А.В. — последние дни жизни. С. 100–105; Верховный правитель России: документы и материалы... С. 33–34.

менное правительство жестоко разочаровало Колчака и других патриотически настроенных военачальников. Отсутствие демократических традиций, политической культуры широких масс малограмотного населения, внезапный резкий переход от умеренно авторитарного монархического строя к опьяняющей безбрежной свободе привели к стремительному развалу государственности. Временное правительство, состоявшее из прославленных думских либеральных ораторов и политиков, лишённых, однако, опыта управления, в этой ситуации не сумело найти правильные пути для наведения порядка, несмотря на неоднократную смену его персонального состава. Допущенные им с непростительным легкомыслием такие шаги, как «демократизация» армии, роспуск профессиональных правоохранительных органов, всеобщая амнистия и отмена смертной казни (в условиях войны!), дали толчок разгулу анархии, развалу государства и армии, за считанные месяцы преступность в стране выросла в 8 раз. Бессилие власти наглядно показала рекордная в истории России министерская чехарда: за 8 месяцев своего существования Временное правительство сменило свой состав 4 раза. Этим воспользовались большевики, развернувшие демагогическую агитацию за немедленный мир любой ценой и немедленное проведение самых радикальных социальных преобразований. В отличие от других партий, они умело приспособливали свою пропаганду к низкому уровню сознания масс, используя и элементарные классовые инстинкты и разжигая социальную вражду (знаменитый лозунг «Грабь награбленное!»). Демократическая интеллигенция, раньше сама много и красиво говорившая о благе народа как о высшем законе и своими действиями немало способствовавшая подготовке революции, но в сущности не знавшая и не понимавшая народной психологии, теперь оказалась в растерянности перед лицом разбушевавшейся стихии и не сумела противостоять разрушительной пропаганде демагогов и популистов. О чём говорить, если до революции слово «патриотизм» в среде интеллигенции долгое время было чуть ли не ругательным?!

Сползание страны в бездну анархии и как следствие — пер-

спектива поражения в войне уже в мае—июне 1917 года вызывали тревогу всех государственно мыслящих и патриотически настроенных представителей общества, и в частности военных. После своего отъезда с Черноморского флота Колчак, наряду с генералами М.В. Алексеевым, Л.Г. Корниловым, А.И. Деникиным, А.М. Калединым, выступает с резкой критикой действий (а вернее — бездействия) правительства.

События 1917 года убедили его, как и большинство военных (да и либеральных политиков в лице кадетов!), в гибельности демократии для России. Особенно разочаровало его собравшееся в январе 1918 г. (и тут же разогнанное большевиками) Учредительное собрание, оказавшееся под полным контролем эсеров: позднее на допросе он называл его «искусственно подобранным»¹, а в ранних изданиях протоколов допроса содержалась даже фраза: «Если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного собрания является их заслугой, это надо поставить им в плюс»².

Несколько позднее в переписке с Анной Тимирёвой Колчак вполне определённо высказал своё отношение к демократии: «Что такое демократия? Это развращённая народная масса, желающая власти. Власть не может принадлежать массам в силу закона глупости числа (здесь и далее выделено мною. — В. Х.): каждый практический политический деятель, если он не шарлатан, знает, что *решение двух людей всегда хуже одного... наконец, уже 20–30 человек не могут вынести никаких разумных решений, кроме глупостей*»³. При всей европейской образованности адмирала, российская демократия по примеру 1917 года прочно ассоциировалась у него, как и у многих его единомышленников, с «керенщиной», то есть дряблостью, безволием и сплошной «го-

¹ Верховный правитель России: документы и материалы... С. 54.

² Колчак А.В. — последние дни жизни. С. 164.

³ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». Переписка А.В. Колчака и А.В. Тимирёвой. М., 1996. С. 269; ГАРФ. Ф. р-5844. Оп. 1. Д. За. Л. 96; *Июффе Г.З.* Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 23.

ворильней» вместо реальных дел на фоне развала страны. Недаром управляющий делами правительства Колчака Г.К. Гинс позднее вспоминал: «До последнего времени адмирал больше всего ненавидел “керенщину” и, может быть, из ненависти к ней допустил противоположную крайность — излишнюю “военщину”»¹. А в письме генералу А.Н. Пепеляеву в июле 1919 г. Колчак, категорически отвергая идею срочного созыва Учредительного собрания, писал, что никогда не допустит «гнусной эсеровщины» и «ничтожного шутовства в стиле Керенского».

Показательно и то, что, придя к власти как Верховный правитель, Колчак *запретил* празднование самой годовщины демократической Февральской революции (такой «либерал-февралист»!), включая какие-либо митинги и манифестации в её честь. А его пресса писала по данному поводу, что эту годовщину «уместно помянуть... во всенародном стыде и молчании»², имея в виду плачевные итоги революции. (В равной степени были запрещены и первомайские митинги и демонстрации под предлогом военного положения, не мешавшего, однако, работе ресторанов, кабаре, казино и прочих развлекательных заведений.) Надо отметить, что *для такого недоверия к демократии имелись все основания*. Отсутствие демократических традиций, малограмотность населения сказывались постоянно. Даже на уровне местных, земских выборных органов самоуправления введение всеобщего избирательного права в 1917 г. привело к массовому избранию малограмотных депутатов («гласных»), совершенно несведущих в вопросах управления и больше стремившихся решить за счёт своего депутатства *личные* нужды, чем общественные. Тогдашняя пресса просто изобиловала подобными примерами. Для демократии совершенно отсутствовал уровень гражданской зрелости. Если сегодня, при поголовной грамотности, люди не знают, за кого голосуют, а потом возмущаются поддержкой депутатами (ими же избранными!) повышения пенсионного возраста, —

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 10.

² Сибирская речь (Омск). 1919. 14 марта.

что же говорить о том времени, когда больше половины населения было вообще неграмотным?

Позвольте, скажут, а как же известные демократические декларации Колчака в статусе Верховного правителя, обещания созвать в будущем Учредительное собрание и т. д.? Или этого не было?

Было. Колчак хоть и не был профессиональным политиком, но как умный и образованный человек широкого кругозора прекрасно понимал, что в XX веке, особенно после произошедших после революции колоссальных сдвигов в общественном сознании, управлять страной без учёта общественного мнения и без народного представительства уже невозможно. Поэтому он часто выступал перед представителями прессы и интеллигенции, а в своих регулярных поездках на фронт и в прифронтовую полосу — и перед солдатами, делегациями крестьян и рабочих. Кроме того, он был заинтересован в получении международного признания своей власти и помощи от союзников, тогда как и Англия, и Франция, и США были странами демократическими и относились к белым с недоверием, подозревая их в планах реставрации монархии. Более того, при его правительстве была создана специальная комиссия по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание после победы над большевиками (сам Колчак, впрочем, не любил этого термина, вызывавшего ассоциации с бессильным проэсеровским Учредительным собранием, разогнанным большевиками, и предпочитал называть его Национальным собранием). Эта комиссия под председательством А.С. Белоруссова-Белецкого разработала достаточно демократичный законопроект, в основу которого было положено всеобщее избирательное право. Кому интересны подробности, отсылаю к своей монографии «Национальная идея и адмирал Колчак», в которой этот проект и история его создания детально описаны¹.

Гораздо важнее официальных деклараций и законопроек-

¹ *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017. С. 276–281.

тов были *оговорки*, которые делали Колчак и его сподвижники и на публику, а ещё более откровенно в своём кругу. Прежде всего, категорически отметалась возможность созыва старого Учредительного собрания, разогнанного большевиками, чего требовали эсеры, из-за его демократизма и преобладания социалистов в его составе. Предлогом было то, что данное собрание было избрано в обстановке «народной смуты», или «народного помешательства». Во-вторых, выборы в новое Учредительное собрание откладывались до победы над большевиками и «успокоения» страны, что в общем-то выглядело логичным. Далее, принятый законопроект о выборах, о котором говорилось выше, по сравнению с демократическим законом Временного правительства имел такие важные отличия, как внепартийность выборов (не по партийным спискам, а персонально, «одномандатники»), замена демократических пропорциональных выборов мажоритарными (при которых побеждает кандидат, набравший более 50% голосов, что более типично для авторитарных режимов), высокий возрастной ценз (25 лет, как до революции) и лишение избирательных прав военных и служащих других «силовых» структур (по принципу «Армия вне политики», хотя сам колчаковский режим, как и деникинский, носил характер военной диктатуры); кроме того, за исключением крупных городов (численностью свыше 250 тыс. жителей), выборы были не прямыми, а двухстепенными¹.

До победы же над большевиками были объявлены лишь (в сентябре 1919 г.) выборы в *совещательное* (без решающего голоса) Государственное земское совещание (по образцу дореволюционного Государственного совета), треть которого вообще назначалась, а две трети избирались земствами, городами, профсоюзами, казачьими станицами и церковными приходами, при высоком возрастном цензе в 30 лет² (выборы так и не успе-

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 123. Л. 36–37.

² Подробнее см.: *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. С. 284–291; ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 133. Л. 113–119; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 8 ноября.

ли провести из-за наступившей катастрофы на фронте). Ещё раньше по схожему принципу при правительстве А.В. Колчака было образовано Государственное экономическое совещание (но только по экономическим вопросам), состоявшее частью из назначенных членов, частью из представителей торгово-промышленных корпораций, банков, кооперативов, земств и городов¹.

Даже законы о выборах в земские и городские выборные органы местного самоуправления были изменены: с целью повышения их профессионального уровня был введён ряд ограничений, отменены выборы по партийным спискам, повышен возрастной ценз и частично возрождена (в земствах) ступенчатая система выборов².

Между тем активность избирателей как на территории белых, так и в Советской России была в эти годы крайне низкой (на уровне 25–30%), что отражало разочарование широких масс народа в демократии. При этом белые всемерно старались направить деятельность местных органов самоуправления (как и профсоюзов) в хозяйственное русло и «отвадить» их от политики (именно поэтому они всячески препятствовали идее созыва Сибирского союза земств и городов, «Сибземгора», по примеру дореволюционного всероссийского «Земгора», занимавшегося в основном политикой и оппозицией).

Но ещё важнее многозначительные оговорки, которые делались Верховным правителем и его сподвижниками в узком кругу. В воспоминаниях генерала М.А. Иностранцева приво-

¹ Подробнее см.: *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. С. 371–374; *Правительственный вестник (Омск)*. 1918. 27 ноября; *Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака* / Сост. Е.В. Луков, Д.Н. Шевелёв. Томск, 2002–2003. Вып. 1. С. 31–32.

² Подробнее см.: *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. С. 292–293; *Правительственный вестник*. 1919. 21 января; *Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака*. Вып. 2. С. 15–16; *ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Л. 11.*

дится характерная реплика адмирала: «При выборе в Учредительное собрание *пропущу в него лишь государственно-здоровые элементы*»¹ (выделено мною. — В. Х.). И когда в публичных выступлениях адмирал называл в числе главных задач после победы над большевиками «создание условий» для этих выборов, то ему даже не приходилось лукавить — хотя, конечно, он *недоговаривал*: «создание условий» означало обеспечение победы тех самых «государственно-здоровых» элементов. Что же касается демократических деклараций, то перед сподвижниками он и не скрывал, что они нужны «для успокоения союзников» и собственной интеллигенции, сохранились свидетельства В.Н. Пепеляева и других на этот счёт².

Можно лишь предположить, что в случае победы белых при таком отношении и при умело организованной системе отсева («пропущу лишь государственно-здоровые элементы») в парламент была бы допущена лишь умеренная оппозиция, как в Испании при диктатуре Франко. Приходится признать, что в этом вопросе К. Маркс был прав, когда писал в своём «18-м брюмера Луи Бонапарта», что всеобщее избирательное право — ещё не показатель демократии. Сталинская конституция 1936 года по содержанию вообще была достаточно демократической, но разве это означает, что она обеспечивала реальную демократию?

В обоснование мифа о Колчаке как о «либерале-западнике» нередко приводят тот факт, что в его правительстве активную роль играли кадеты — В.Н. Пепеляев, Г.Г. Тельберг, Г.К. Гинс и др. На самом деле этот факт говорит об *обратном* — о радикальном изменении позиций самих кадетов в ходе революции и Гражданской войны. В отличие от эсеров и других социалистов, не сделавших никаких выводов из краха российской де-

¹ *Иностранцев М.А.* Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело. Берлин, 1926. Т. 1. С. 108.

² *Дневник В.Н. Пепеляева* // Окрест Колчака: документы и материалы / Под ред. А.В. Квакина. М., 2007. С. 62; ГАРФ. Ф. р-195. Оп. 1. Д. 47. Л. 27 об.

мократии периода Временного правительства, для кадетов её крах (вторично воспроизведённый в миниатюре бессилием демократической омской Директории 1918 года) послужил жестоким уроком и началом идейной ломки, закончившейся осенью 1918 года переходом с позиций либеральной демократии западного образца на позиции военной диктатуры и активным участием в колчаковском перевороте 18 ноября 1918 года. Во многом такой эволюции способствовало и то, что после Февраля и распада монархических партий (черносотенцев, октябристов и др.) кадеты остались наиболее правой партией и вобрали в себя значительную часть осколков этих партий (прежде всего октябристов). Данная эволюция коснулась не только политических взглядов кадетов, но и духовных (от безразличного отношения к религии — к активной поддержке православия), и экономических (наоборот, в сторону усиления либеральных тенденций, ослабления государственного регулирования и поддержки частной собственности крестьян на землю, по опыту разрушительных экспериментов социалистов и коммунистов) и т. д. Кому интересны подробности этого процесса, отсылаю к своей обстоятельной монографии на эту тему, всесторонне исследующей эволюцию идеологии российских либералов на примере Сибири с Февраля 1917 года на протяжении всей революции и Гражданской войны¹. Что же касается национального вопроса, то кадеты и до и после революции, **в отличие** от современных российских «либералов», выступали поборниками единства и неделимости России и политики активной территориальной экспансии (недаром их лидера П.Н. Милюкова прозвали «Милюков-Дарданелльский» за особенно активную пропаганду завоевания Россией проливов из Чёрного моря в Средиземное).

Духовной опорой власти выступала **Церковь**. Не признав советского декрета об отделении церкви от государства и шко-

¹ Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири периода революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.). Томск, 2010.

лы от церкви, правительство А.В. Колчака отпускало деньги из государственного казначейства на содержание Временного высшего церковного управления (созданного в отсутствие связи с Патриархом Тихоном, находившимся в Москве) во главе с омским архиепископом Сильвестром (впоследствии убитым большевиками и канонизированным РПЦ как священномученик), восстановило структуру военного духовенства во главе с главным священником армии и флота протоиереем Касаткиным (с октября 1919 г. — во главе с епископом армии и флота Борисом)¹, преподавание в школах Закона Божия (правда, идя навстречу веяниям времени и требованиям свободы совести, от его изучения разрешили освобождать по заявлениям родителей, а с 16 лет — по заявлениям самих учеников). И все эти мероприятия, кстати, проводились при активной поддержке тех же кадетов. Какое уж тут «либеральное западничество»... В храмах шли службы во здравие «богохранимой державы Российской и благоверного Верховного правителя». Под религиозными знамёнами в сентябре 1919 г. в армии Колчака началось формирование добровольческих православных дружин Святого Креста и мусульманских отрядов Зелёного Знамени (в сумме составивших, впрочем, одну дивизию). При этом Церковь, как и армия и другие «силовые» государственные структуры, провозглашались вне политики. Вместе с тем, признавая власть А.В. Колчака национальной русской властью, ведущей борьбу против безбожного антирусского интернационала, Временное высшее церковное управление в Омске 6 февраля 1919 г. обратилось с призывом (широко растиражированным белогвардейской прессой) об оказании моральной поддержки белым к ведущим иерархам зарубежных христианских церквей — Папе Римскому, архиепископам Кентерберийскому, Парижскому и двум Нью-Йоркским (протестантскому и католическому), митрополитам Сербскому, Бухарестскому и Афинскому; в своих ответах те изъявляли полное сочувствие.

Было покончено и с демократическим экспериментом в

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 2. Л. 420.

сфере народного **просвещения**: школы, ранее освобождённые от правительственного надзора и всецело переданные в руки педсоветов и местных органов земского и городского самоуправления (что привело к полному расстройству системы народного образования), при Колчаке были вновь подчинены восстановленным попечительским органам правительственного надзора (правда, в вузах, с учётом университетской автономии, их полномочия ограничивались совещательным голосом)¹. Но при этом выборность руководства вузов, по сути уничтоженная большевиками и восстановленная сменившей их демократической властью в 1918 г., при Колчаке полностью сохранялась.

Не случайно и то, что режим белых — как при Колчаке, так и в других регионах страны — принял формы *военной* диктатуры. Все политические партии, кроме большевиков, дискредитировали себя своим практическим бессилием при Временном правительстве, и не случайно те же кадеты, ставшие главной политической опорой белых, добровольно уступили первенство военным, довольствуясь относительно скромной ролью политических советников при них.

Да, признаем, складывались даже элементы культа личности А.В. Колчака (как и у красных — В.И. Ленина): в печати его называли «великим вождём и собирателем Земли Русской», «титаном», «витазем», «русским Вашингтоном», а кадетская партия устами своей III Восточной конференции в мае 1919 г. прямо провозгласила его «национальным вождём». В мае 1919 г. Омское общество любителей изящных искусств постановило воздвигнуть прижизненный памятник адмиралу² (на конкурсе победил проект скульптора И. Шадра, впоследствии, по иронии судьбы, создавшего статую В.И. Ленина на Земо-Авчальской ГЭС). Тенденция творить кумиров из вождей — вообще характерная примета бурных исторических эпох.

Вместе с тем, когда говорят, что «белые и красные были оди-

¹ ГАРФ. Ф. р-190. Оп. 1. Д. 88. Л. 211об., 213 об.

² Заря (Омск). 1919. 1 мая; Сибирская жизнь. 1919. 9 мая.

наково жестокими диктаторами», это ложь и подтасовка. Советская власть изначально строилась как тоталитарный режим, основанный на сочетании насилия, абсолютного подавления инакомыслия и демократических свобод с мощной, всеобъемлющей идеологической пропагандой. Белогвардейская власть представляла умеренно авторитарную военную диктатуру с ограниченным допуском оппозиционных партий (кроме большевиков) и свободы печати, в газетах нередко подвергались критике управляющие губерниями и даже министры, а также общая политика правительства; вне критики, как и при монархии, оставалась лишь особа Верховного правителя. Если на момент освобождения Сибири от большевиков на её территории (включая входивший в её состав северо-восточный Казахстан) издавалось всего 68 печатных изданий (газет и журналов), то в апреле 1919 г., на момент наивысшего территориального расширения власти Колчака, на подконтрольных ей территориях Сибири, Урала, Дальнего Востока и северо-восточного Казахстана их число достигло 191¹ (хотя и были случаи, когда отдельные оппозиционные газеты закрывались властями за превышение допустимой критики, это не мешало им «возродиться» в ином обличье: так, известная оппозиционная омская газета «Заря», будучи закрыта в июне 1919 г., вскоре вновь начала выходить под названием «Русь»).

Советская власть вплоть до 1936 года строилась на «диктатуре пролетариата» и правовой (не говоря об имущественной) дискриминации «свергнутых эксплуататорских классов» (причём понятие это трактовалось довольно широко, и кто думает, что под ним подразумевались лишь дворяне, купцы, духовенство и «кулаки», тот жестоко ошибается. Так, знакомой моего деда отказали в приёме в вуз только потому, что её отец был портной-кустарь — мелкий собственник, имевший при НЭПе свою мастерскую, т. е. «чуждый мелкобуржуазный элемент»). Создавался сословный строй наизнанку, тем более уродливый,

¹ ГАРФ. Ф. р-193. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–4; ГАРФ. Ф. р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 19–23 об.

что по сравнению с дореволюционным сословным строем (постепенно отмиравшим ещё *до революции*), в котором привилегированные сословия были по крайней мере носителями традиций, образования и культуры, в советской системе привилегии получали, наоборот, низшие, наименее культурные слои общества (и это было естественно — тем легче было большевикам опираться на их поддержку и «промывать» им мозги). Белогвардейская же власть строилась на идее правового равенства граждан.

Советская власть возвела террор в систему управления, от которой начала отходить лишь по мере своего разложения после смерти Сталина. Для белых же террор был лишь ответным и временным средством (причём несопоставимым с красным террором по масштабам и системной жестокости), в целом они ориентировались на возрождение *правового* государства, складывавшегося в России со времён реформ Александра II. Впрочем, о терроре мы поговорим отдельно, потому что певцы «комиссаров в пыльных шлемах» особенно любят спекуляции на эту тему.

В целом же белая диктатура была настолько же «похожа» на красную, как путинский режим на сталинский или как режим Франко в Испании — на Гитлера. И это — несмотря на то, что *формально* белая диктатура была более «классической» и ничем не ограниченной. Юридически, согласно Положению о временном устройстве государственной власти в России, принятому после переворота 18 ноября¹, все указы Верховного правителя подлежали скреплению Советом министров (им же и назначенных), но фактически Совет министров играл чисто техническую, служебно-исполнительную роль. Значительно большее, хотя и менее формальное значение, имел Совет Верховного правителя — своеобразное «колчаковское политбюро», состоявшее из 5 ключевых министров (преьера, министров иностранных дел, внутренних дел, финансов и управляющего

¹ Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 23–24.

делами Совмина) и принимавшее основные решения в области внутренней и внешней политики. Одновременно Верховный правитель являлся Верховным главнокомандующим (соединяя в своих руках, таким образом, военную и гражданскую власть, что типично для режима военной диктатуры) с правами согласно дореволюционному военно-дисциплинарному уставу, дополненному статьёй 46-1, предоставлявшей ему право в военное время разжаловать своей властью генералов и офицеров в рядовые. И, кстати, указы, изданные в правовой форме *приказа* Верховного правителя и Верховного главнокомандующего, не подлежали скреплению Советом министров. Впоследствии в эту практику были внесены дополнения: с одной стороны, указ Верховного правителя от 27 августа 1919 г. предоставлял праву Совету министров самостоятельно утверждать постановления, не затрагивающие «основ государственного строя»; с другой стороны, постановление Совета министров от 29 августа предоставляло право Верховному правителю проводить без формального утверждения Совмином указы, «издаваемые в порядке чрезвычайной меры»¹.

Гражданскую исполнительную власть на местах осуществляли назначенные Верховным правителем управляющие губерниями, областями и уездами (революционное название «комиссар» было упразднено в декабре 1918 г., вскоре после прихода Колчака к власти). В прифронтовых регионах был также введён институт главных начальников края (Уральского, Самаро-Уфимского и Южноуральского) с правами дореволюционных генерал-губернаторов. Как уже говорилось, выборы в представительные органы парламентского типа были отложены до победы, и даже выборы в Государственное земское совещание, призванное играть роль совещательного (а не законодательного) органа, прошли незадолго до краха режима; лишь на местах продолжали действовать традиционные выборные органы земского и городского самоуправления.

Наоборот, большевистская власть чисто *формально* была де-

¹ Правительственный вестник. 1919. 6 сентября.

корирована и подобием (хотя и весьма уродливым, лишавшим избирательных прав миллионы граждан) выборных законодательных органов в лице Советов и их съездов, пирамидой «как бы» выборных партийных органов, но при этом оставалась жесточайшей однопартийной диктатурой тоталитарного оттенка, в отличие от умеренно авторитарной власти белых. Само по себе наличие выборных представительных органов мало о чём говорит, и лучше всего это продемонстрировала сталинская эпоха, когда при формальном (опять же) устранении всех ограничений демократии, всеобщем, равном и прямом избирательном праве и декларированных демократической конституцией 1936 года правах и свободах граждан *на практике* царил такая абсолютная «вертикаль власти» и полное подавление любого не то что инакомыслия, а даже намёка на него, которые не снились Ивану Грозному.

При этом при Колчаке, с целью обеспечения контроля над всеми ветвями власти, 1 июня 1919 г. был введён в действие закон о независимом от правительства государственном контроле; государственный контролёр, как и судебные органы, хоть и назначался Верховным правителем, но был *несменяемым*.

И если мы посмотрим на историю других стран, то увидим, что практически везде *военные* диктатуры носили гораздо более умеренный и относительно «мягкий» характер по сравнению с *партийными* диктатурами. Партийные диктатуры, как правило, устанавливались наиболее радикальными партиями либо фашистского (Гитлер, Муссолини и др.), либо коммунистического типа (Ленин, Сталин, Мао Цзэдун и его преемники и др.) и имели ярко выраженную идеологическую окраску, когда идеология правящей партии навязывается обществу фактически в виде новой религии, крайне нетерпимой к любой конкурирующей идеологии; отсюда и жёсткий тоталитарный характер с подавлением любого инакомыслия. В отличие от них, военные диктатуры (Колчак и Деникин, Франко, Хорти, Пиночет и др.), как правило, не носят жёсткой идеологической окраски и призваны содействовать *умиротворению* общества после крупных социально-политических катаклизмов,

носят «переходный» характер (значительно менее долговечны, чаще всего уступая в дальнейшем место плавной эволюции к демократии) и относительно терпимы к разным партиям и идеологиям, кроме радикальных.

Попутно отметим и несостоятельность другой версии, распространённой среди современных либералов и демократов — о том, будто бы именно диктатура, и в частности колчаковский переворот 18 ноября 1918 года в Омске, свергнувший демократическую Директорию, во многом погубили «Белое дело», разрушив коалицию с демократическими партиями и тем самым «сузив» политическую опору белых. Такое же заблуждение, как утверждать, что Ленин «сузил свою базу» разрывом с левыми эсерами. На практике демократическая Директория повторила на Востоке России в 1918 году «в миниатюре» печальный опыт Временного правительства России 1917 года, т. е. всё той же «керенщины». Её так же раздирали межпартийные противоречия между кадетами, эсерами, меньшевиками и др., так что современники иронически сравнивали её с персонажами басни Крылова «Лебедь, щука и рак». Власть была такой же малоэффективной и не пользовалась авторитетом. Прежде всего в армии и деловых кругах. Пока фронт был стабильным, её положение было относительно устойчивым, но как только начались первые поражения, она была обречена. Сами бывшие члены свергнутой колчаковским переворотом Директории в своём заявлении признавали, что устранившие её заговорщики, «немногочисленные, но сильные своей сплочённостью», победили «на фоне пассивного населения и обессиленных рядов демократии»¹.

Подавляющее большинство очевидцев и современников отмечали, что после переворота Колчака престиж власти укрепился, порядка в управлении стало значительно больше, а протест выразили лишь сравнительно небольшие группы эсеров в Екатеринбурге (съезд членов Учредительного собрания) и в Уфе («Совет управляющих ведомствами»), который был лег-

¹ ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

ко подавлен. Массы народа остались индифферентными, а армия, предпринимательский класс и истосковавшийся по «твёрдой власти» обыватель приветствовали переворот. Более того, демократическую Директорию категорически отказывалась признавать в качестве всероссийской верховной власти такая важнейшая сила Белого движения, как Добровольческая армия генерала А.И. Деникина. Верховную же власть Колчака Деникин признал (хоть и после определённых колебаний).

Говоря о демократии и диктатуре, нельзя не согласиться с утверждением тогдашних сибирских кадетов, отказавшихся от фетишизации демократии и признавших: «Наиболее полезное и нужное для народа государственное и общественное устройство — то именно, которое *соответствует данному, а не выдуманному уровню его общественного и культурного быта и политического развития* (выделено мною. — В. Х.)... Примерка сшитой не по плечу и бестолковыми портными государственно-правовой одежды была русским народом испытана в 1917 году (т. е. при Временном правительстве. — В. Х.). Так или иначе, он эту одежду сбросил»¹.

Что касается коалиции партий, то на практике она была фикцией уже к моменту переворота — и общество, и структуры власти всё острее раздирали межпартийная борьба, во главе которой на одном фланге стояли кадеты, на другом — эсеры. Слишком разными были их взгляды и цели: вторые продолжали упрямо верить в лозунги «чистой демократии» и стремились проводить социалистические эксперименты (хоть и в гораздо более умеренном виде, чем большевики), первые были убеждёнными противниками этих экспериментов и с учётом плачевного опыта Временного правительства (повторявшегося в Сибири в этот период) пришли к выводу о преждевременности демократии в тогдашних российских реалиях и о диктатуре как единственном выходе из сложившейся ситуации. Переворот лишь завершил и «узаконил» распад этой непрочной коалиции, единственным связующим звеном которой была борьба

¹ Сибирская речь. 1919. 17 сентября.

с большевиками. Повторялся опыт Французской революции, где демократическую Директорию (само название которой так неудачно позаимствовали русские демократы в 1918 году) сверг в результате военного переворота 1799 года Наполеон. Демократическое движение в роли «третьей силы» российской Гражданской войны оказалось наиболее слабым и организационно аморфным, будучи свергнуто (и в дальнейшем раздавлено «красным террором») в масштабах всей России «левой» диктатурой большевиков, а затем на Востоке России — «правой» диктатурой белых. Так обычно и бывает в экстремальных исторических ситуациях. Это признавал и большевистский вождь В.И. Ленин, относившийся к белым как к серьёзным противникам (известна его фраза: «Колчак и Деникин — единственные серьёзные враги советской власти»), а социалистическим демократам давший следующую убийственную характеристику: «Этих мещанских Нарциссов — меньшевиков, эсеров, беспартийных — настоящая деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарциссы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать»¹.

При этом сохранилась коалиция с относительно немногочисленными, наиболее *правыми* группами социалистов — такими, как партия энесов (народных социалистов), правым крылом сибирских автономистов-областников во главе с Г.Н. Потаниным, а также совсем малочисленными, наиболее правыми группами партий эсеров («Воля народа» Б.В. Савинкова и В.Л. Бурцева) и меньшевиков («Единство», состоявшее из последователей Г.В. Плеханова). Эти группы отличало то, что, при общей демократической настроенности и умеренно критическом отношении к диктатуре и политике колчаковского правительства, они всё же считали его «меньшим злом» по сравнению с большевиками и поэтому поддерживали его, хотя и подвергали критике, в том числе в своих печатных из-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. С. 239.

даниях (а некоторые, как Савинков и Бурцев, и вовсе встали на позицию безоговорочной поддержки диктатуры). В отличие от большинства партий эсеров и меньшевиков, расколовшихся на союзников большевиков (во главе с В.М. Черновым, В.К. Вольским и Ю.О. Мартовым) и сторонников «третьего пути» под лозунгом «Ни Ленин, ни Колчак!» (глашатаями которых выступали за границей А.Ф. Керенский и Н.Д. Авксентьев). Стараниями кадетов эти, наиболее правые и конструктивные группы социалистов были объединены в т. н. Омский национальный блок под фактическим руководством кадетов и привлечены к сотрудничеству.

При относительной терпимости к оппозиции непримиримое отношение было лишь к большевикам. В одном из обращений колчаковского правительства к народу говорилось: «Мы ведём с большевизмом смертельную борьбу, которая не может окончиться договором или соглашением, ибо в этой борьбе мы защищаем Родину против Интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания. В этой борьбе у нас нет честных противников, есть шайки грабителей, руководимых международными отбросами»¹.

Возникает вопрос: почему же белые и лично Колчак, ориентируясь на *традиции*, не будучи демократами и абсолютно отрицательно (что видно из приведённых цитат) относившимися к опыту Временного правительства («керенщины»), второе издание которой — омскую Директорию — адмирал благополучно сверг, придя к власти в результате переворота 18 ноября 1918 года и установив военную диктатуру, не стремились восстановить монархию? Среди современных обличителей белых популярна гуляющая по Интернету «фейковая» цитата Троцкого: «Если бы белые провозгласили лозунг кулацкого царя, мы бы не продержались и двух недель». Увы, но цитата эта *выдуманная*, и ни одной ссылки на документ, её содержащий, нигде не приводится. Очередной блеф. Да и забавно было бы представлять большевиков до такой степени авантю-

¹ Сибирская речь. 1919. 26 июля.

ристами, что они могли решиться на свой эксперимент, рискуя потерять всё в два счёта из-за такой малости.

В реальности престиж монархии и монархическая идея в России в годы революции были, к сожалению, сильно дискредитированы. Даже казачьи станицы, прежняя опора монархии, в своих наказах времён Гражданской войны высказывались против неё. О крестьянах и рабочих и говорить нечего. Бывший царский премьер-министр (в 1911–1914 гг.) В.Н. Коковцов, поэтесса Марина Цветаева и другие современники отмечали, что к известию о расстреле Николая II рядовые обыватели отнеслись либо с чёрствым равнодушием, либо даже со злорадством, редко можно было встретить сочувствие. Определённый всплеск ностальгии по монархии среди крестьян был зарегистрирован органами ГПУ гораздо *позже*, в период сталинской коллективизации, когда большевики окончательно «взяли за горло». Но тогда было уже поздно... Что касается либеральной прессы, то в ней признаком «хорошего тона» в эти годы стало осуждать монархию по поводу и без повода, что переходило всякие границы разумного: получалось, что все выдающиеся завоевания России, в том числе культурные, были осуществлены вопреки власти Романовых, а всё негативное (экономическая отсталость, малограмотность народа и т. п.), наоборот, вменялось ей в вину.

Среди белых офицеров было немало убеждённых монархистов: известно, как любили они, особенно в застольях, исполнять старый гимн «Боже, Царя храни!». Из наиболее известных белых генералов выделялись монархическими настроениями В.О. Каппель, М.Г. Дроздовский, А.П. Кутепов, М.К. Дитерихс. Но даже они понимали, что открытое провозглашение монархических лозунгов по меньшей мере *несвоевременно*. Оно и оттолкнуло бы от белых сразу большинство народа, и раскололо бы ряды их активных сторонников, среди которых были как монархисты, так и сторонники республики. Лишь на самом заключительном этапе Гражданской войны, в июле 1922 г. генерал М.К. Дитерихс во Владивостоке провозгласил целью восстановление монархии. По сути это был жест отчаяния, терять к тому времени было всё равно уже нечего, всё было ис-

пробовано; но и это не помогло. И лишь в эмиграции этот лозунг приняли остальные белые (в массе своих активных организаций), да и то тут же раскололись по вопросу о кандидатуре монарха на «кирилловцев» и «николаевцев». Терять им к тому времени было тем более уже нечего.

Именно поэтому в годы Гражданской войны Белое движение в лице его вождей и в частности А.В. Колчака приняло известную установку о «непредрешении» **формы** правления в будущей России (монархия или республика). Схема была такова: сначала победить большевиков, добиться умиротворения в стране, а далее в спокойной обстановке и под контролем властей («пропущу только государственно здоровые элементы») провести выборы в *новое* Учредительное собрание (закон о котором был подготовлен), которое от имени народа определит будущее государственное устройство.

Некоторые исследователи почему-то считают, что такая «расплывчатость целей» лишала широкие массы понимания задач Белого движения. На самом деле эти задачи достаточно чётко проявлялись в **практической** политике белых (о чём мы поведём речь в следующих главах). В конце концов, вопрос о монархии или республике был далеко не главным (сильно ли отличается современная монархическая Великобритания от республиканской Франции?), и в любом случае было ясно, что даже при возможности возрождения монархии она будет лишь в конституционном варианте английского типа. В результате Первой мировой войны рухнули последние «классические», авторитарные монархии в Европе — Российская, Германская и Австро-Венгерская. В таких условиях даже искренним монархистам было ясно, что возрождение монархии в **прежнем** виде невозможно. Формула же «непредрешения» по сути обеспечивала сплочение в рядах Белого движения как монархистов, так и умеренных республиканцев (кроме демократических социалистов типа эсеров и меньшевиков), оставляя данный вопрос открытым и предохраняя от раскола.

Белые вожди прекрасно понимали, что какие-то завоевания революции, начиная с февраля 1917 года, признать всё

равно придётся, потому что историю невозможно повернуть вспять. Было бы нелепо и фантастично, например, пытаться восстанавливать такой уничтоженный революцией пережиток старины, как сословное неравенство (и без того постепенно отмиравшее ещё при монархии). Или отменять введённый большевиками 8-часовой рабочий день. С другой стороны, принципиальное неприятие у белых вызывали такие дискредитированные жизнью новшества Временного правительства, как имевшая катастрофические последствия «демократизация армии» и уступки сепаратистским элементам национальных окраин.

В отличие от большевиков, принципиально отказавшихся от правопреемства по отношению к старому Российскому государству, при белых была восстановлена *преемственность* в законодательстве и в государственной символике и традициях: флаг-триколор, несколько видоизменённый герб, на котором монархические регалии — короны над головами двуглавого орла, скипетр и держава — были заменены крестом Св. Константина и мечом, петровская Табель о рангах, наградная система орденов, форма одежды чиновников и военнослужащих, знаки различия чинов и званий, и прежде всего погоны, являвшиеся основным внешним отличием белой армии от красной, строгая дисциплина и чинопочитание в армии (вплоть до старорежимного титулования генералов «ваше превосходительство»), за немногочисленными исключениями вроде монархического гимна «Боже, Царя храни» (временно заменённого патриотической песней «Коль славен») или чересчур архаичного титулования офицеров «благородиями» — всё это в противовес большевикам, создававшим новое, *другое* по самой идеологии и основам государство, и потому принципиально не пользовавшимся символами старого. Соответственно этому, белая власть принимала на себя в качестве правопреемника и все обязательства Российской Империи и Временного правительства — как внешние (международные договоры, долги по внешним займам), так и внутренние (связанные с охраной собственности, выплатами пенсий и льгот и т. п.).

Был ли Колчак монархистом? Сведения на этот счёт противоречивы. Некоторые его соратники, как адмирал М.И. Смирнов и генерал К.В. Сахаров, в эмиграции отвечали на этот вопрос утвердительно; генерал М.К. Дитерихс отрицал это. Сам адмирал на допросе следственной комиссии говорил, что после Февральского переворота не верил в возможность восстановления монархии («Ясно было уже, что монархия наша пала, и что возвращения назад не будет... Для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбирают»)¹. В ранних изданиях его допроса приводятся также его слова: «Я не могу сказать, что монархия — единственная форма, которую я признаю»². По всей видимости, этот вопрос *не был для него принципиальным*, т. е. он допускал возможность существования России как в форме монархии, так и в форме республики (ничего удивительного в этом нет. Автор этих строк тоже с симпатией относится к конституционной монархии, но по объективным причинам считает её возрождение в России вряд ли возможным). Но при этом именно Колчак назначил полноценное расследование по делу об убийстве Царской семьи, предоставив следователю по особо важным делам Н.А. Соколову самые широкие полномочия.

При этом с определённой ясностью можно сказать, что он был ярко выраженным *милитаристом*. Эти его взгляды наиболее отчётливо отразились в переписке с Анной Тимирёвой. «Война проиграна, — писал он ей 30 января 1918 г., — но ещё есть время выиграть новую, и будем верить, что в новой войне Россия возродится. Революционная демократия захлебнётся в собственной грязи или её утопят в её же крови. Другой будущности у неё нет. *Нет возрождения нации, помимо войны, и оно мыслимо только через войну. Будем ждать новой войны как единственного светлого будущего* (выделено мною. — В. Х.)»³. В другом пись-

¹ Колчак А.В. — последние дни жизни. С. 103, 105; Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела... С. 34.

² Колчак А.В. — последние дни жизни. С. 102.

³ ГАРФ. Ф. р-5844. Оп. 1. Д. 3а. Л. 102.

ме, от 21 декабря 1917 г. адмирал признаётся: «Война — единственная служба, которую я искренне и по-настоящему люблю. Война прекрасна, она всегда и везде хороша»¹. Надо отметить, что подобные взгляды на войну в то время были ещё довольно распространены в профессиональной военной, офицерской среде. В ранних изданиях его допроса содержится признание о том, что он «с радостью» встретил начало войны с Германией (считая её неизбежной и необходимой), начало которой он называет «одним из самых счастливых» дней в своей жизни². Во всяком случае, к идее «дружбы народов» адмирал относился не только насмешливо-скептически, как к утопии, но и презрительно. «Будем называть вещи своими именами, — пишет он в одном из цитированных писем Тимирёвой, — ... ведь в основе гуманности, пацифизма, братства рас лежит простейшая животная трусость»³.

Итак, мы можем сделать выводы: по своим политическим взглядам адмирал Колчак не придавал особого значения форме правления (монархия или республика), но был противником полноценной демократии, выступая за умеренно авторитарную военную диктатуру (и проводя её в жизнь), прикрывая её по необходимости демократической официальной фразеологией, при этом был ярко выраженным патриотом и милитаристом.

Между прочим, такое сочетание принципиальности с гибкостью там, где это необходимо, развеивает и другое расхожее мнение о Колчаке, бытующее в либеральной среде и возникшее с лёгкой руки генерала барона А.П. Будберга, аттестовавшего адмирала в своём дневнике как «вспыльчивого идеалиста, полярного мечтателя и жизненного младенца» (при этом безусловный патриотизм Колчака признавал и Будберг). Будберг

¹ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 247; ГАРФ. Ф. р-5844. Оп. 1. Д. 3а. Л. 73.

² Колчак А.В. — последние дни жизни. С. 84.

³ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 253; ГАРФ. Ф. р-5844. Оп. 1. Д. 3а. Л. 101.

был вообще одним из наиболее желчных критиков недостатков режима Верховного правителя, но именно из породы «диванных» критиков, не готовых самим заняться радикальным исправлением недостатков (хотя он занимал пост помощника военного министра, а затем, хоть и очень недолго, военного министра). Как отмечал ветеран Белого движения полковник А.Г. Ефимов, «Будберг отличается исключительной способностью замечать всё отрицательное и тёмное. И не только замечать, но и собирать все слухи и сплетни и выдавать их за факты. Поэтому его воспоминания являются порою ушатами грязи на разных начальников, которые ему не нравились, и на Русскую армию, в которой его “критический” талант видел только ряд промахов, злоупотреблений, недочётов.... При чтении так и сквозит: “Все дураки, негодяи, жулики, — один я умный, знающий, дельный и честный”»¹. Впоследствии достойную отповедь Будбергу дал боевой генерал В.М. Молчанов, командир легендарной Ижевской дивизии: «Вы, барон Будберг, занимали пост военного министра — Вы укрылись! А почему Вы не пошли командовать корпусом, почему Вы не пошли командовать дивизией? Наладить это дело? Простите, потому что Вы не были подходящи для этого»².

Недостаток политического опыта Колчаку отчасти компенсировали природный интеллект и здравый смысл. Он вполне освоил практичную линию поведения в таких вопросах, как, с одной стороны, методы диктатуры и беспощадность в борьбе с большевизмом в условиях Гражданской войны, с другой стороны — осторожность в сочетании с твёрдостью в отношениях с союзниками (об этом речь ещё впереди), понимание необходимости демократических деклараций и завоевания симпатий широкой общественности, сочетание репрессий с пропагандой. О его прагматизме говорит и такой, казалось бы, «проходной» факт, что издание своей грамоты о созыве выборного Го-

¹ *Ефимов А.Г.* С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте. М., 2013. С. 404.

² *Молчанов В.М.* Последний белый генерал. М., 2012. С. 109–110.

сударственного земского совещания он откладывал до тех пор, пока в сентябре 1919 г. не возобновились (на недолгое время) военные победы, чтобы это выглядело *не вынужденной уступкой* со стороны власти, а её *добровольным почином*¹. Другой вопрос, что в стремительно менявшихся условиях Гражданской войны полноценное формирование белой идеологии (или, как говорят иногда, «Белой идеи») так и не было завершено, и большевикам по ряду причин удалось «переиграть» белых. Но об этом мы ещё поговорим.

¹ *Кроль Л.А.* За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1921. С. 194.

Глава 3.

Взаимоотношения с иностранными державами

Одним из наиболее часто повторяемых и наиболее злостных является миф об адмирале как о «марионетке англичан». В его обличениях по этой части современные неосоветские сказочники превосшли себя. О белых как об «агентах международного империализма» говорила и советская пропаганда, но этого показалось мало. Появилась «леденящая кровь» фантастическая версия о том, будто Колчак ещё в годы Первой мировой войны был «завербован британской разведкой». «Изобретателем» этой версии стал скандально известный публицист А. Мартиросян, опубликовавший в 2008 г. (вскоре после выхода на экраны художественного фильма о Колчаке) в «Красной звезде» пафосную статейку с пафосным названием «Адмирал Колчак: предатель и только предатель!», опозорив этой публикацией солидный орган Министерства обороны. Ни одного документа в подтверждение своей клеветы он, естественно, не привёл, заменяя ссылки на какие-либо источники многозначительным рефреном «как известно» (кому известно? откуда известно? остаётся «тайной»). Приём знакомый: когда говорят «как известно», неопытный читатель может подумать, что если уж так пишут, то, значит, и впрямь это известный факт. На следующий год под псевдонимом «Иван Иванов» вышла «конспирологическая» книжка под «детективным» заголовком «Операция “Адмирал”: оборотни в эполетах», полная самых бредовых измышлений в том же духе, откуда явственно торчали уши всё того же сочинителя. Разумеется, выдумка была радостно подхвачена различными морально нечистоплотными ресурсами «левого» направления и растиражирована в Интернете.

Согласно этой «версии», Колчак якобы «выдал англичанам» карты русских минных полей в Финском заливе, по которым английский флот в 1919 г. прошёл к Кронштадту, и будто бы своим карьерным взлётом в 1916 г. он был «обязан» проискам англичан. В дальнейшем же, после Октябрьского переворота, он будто бы поступил на британскую службу и прибыл в Сибирь осенью 1918 г. как «британский военнослужащий» (некоторые невежды добавляют: «состоявший на службе Её Величества», не имея понятия даже о том, что на троне Великобритании в то время находилась не «Её Величество», а лицо мужского пола — король Георг V). И переворот в Омске 18 ноября 1918 года, который привёл его к власти, будто бы совершил при помощи английской военной миссии и «по заданию» англичан.

Ни одного подтверждения тому, что Колчак будто бы был «завербован английской разведкой» и передавал англичанам какие-то «секретные планы», в природе не существует. И это скажет любой специалист.

Но ведь потом-то, скажут, он «поступил на британскую службу»? В том-то и дело, что так и не поступил. Хотя собирался, да, и даже получил согласие на это. Как обстояло дело? Известия об Октябрьском перевороте и захвате власти большевиками настигли Колчака, когда он возвращался из своей командировки в США через Японию. Практически сразу после этого стало известно о начале сепаратных мирных переговоров правительства В.И. Ленина с немцами в Брест-Литовске. Эти известия были для него, как он отмечал потом, «самым тяжёлым ударом». В дальнейшем последовало заключение ленинским правительством Брестского мира — мира, который Колчак расценивал как «полное наше подчинение Германии... и окончательное уничтожение нашей политической независимости»¹ (в более позднем издании протоколов его допроса — как «тяжкий удар независимости России»²). Новую

¹ Колчак А.В. — последние дни жизни. С. 159.

² Верховный правитель России: документы и материалы... С. 53.

власть он не признал и считал изменнической, как практически все патриоты в то время.

Считая сепаратные мирные переговоры с немцами предательством, адмирал обратился к английскому послу в Японии Грину с просьбой довести до сведения английского правительства его желание поступить на британскую службу, чтобы продолжать войну с Германией, которую он по-прежнему считал врагом России¹. Великобритания была **союзницей России** по Антанте в Первой мировой войне. Выбор именно её объяснялся наилучшими отношениями, сложившимися за время заграничной командировки с представителями этой державы (в США он ехал через Англию, в которой по заданию Временного правительства пробыл некоторое время). Ни о каком «предательстве» здесь речи идти не может. Скорее, как предательство можно расценивать капитулянтскую позицию большевиков на переговорах с Германией — во всяком случае, именно так восприняло её тогда подавляющее большинство русских патриотов. Хотя решение и сложное, не бесспорное, и это понимал сам адмирал, иронически сравнивавший сам себя с «кондотьером» и писавший своей возлюбленной Анне Тимирёвой: «В конечном счёте, страшная формула, что я поставил войну выше Родины, выше всего...»².

В канун нового 1918 года Колчак, остававшийся всё это время в Японии в ожидании ответа, получил ответ правительства Великобритании о принятии его на службу и предложение направиться на Месопотамский фронт (территория современного Ирака), куда путь лежал морем через Индийский океан (из-за нехватки в условиях войны пассажирских судов двигаться приходилось медленно, подолгу задерживаясь в промежуточных портах). В Сингапуре, куда адмирал прибыл в марте 1918 года, он получил извещение от английского Генерально-

¹ Колчак А.В. — последние дни жизни. С. 160; Верховный правитель России: документы и материалы... С. 53.

² «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 203; ГАРФ. Ф. р-5844. Оп. 1. Д. 3а. Л. 46, 85.

го штаба, что ввиду изменившихся обстоятельств надобность в его услугах отпала. Вместе с тем, по просьбе русского посла в Китае князя Кудашева, представлявшего антибольшевистские политические круги на Дальнем Востоке, ему рекомендовали вернуться на Дальний Восток (туда он поехал через Пекин, там встретился с Кудашевым для выяснения обстоятельств), где эти круги считали крайне желательным его участие в создании антибольшевистских вооружённых сил¹. (Поначалу эта миссия в Харбине не удалась из-за слабости и разрозненности антибольшевистских сил на Дальнем Востоке, где к тому же враждовали между собой различные лица и группировки.)

Таким образом, «британская служба» Колчака **закончилась, так и не начавшись**. Все ходячие разговоры о том, будто бы он «принял присягу британской короне» и затем «прибыл в Россию как британский военный служащий», являются **абсолютным вымыслом**. Причём данный вымысел не только не подтверждается *ни одним* документом, но и **категорически опровергается всеми последующими действиями** адмирала на посту Верховного правителя.

Начнём с мифа о якобы участии английской военной миссии в организации переворота, который привёл Колчака к власти. Сама эта версия стала изобретением всё того же, упоминавшегося нами французского генерала М. Жанена, возглавлявшего при Колчаке французскую военную миссию (между прочим, в составе этой миссии находился родной брат большевистского лидера Якова Свердлова, приёмный сын Максима Горького Зиновий Пешков, принявший к тому времени французское гражданство и служивший во французской армии). После того как адмирал отказал Жанену в командовании русскими войсками в Сибири (о чём будет сказано ниже), между ними сложились натянутые отношения, в отличие от его коллеги — британского генерала А. Нокса, добросовестно исполнявшего свои обязанности, что заставляло Жанена по-

¹ Колчак А.В. — последние дни жизни. С. 162–166; Верховный правитель России: документы и материалы... С. 56–57.

дозреть адмирала в «особых отношениях» с англичанами. В дальнейшем Жанен, как известно, санкционировал подчинённым ему чехам выдачу А.В. Колчака повстанцам в Иркутске, что стало причиной его последующей гибели. При этом Жанен нарушил данные ранее адмиралу гарантии безопасности и слово офицера, что вызвало возмущение не только среди белых, но и осуждение за границей; во всяком случае, карьера генерала на этом закончилась. Очутившись на родине, он вдобавок подвергся критике со стороны своего бывшего британского коллеги Нокса, обвинявшего Жанена в пустых амбициях и нерадивости, нанёсших вред общему делу. Чтобы как-то оправдаться и, наоборот, переложить всю ответственность на англичан, Жанен в ответ обвинил Нокса и англичан в поддержке «реакционного и антидемократического» режима Колчака и в том, что они якобы и привели адмирала к власти.

Так возникла эта версия, охотно подхваченная (подобно версии того же Жанена о пристрастии адмирала к наркотикам) советской пропагандой. Ложь о том, будто Колчак прибыл в Омск вместе с английским генералом Ноксом (на самом деле находившимся в это время во Владивостоке), попала даже в Большую советскую энциклопедию. В этом отношении особенно эксплуатировалась фраза самого Нокса, встречавшегося с Колчаком ещё в Японии в сентябре 1918 г. и после этой встречи доносившего своему начальству, что «нет никакого сомнения в том, что он является лучшим русским для осуществления наших целей на Дальнем Востоке». В глазах советских пропагандистов это служило одним из аргументов в пользу версии о режиме Колчака как «ставленника Антанты». Это не более чем грубое упрощение. Другое дело, что Нокс по заданию своего правительства зондировал почву в русских военных и политических кругах на предмет выяснения перспектив и методов борьбы с большевизмом; никакого отношения к перевороту в Омске, произошедшему через два месяца, это не имело.

Как же было на самом деле? Колчак прибыл во Владивосток в сентябре 1918 года с целью пробраться на Юг России для вступления в белую Добровольческую армию, возглавляемую

генералами М.В. Алексеевым (вскоре умершим) и А.И. Деникиным, о чём говорил он сам¹. Никаких помыслов остаться в Сибири и тем более совершить переворот у него поначалу не было. Из Владивостока он направился по Транссибирской магистрали на запад и в октябре прибыл в Омск. В это время уже назревал переворот: коалиция белых (включая кадетов) с эсерами всё более демонстрировала свою нежизнеспособность, а демократическая Директория — слабость, неэффективность и непопулярность. Зрело недовольство, основными выразителями которого были офицерство, деловые предпринимательские круги и кадетская партия. Не хватало достойной кандидатуры на роль диктатора. Появление Колчака сразу вызвало оживление в этих кругах. Адмирал резко выделялся на фоне провинциальных сибирских деятелей, оказавшихся вдруг министрами, генералами и командующими армиями. Ведь основная часть политической и военной элиты России оказалась в Гражданскую войну на Юге. К тому же Колчак был известен и как сторонник жёсткого курса. В Сибири не хватало популярных имён, и даже деятели Директории, осознававшие свою слабость, ухватились за него как за соломинку и предложили ему (в лице Н.Д. Авксентьева) войти в состав правительства в качестве военного и морского министра. Один из будущих министров его правительства в своих мемуарах так передавал резонанс, произведённый в Омске появлением Колчака: «Невольно всем казалось: вот человек, за которым стоит будущее»². Колчак создал себе имя ещё до революции как флотоводец и полярник, а в 1917 году всю Россию облетела история с его выброшенным в море Георгиевским оружием; его мужеством восхищались. А за время заграничной поездки он успел приобрести авторитет среди союзных (английских и американских) военных и дипломатов, что тоже имело значение.

Более того, его всероссийское имя, популярность делали

¹ Верховный правитель России: документы и материалы... С. 70, 71.

² *Серебренников И.И.* Мои воспоминания // *Серебренников И.И.* Гражданская война в России. Великий отход. М., 2003. Т. 1. С. 414.

адмирала подходящей кандидатурой на роль главы и объединителя Белого движения в масштабе всей России, так как другие авторитетные военные вожди — генералы Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев — к тому времени ушли из жизни, а А.И. Деникин был малоизвестен и не имел такой популярности. Как свидетельствовал кадетский лидер В.Н. Пепеляев, со смертью Алексеева в октябре 1918 г. «кандидатура адмирала стала беспспорной»¹.

История колчаковского переворота хорошо известна и много раз описана. Исполнителями его были арестовавшие эсеровских членов Директории (Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова и А.А. Аргунова) командиры казачьих частей в Омске полковник В.И. Волков, войсковые старшины И.Н. Красильников и А.В. Катанаев, организаторами — по военной части генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего полковник А.Д. Сыромятников, по политической — председатель Восточного отдела ЦК кадетской партии В.Н. Пепеляев и министр финансов И.А. Михайлов. За два дня до переворота кадетская партия на своей II Восточной конференции в Омске открыто высказалась за диктатуру². Сам А.В. Колчак, вопреки мнениям некоторых современников и историков о его полной непричастности к заговору, был поставлен в известность о нём и выразил готовность возглавить диктатуру, «если будет нужно»³, но лично в перевороте не участвовал, заняв выжидательную позицию, и принял власть лишь тогда, когда после ареста членов Директории Совет министров признал Директорию де-факто распавшейся и по итогам голосования за кандидатуру диктатора вручил адмиралу власть⁴. *Никаких* следов участия англичан не

¹ *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 55.

² Отчёт о II Восточной конференции Партии народной свободы // Заря. 1918. 18 ноября.

³ Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака. С. 56–57; ГАРФ. Ф. р-195. Оп. 1. Д. 47. Л. 21–21 об.

⁴ *Гинс Г.К.* Указ. соч. С. 207; *Серебренников И.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 217–218.

найден. Известно лишь, из мемуаров командовавшего английским батальоном в Омске полковника Дж. Уорда, что находившиеся в Омске английские офицеры были поставлены накануне в известность заговорщиками о планах переворота и гарантировали своё невмешательство. И всё.

Более того. Западные державы и в том числе Англия, как свидетельствуют донесения русских послов, в первые дни после получения известий о перевороте 18 ноября 1918 г. и приходе к власти А.В. Колчака насторожились. Их представители в Сибири видели слабость демократической Директории, но смущали слухи о «реакционно-монархических» устремлениях организаторов переворота, усердно распространявшиеся эсерами. Союзники также опасались, что переворот может вызвать новую гражданскую войну, но уже в самом антибольшевистском лагере. По свидетельству английского историка П. Флеминга, первая реакция официального Лондона на известие о перевороте была близка к панике¹. Бывший управляющий МИДом Директории и Колчака Ю.В. Ключников констатировал, что союзные державы были испуганы в первые дни после переворота, когда «после дождя приветствий, который был раньше, наступило молчание»². Генерал К.В. Сахаров вспоминал: на другой день после переворота глава британской военной миссии генерал А. Нокс «встретил меня очень взволнованно и сказал, что теперь будет плохо, что союзники могут даже прекратить помощь»³. Впоследствии Нокс свидетельствовал, что «переворот был проведён... без предварительного оповещения Великобритании и без какого-либо соучастия с её стороны»⁴. Более того, западные историки сообщают, что правительство Великобритании 14 ноября 1918 г. уже приняло решение признать де-факто Директорию, но составить

¹ Флеминг П. Судьба адмирала Колчака / Пер. с англ. М., 2006. С. 123.

² За спиной Колчака: документы и материалы / Под ред. А.В. Квакина. М., 2005. С. 306–307.

³ Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 37.

⁴ Пайнс Р. Русская революция / Пер. с англ. Т. 3. М., 2005. С. 54.

текст обращения и опубликовать его до переворота не удалось¹. Это по сути подтверждает телеграмма советника колчаковского МИДа Гровса тому же Ключникову от 19 ноября 1918 г. (на другой день после переворота), в которой он сообщает, что политические представители Антанты — верховный комиссар Великобритании сэр Эллиот и заместитель верховного комиссара Франции граф де Мартель — хотя и отнеслись к известию о перевороте «вполне спокойно», но «присовокупили, что (далее выделено мною. — В. Х.) *признание Директории было совершенно близко к осуществлению, что теперь потребуется опять время, чтобы державы признали новое правительство*»². Те же слова фактически повторил в беседе с самим Ключниковым 23 ноября в Омске верховный комиссар Франции Реньо (сохранилась запись этой беседы)³. Все эти выкладки убедительно опровергают подхваченную советской пропагандой версию генерала М. Жанена о причастности британской военной миссии к перевороту.

Благоприятная в целом реакция сибирского общества на переворот и последовавшие официальные выступления Верховного правителя, рассчитанные на международное общественное мнение и в обтекаемой форме заверявшие в отсутствии «реставрационных» намерений, а также декларация Российского правительства о принятии внешних долгов Российской Империи и Временного правительства от 21 ноября 1918 г.⁴ успокоили западные державы. Официальный протест против переворота выразил лишь чехословацкий Национальный совет⁵. В ответ белогвардейская пресса напомнила чехам,

¹ *Пайнс Р.* Указ. соч. Т. 3. С. 45; *Перейра Н.* Белая Сибирь: политика и общество / Пер. с англ. М., 1996. С. 86–87.

² ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 27. Л. 25.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 28–29; Правительственный вестник. 1918. 24 ноября.

⁵ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 12. Д. 30. Л. 4.

что до капитуляции Германии и её союзников они сами являлись нарушителями формальной законности, изменившими воинской присяге подданными Австро-Венгерской монархии¹.

Сторонники версии об «английском следе» обычно возражают: британская секретная служба всегда работала профессионально, не оставляя следов (получается, что это даёт им право утверждать вымыслы, не имея документальных доказательств?). Но среди офицеров британской миссии не было ни одного сотрудника спецслужб, более того, единственным специалистом по России был упомянутый генерал А. Нокс. Остальные совершенно не ориентировались во внутренних русских делах; их наивность доходила до уверенности, что в борьбе против Колчака большевики «коварно объединились» не с кем-нибудь, а... с монархистами! (См. мемуары полковника Дж. Уорда².)

Когда становится уже совсем «нечем крыть», поклонники мифа о «руке Альбиона» цепляются за известную фразу У. Черчилля (в то время — военного министра Великобритании) о том, что это не англичане отстаивали «дело враждебных большевикам русских», а напротив, «русские белогвардейцы сражались за наше дело». А что Черчилль мог ещё сказать в парламенте в ответ на нападки оппозиции лейбористов, обвинявшей его в нерациональной трате денег на провальное мероприятие? Только попытаться объяснить как-то, что свержение большевизма было в интересах Британии. На самом деле оно было в *общих* интересах как России, так и Запада. Но по-настоящему понимал это в то время лишь Черчилль — единственный из всех западных политиков активный и последовательный сторонник интервенции. Подавляющее большинство западного истеблишмента склонялось к мысли, что российский большевизм не представляет для них радикальной угрозы, в крайнем случае предпочитая отгородиться от него «буфером» (или «са-

¹ Свободный край (Иркутск). 1918. 14 декабря.

² Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. М.—Пг., 1923.

нитарным кордоном») в лице Польши, Румынии и других восточноевропейских государств. Сам тогдашний шеф Черчилля, британский премьер Д. Ллойд-Джордж, подтрунивая над его призывами к широкомасштабной интервенции и непримиримым антибольшевизмом, иронически замечал, что всему виной «голубая кровь сэра Уинстона Черчилля».

Что касается тогдашних США, одной рукой пославших на Дальний Восток экспедиционную бригаду своих солдат, а другой рукой тайно направлявших в советскую Москву миссию У. Буллита, то её один из деятелей американского Красного Креста и вовсе характеризовал как «флирт с большевиками»¹ (из конфиденциального письма, перехваченного колчаковской военной цензурой). А уж о социалистах всех мастей на Западе и говорить нечего — в те годы они горой стояли против интервенции и выражали сочувствие Советской России, поддерживаемые такими моральными авторитетами из числа левой интеллигенции, как Бернард Шоу, Анатоль Франс, Герберт Уэллс, Теодор Драйзер, Ромэн Роллан и другие. Из крупнейших представителей западного культурного мира тогда лишь один Р. Киплинг последовательно выступал против большевиков и в защиту белых.

Прошло тридцать лет, и западные политики, очутившись перед лицом оккупированной Советским Союзом Восточной Европы и перспективой распространения коммунистического режима на всю остальную Европу, с запозданием поняли, насколько прав был в 1919 г. Черчилль, призывавший ещё тогда «задушить большевизм в колыбели». Тоталитарно-коммунистический СССР оказался для Запада куда более страшным соседом, чем ушедшая в историю могучая, но **не навязывавшая никому разрушительных идей** Российская Империя.

Сложность отношений Верховного правителя с союзниками постоянно отражалась в его внешней политике и, в частности, в проблеме официального международного признания правительства А.В. Колчака в качестве всероссийского.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 5. Л. 3.

В направлении консолидации власти цель была достигнута: на рубеже мая—июня 1919 г. о подчинении А.В. Колчаку как Верховному правителю России официально заявили командовавшие белыми армиями других регионов генералы А.И. Деникин на Юге, Е.К. Миллер на Севере и Н.Н. Юденич на Северо-Западе. В свою очередь Колчак 24 июня официально назначил Деникина своим заместителем как Верховного главнокомандующего¹, ввиду территориальной удалённости его армий предоставив ему широкую самостоятельность. Однако вопросы общей политики — как внутренней, так и внешней, земельный вопрос и финансовая политика оставались в исключительной компетенции Верховного правителя. О соблюдении Деникиным субординации свидетельствует уведомление направленной им в Париж в ноябре 1919 г. делегации на имя Колчака: «Нижеподписавшиеся уполномочены доложить, что главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России испрашивает указаний Верховного правителя о порядке дальнейшего осуществления государственной деятельности в областях, подчинённых главнокомандующему и через него Вашему Высокопревосходительству»². Главным представителем белых правительств за границей был находившийся в Париже бывший министр иностранных дел Российской Империи (в 1910—1916 гг.), опытный дипломат Сергей Дмитриевич Сазонов — лицо достаточно авторитетное в международных дипломатических кругах, а деятельность русских военных миссий за рубежом объединял генерал от инфантерии Д.Г. Щербачёв.

В связи с этим можно согласиться с выводом об идейном и организационном *единстве* Белого движения после признания всеми «белыми» регионами Верховным правителем А.В. Колчака. Все свои письма к нему А.И. Деникин с тех пор подчёркнуто направлял в форме рапортов, начиная их со слов «доношу Вашему Высокопревосходительству». К тому же их объединяли общая программа и сходство политических режи-

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 2. Д. 115. Л. 44.

² ГАРФ. Ф. р-5913. Оп. 1. Д. 214. Л. 21.

мов. Домыслы о якобы имевшей место «междоусобной борьбе честолюбий» и «отсутствии единства» между белогвардейскими лидерами являются не более чем досужими измышлениями.

Но если признание правительства Колчака всероссийской властью со стороны других «белых» региональных образований и армий внутри России было достигнуто без особых затруднений, то гораздо сложнее обстояло с признанием международным. Лично А.В. Колчак пользовался авторитетом в союзных державах, и это неоднократно отмечалось. Бывший лидер октябристов А.И. Гучков в телеграмме ему 17 октября 1919 г. после беседы с У. Черчиллем писал, что относительно просимого Н.Н. Юденичем ввода английского флота в Кронштадт «крайне важно Ваше личное обращение к Черчиллю... Ваш личный авторитет настолько высок у союзников, что Ваше личное вмешательство произведёт лучшее впечатление»¹.

Однако на практике позиции союзных держав определяли не личные отношения, а холодный политический расчёт. Практически международное признание так и не было достигнуто.

Общим тоном белогвардейской прессы было недовольство по поводу *отсутствия* военной помощи от союзников. «Интервенция» великих держав не затронула коренные, внутренние области России и практически не сопровождалась вооружёнными столкновениями. *Ни одна* из них не находилась в состоянии войны с Советской Россией. Как и ранее немцы (опасавшиеся второго фронта, от которого лишь недавно избавились), державы Антанты не шли на широкое военное вмешательство по причинам собственной истощённости 4-летней мировой войной и популярности советской власти (в первые годы) среди рабочих и демократической общественности на Западе. Само по себе присутствие их войск на окраинах России было настолько непопулярно в их странах, что уже в 1919 г. покинули её территорию французы, затем англичане, и лишь

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 297. Л. 22.

японцы, занимавшие выжидательную позицию, оставались в Приморье до 1922 г.

В Сибири практически все воинские части союзников стояли в *глубоком тылу*. Поведение их было далеко не однозначным. Широкую известность получили заигрывания командовавшего американскими войсками генерала У. Гревса с большевиками на Сучанском руднике, а затем отказавшегося передать армии Колчака полученные для неё из США винтовки¹. Некоторые американские военные прямо выражали опасения в случае перспективы победы белых².

О трезвом, прагматичном отношении А.В. Колчака к союзникам свидетельствовал в мемуарах управляющий его МИДом И.И. Сукин: «Колчак лично никогда не рассчитывал на иностранцев и относился холодно к понятию “союзники”»³. 15 декабря 1918 г. на первой встрече с французским генералом М. Жаненом Колчак высказал ему: «Я нуждаюсь только в сапогах, тёплой одежде, военных припасах и амуниции. Если в этом нам откажут, то пусть совершенно оставят нас в покое». Нахождение иностранных войск на территории России в качестве свидетелей и помощь на кабальных условиях он расценивал как использование временной слабости России в корыстных целях⁴.

В итоге основная помощь союзников свелась к снабжению белых армий. Если Красной армии достались огромные запасы со складов и arsenалов бывшей русской армии, то белые были вынуждены прибегать к помощи Запада. При этом если англичане и на Востоке, и на Юге (см. мемуары А.И. Деникина) помогали белым практически безвозмездно, отдавая излишки оружия и снаряжения, оставшегося после мировой во-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 28. Л. 30 об.; Шмелёв А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб., 2017. С. 207.

² Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 203.

³ Записки И.И. Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака... С. 455.

⁴ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 160.

йны, то со стороны французов по сути имела место не помощь, а обыкновенная торговля. Такой же позиции придерживались США. США и Япония ограничивались в основном поддержкой политических отношений с Колчаком и ролью наблюдателей на Дальнем Востоке, выжидая, как разовьётся ситуация, и соперничая между собой за экономическое влияние в этом крае. Показателен в этом плане сохранившийся в архиве обзор японской прессы за октябрь 1919 г.: часть её опасалась перехода Камчатки в американские руки и считала, что в русском вопросе союзники «должны исключить Америку, которая сочувствовала большевикам», а другая часть полагала, что «неясность целей интервенции не даёт возможности решить, когда, собственно, задача наших войск может считаться выполненной», и высказывалась о нежелательности усиления японских войск в Сибири ввиду затратности¹.

К тому же изначально интервенция основывалась на расчётах союзников восстановить Россию как часть единого фронта против Германии; после окончания Первой мировой войны они стали терять к ней интерес.

Советские историки нередко преувеличивали военную помощь союзников белым, чтобы показать, какую силу одолели большевики. Так, один из них писал, что «в период с 6 февраля по 14 мая 1919 г. к Юденичу прибыло из Англии 7 пароходов с вооружением», хотя известно, что до конца июля Юденич вообще никакой помощи от союзников не получал². На практике военная помощь была столь ограниченной, что Красная армия на протяжении всей Гражданской войны превосходила белых не только численно, но и по вооружению, что признавали ещё советские военные историки 1920-х годов³. А генерал А.П. Будберг прямо отмечал в своём дневнике 6 июня 1919 г.: «Наши холсты и наша деревенская армячина вне всякого сравнения с той дрянью и гнилью, которые под видом сукна и раз-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 668. Л. 16, 17, 24, 27.

² Цит. по: *Шмелёв А.В.* Указ. соч. С. 152.

³ *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 1–2. М., 1990.

ных подделок самого отвратительного качества валят к нам за границы и которые оплачиваются золотым рублём»¹. Как отмечает современный историк А.В. Шмелёв, «для поддержания иллюзии, что союзники приложили все силы к снабжению белых, исследователи часто приводят голые цифры: сколько обещано союзниками, сколько выкуплено белыми и т. п. При этом забывается, что обещания далеко не всегда выполнялись: выкупленное не значит отправленное, отправленное не значит полученное (как в случае с винтовками для Сибири, поставленными в Архангельск), а полученное... отнюдь не значит годное к использованию»².

При этом все союзники не доверяли друг другу. Так, в сводке генерал-квартирмейстера Ставки М.А. Иностранцева за октябрь 1919 г. отмечались враждебные отношения между английской и японской военными миссиями³. В письме У. Черчиллю глава британской военной миссии при Колчаке генерал А. Нокс писал: «Его (Колчака. — В. Х.) трудная миссия почти невыполнима из-за эгоизма японцев, тщеславия французов и безразличия остальных союзников»⁴.

Разногласия между ними дополнялись слабым знакомством с ситуацией в России. Белогвардейская пресса иронизировала: «За границей о нашей внутренней жизни имеют такое же представление, как мы о Китае»⁵.

И даже англичане не желали помогать в одиночку. 10 октября 1919 г. У. Черчилль в телеграмме А.В. Колчаку, воздавая дань его «непоколебимому мужеству и твёрдости», сообщил о решении британского правительства сосредоточиться на помощи Деникину (под предлогом большей близости его фронта), а помощь армиям Колчака переложить на США⁶.

¹ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 212.

² Там же. С. 213.

³ ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 15. Л. 13 об.

⁴ Флеминг П. Указ. соч. С. 151.

⁵ Сибирская речь. 1919. 1 марта.

⁶ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 330. Л. 62–63.

Волну возмущения в стане белых вызвало выдвинутое в январе 1919 г. американским президентом В. Вильсоном и британским премьером Д. Ллойд-Джорджем предложение созвать на Принцевых островах в Мраморном море специальную международную конференцию по русскому вопросу с участием представителей всех противоборствующих сторон, включая большевиков. Белая пресса сравнивала идею переговоров с большевиками с «троянским конём». Её восприняли как уход Запада от реальной помощи, попытку «умыть руки».

Между тем как раз советское правительство В.И. Ленина, которое современные ревнителю СССР пытаются рядить в патриотические одежды, не только откликнулось на это предложение (опасаясь в то время крупномасштабной интервенции Антанты после её победы над Германией — правда, эти опасения оказались напрасными — и желая выиграть время), но даже выразило через своего представителя Г.В. Чичерина готовность обсудить вопрос о возврате дореволюционных долгов России, от чего раньше и позже демонстративно отказывалось.

Попытки позднейшей советской пропаганды утверждать, будто инициатива Вильсона и Ллойд-Джорджа с конференцией на Принцевых островах была лишь обманным демократическим жестом в надежде, что большевики не примут его, а белые лидеры были лишь участниками «спектакля», полностью лишены оснований и являются абсолютными фантазиями, в подтверждение которых не приводилось ни одного документа. О полной неожиданности этой инициативы для белых свидетельствуют с исчерпывающей полнотой мемуары Г.К. Гинса и дневник В.Н. Пепеляева, писавшего в эти дни: «Если правительство хоть сколько-нибудь поколеблется в ответе на предложение конференции, оно достойно проклятия»¹ (в том же месте Пепеляев язвительно называл президента В. Вильсона, инициатора переговоров с большевиками, «товарищ Вильсон»).

¹ Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака. С. 67; ГАРФ. Ф. р-195. Оп. 1. Д. 47. Л. 38 об.; Гинс Г.К. Указ. соч. С. 280–281.

Да и на Западе далеко не все одобрили эту идею. Против выступила Франция, больше других пострадавшая в Первой мировой войне и не желавшая прощать виновников сепаратного мира с немцами. Ряд деятелей Великобритании во главе с У. Черчиллем тоже считали участие своего премьера в затее с Принцевыми островами политической ошибкой. В США против инициативы Вильсона выступила партия республиканцев.

В свою очередь, Колчак и Деникин отказались послать представителей на Принцевы острова. В приказе по армии от 26 января 1919 г. Колчак назвал слухи о переговорах с большевиками «провокационными» и заявил: «С убийцами и мошенниками, для которых ни закон, ни договор не писан, разговаривать не приходится»¹. В результате конференция не состоялась. Да и нереальной была сама идея «примирить» в разгар Гражданской войны, в обстановке накала взаимной ненависти, враждующие политические полюсы. Владивостокская газета «Голос Приморья» писала в те дни, что идея примирения «безмерно далека от понимания современной русской действительности»².

В глазах белых большевики были к тому же ещё и «немецкими наймитами». Не случайно в их стане так велика была ненависть к немцам. Даже в канун 1919 г., когда Германия была уже повержена, «Сибирская речь» в своём новогоднем обращении во всеуслышание и без околичностей посылала «новогоднее проклятие Германии и всему германскому народу — народу-отравителю». Хотя, разумеется, считать немцев главными виновниками Октября было так же наивно, как распространённое ныне мнение об определяющей вине американцев и «происков ЦРУ» в крушении советской власти и распаде СССР в 1991 г.

В Гражданскую войну вопросы внутренние и внешние слишком тесно переплелись. Чтобы победить большевиков изнутри, требовалась помощь извне. Но в связи с постепен-

¹ Сибирская жизнь. 1919. 4 февраля.

² Цит. по: Сибирская жизнь. 1919. 18 февраля.

ным разочарованием в помощи союзников и в связи с тем, что представителей белой России не пригласили на Версальскую мирную конференцию, подводившую черту под итогами Первой мировой войны, в стане белых копилось чувство ущемлённого национального достоинства представителей великой страны, понёсшей огромные потери на войне и на протяжении трёх лет державшей второй фронт, без которого невозможна была бы победа союзников. Единственное, что Россия получила от мирной конференции — это право на возмещение причинённого войной ущерба от Германии и ее союзников. Германия также передала победителям 300 млн золотых рублей, полученных от Советской России в счёт контрибуции по Брестскому миру, условия которого были аннулированы. Отсутствие официального признания союзниками правительства А.В. Колчака позволило им успешно *присвоить* это русское золото. Так, в период обсуждения планов помощи Финляндии в походе Юденича на Петроград, когда финны стали требовать денег на поход, С.Д. Сазонов предложил использовать это золото как гарантию на получение кредита на 100 млн франков. Но союзники не собирались отдавать это золото, и непризнание ими правительства Колчака послужило им формальным поводом для отказа. Золото так и осталось у них¹.

Недоумевали порой сами иностранцы. Влиятельная парижская «Фигаро» писала, что отсутствие представителей России на мирной конференции есть «странное явление», чреватое последствиями, о которых история потребует отчёта от современных политиков².

Между тем такое приглашение не могло быть сделано без юридического признания союзниками правительства А.В. Колчака в качестве правительства России. В результате Версальская конференция вынесла решение: отложить вопрос о России, её международном статусе и границах до окончания в ней Гражданской войны, когда на всей её внутренней терри-

¹ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 140.

² Figaro (Paris). 1919. 11 mars.

тории будет установлено единое правительство, после чего созвать специальную международную конференцию по всем связанным с ней вопросам. Делегация Русского политического совещания во главе с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым получила лишь право присутствия на заседаниях мирной конференции, но без какого-либо официального статуса. Тем не менее, она попыталась воспользоваться и этим для выражения твёрдой позиции Белого движения по национальному вопросу. 9 марта 1919 г. русская делегация огласила на мирной конференции меморандум о том, что «освобождаемая от большевизма» Россия уважает права национальностей, но вопросы о независимости, поднятые ими как реакция на большевизм, не могут быть решены без согласия русского народа, имеющего с нацменьшинствами общие оборонные интересы¹.

К тому же некоторые западные лидеры считали, что возрождение единой и мощной России совсем не в интересах их стран. Так, британский премьер Д. Ллойд-Джордж в одной из своих речей в парламенте напомнил слова лорда Б. Биконсфильда (Дизраэли), видевшего в расширении Российской Империи прямую угрозу могуществу Великобритании². Как уже говорилось, многие западные деятели предпочитали планам уничтожения большевизма военной силой идею окружения Советской России «санитарным кордоном» буферных пограничных государств, включая её национальные окраины (в особенности к этому склонялась Франция). Такая позиция у части западных лидеров сформировалась из-за недооценки опасности возрождения милитаристской Германии, единственным противовесом которой на востоке могла быть Россия.

Лишь наиболее правые западные политики последовательно выступали за помощь белым и против планов расчленения России, как противовеса Германии: с таких позиций выступали вся правая французская пресса от «Матэн» до «Фигаро», американская «Нью-Йорк таймс» и партия республикан-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 604. Л. 3–3 об.

² Подробнее см.: *Пайнс Р.* Указ. соч. Т. 3. С. 164–165.

цев, британская «Таймс» — рупор консервативной партии и военного министерства У. Черчилля, которого, по признанию управляющего колчаковским МИДом И.И. Сукина, «по справедливости считали лучшим другом национального движения за границы» (об этом же свидетельствовал В.Н. Пепеляев, а генерал Н.Н. Головин писал: «В лице Черчилля мы имеем не только симпатизирующего нам человека, но энергичного и активного друга», который, по его словам, при встрече с ним в мае 1919 г. сам выразился так: «Я сам исполняю распоряжения Колчака»)¹. Благодаря Черчиллю добросовестную помощь белым оказывали главы английских военных миссий в белой России: при Колчаке — генерал А. Нокс и при Деникине — генерал Г. Холмэн. Генерал Нокс, в частности, признавался в письме к Черчиллю в январе 1919 г., что «всем сердцем симпатизирует Колчаку»², а в письме к своему американскому коллеге генералу В. Гревсу в марте 1919 г. писал: «Я ни на минуту не допускаю мысли о том, что Колчак является архангелом Гавриилом, но он обладает энергией, патриотизмом и честностью»³.

Двойственность поведения союзников просматривалась постоянно. С одной стороны, они официально приветствовали белых как представителей «великой России» (об этом заявляли премьер-министр Франции Ж. Клемансо, министр иностранных дел С. Пишон, военный министр Великобритании У. Черчилль). Они не признали суверенитета новоиспечённых государств Закавказья и петлюровской «самостийной Украины». В то же время, летом 1919 г., последовали заявления лидеров ведущих западных держав о признании де-факто независимости Финляндии и республик Прибалтики. Сделанные без со-

¹ Записки И.И. Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака... С. 423; Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака... С. 92; ГАНО (Государственный архив Новосибирской обл.). Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 110; Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 184.

² Флеминг П. Судьба адмирала Колчака / Пер. с англ. М., 2006. С. 151.

³ Гревс В. Американская авантюра в Сибири / Пер. с англ. М., 1932. С. 138.

гласования с Россией, они вызвали возмущение русских белогвардейцев. Белая пресса задавала вопросы: почему западные державы, с лёгкостью признающие независимость чужих территорий без согласия их хозяев, не признают независимость собственных колоний — например, почему англичане не дадут её народам Индии или Ирландии, которые давно борются за неё? И разве «прибалтийские губернии», а не вся Россия была их союзником в войне, спасая Париж в 1914 г. и более трёх лет оттягивая почти половину всех сил Германии и её союзников на свой фронт? Обращалось внимание и на невыполнение союзниками обязательства перед Россией передать ей после победы над Германией черноморские проливы и Константинополь (хотя их и передавать было некому, пока в России шла Гражданская война). Русское политическое совещание в Париже заявило Верховному совету Антанты протест по поводу обсуждения судьбы бывшей Османской империи без участия России¹. В политике Запада отчётливо проявлялась мораль двойных стандартов. Правительства Англии и США, одной рукой поддерживая белых, другой (через В. Буллита, Б. Локкарта и др. дипломатов) вели закулисные переговоры с Советской Россией.

После этих событий отношение к союзникам ухудшилось. Отмечая непоследовательность и эгоизм в их заявлениях и действиях, наиболее трезвые политики призывали относиться к ним соответственно. Такое прагматическое кредо выразил в своём дневнике В.Н. Пепеляев в апреле 1919 г.: «Мы не должны быть ни японофилами, ни американофилами. Мы должны пользоваться всеми — это русская ориентация... Для нас на первом месте наша Россия, и мы должны быть свободны в выборе союзников»².

Трезво подходя к вопросу, А.В. Колчак заявлял: «Несмотря на все великие принципы, провозглашённые на мир-

¹ Русь (Омск). 1919. 17 октября.

² Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака... С. 68, 73; ГАНО. Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 100; ГАРФ. Ф. р-195. Оп. 1. Д. 47. Л. 39 об.

ной конференции, во всех международных отношениях царствует право силы. Мы должны снова стать сильными во всех отношениях»¹. (Позднее он писал жене: «Победителя не судят, а уважают и боятся, побеждённого — горе! Вот сущность всех политических отношений, как внешних, так и внутренних»².) Подхватывая его мысль, белогвардейская пресса писала: «Помощь будет не так велика, как мы ждали. Но тем меньше придется за неё платить... Даром нам никто ничего не сделает, как не сделает и в счёт наших прежних заслуг». «Пока Россия будет слаба и беспомощна, никакие напоминания бывшим друзьям об их моральных обязательствах её не спасут. Больше того, всякое лишнее напоминание будет принято, как подчёркивание нашего бессилия»³ (Золотые слова! Почаще бы их вспоминать тем, кто в трудные времена склонен уповать на «бескорыстную» помощь Запада.) Чем дальше, тем больше становилось ясно, что надеяться на союзников можно лишь «постольку, поскольку», а в основном, выражаясь каламбуром Ильфа и Петрова, «спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

И, хотя в условиях зависимости от поставок союзников Колчак был вынужден порой считаться с их позицией, диктовавшейся собственными выгодами этих держав, он никогда не переходил грань и (вопреки утверждениям советской пропаганды, изображавшей белых «ставленниками международного империализма») твёрдо отстаивал национальные интересы России, как он их понимал, не допуская вмешательства союзников в свои внутренние дела. Об этом говорит целый ряд фактов. Так, в ответ на вручённый ему в декабре 1918 г. мандат французского генерала М. Жанена, уполномоченного Антантой командовать всеми войсками в Сибири, в т. ч. русскими, Верховный правитель заявил, что скорее вообще откажется от иностранной помощи, чем согласится на это.

¹ Сибирская речь. 1919. 22 февраля.

² Военно-исторический вестник (Париж). 1960. №16. С. 18.

³ Сибирская жизнь. 1919. 26 февраля; 31 октября.

В итоге Жанен получил командование только над союзными войсками¹.

В дальнейшем адмирал отказался передать под охрану союзников золотой запас. По воспоминаниям Г.К. Гинса, при этом он прямо заявил: «Лучше пусть это золото достанется большевикам, чем будет увезено из России»².

И ещё яркий пример. После информации о подготовке восстания во Владивостоке в сентябре 1919 г. командующий военным округом генерал С.Н. Розанов ввёл в город дополнительные войска, в т. ч. на территорию, занятую японцами и американцами. «Союзное» командование в ответ потребовало полного вывода русских войск из Владивостока, угрожая силой. Реакция Колчака была предельно жёсткой. В приказе Розанову от 29 сентября 1919 г. он писал: «Повелеваю Вам оставить русские войска во Владивостоке... Сообщите союзному командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют. Повелеваю Вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случае, ни перед чем... Адмирал Колчак»³.

Содержание и тон данного документа не оставляют камня на камне от инсинуаций старых и новых просоветских пропагандистов о «марионетке иностранного капитала». Благодаря

¹ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2005. Кн. 2. С. 94, 97–98; Гинс Г.К. Указ. соч. С. 275; ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 330. Л. 22–22 об., 40–40 об.

² Гинс Г.К. Указ. соч. С. 440.

³ Цит. по: Гинс Г.К. Указ. соч. С. 443–444. В свою очередь, правительство Колчака в ответной ноте на союзный ультиматум писало, что «заявление иностранного военного командования выходит из круга ведения последнего и является несовместимым с понятием суверенитета русской власти», а поэтому русское командование «по повелению Верховного Правителя будет до конца отстаивать права и достоинство России» (ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 118. Л. 100).

проявлению твёрдости Колчак достиг результата: «союзники» стусеивались. Как сообщал генерал Розанов, виновник инцидента, «начштаба американских войск левый социалист полковник Робинсон... уволен [в] отставку и отозван [в] Америку»¹. Отпор бесцеремонным союзникам произвёл огромный общественный резонанс. В том же Владивостоке в сентябре 1919 г. полковник Шараров застрелил американского солдата, в пьяном виде оскорбившего и ударившего его. Несмотря на протесты американцев, колчаковский военный суд оправдал полковника².

Независимая позиция адмирала в ряде вопросов даже осложняла отношения с союзниками. Как вспоминали его сотрудники, Колчак, «мало эластичный и слишком твёрдо державшийся идеи великодержавной России, в сношениях с иностранцами шёл неизменно по линии наибольшего сопротивления»³.

На фоне военных побед Колчака весной 1919 г. в правящих кругах Запада внешне наметилась склонность к признанию его правительства в качестве всероссийского. В мае—июне такие призывы зазвучали на страницах британской «Таймс», французских «Фигаро» и «Матэн», американской «Нью-Йорк таймс», в выступлениях политиков (в США такое предложение внёс сенатор Кинг). Тем временем находившиеся на Западе деятели российской социалистической демократии (А.Ф. Керенский, Н.Д. Авксентьев и др.) призывали союзные державы прежде признания потребовать от Колчака «гарантий демократии».

В итоге официального признания так и не последовало. Единственным иностранным государством, де-юре признавшим правительство Колчака правительством всей России, была Югославия (официально именовавшаяся тогда Королев-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 58. Л. 46.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 13а. Л. 114.

³ *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири. Париж, 1985. С. 43.

ством сербов, хорватов и словенцев), издавна связанная ещё до своего объединения в 1918 г., в лице Сербии и Черногории, с Российской Империей союзными узами (возглавлявший её принц-регент, впоследствии король Александр был выпускником Пажеского корпуса в Петербурге) и видевшая в белых преемников старой России. В мае 1919 г. Югославия обменялась послами с правительством Колчака¹. Но позиция этой небольшой страны серьёзного значения не имела.

За исключением англичан, прочие «союзники» не столько помогали, сколько вредили своей междоусобной борьбой (известный факт, что англичане в общей сложности потратили на помощь белым в России больше, чем все остальные союзники вместе взятые — 60 млн фунтов стерлингов). Французские представители погрязли в борьбе мелких честолюбив, США и Япония в основном ограничивались ролью наблюдателей на Дальнем Востоке, при этом американцы отказывались участвовать в подавлении большевистских восстаний, заявляя, что считают большевиков «одной из политических партий в России» и не желают «вмешиваться в её внутренние дела», и конкурировали с японцами, которые под шумок занимались эксплуатацией природных богатств края.

Впоследствии, когда предприятие, в котором союзники так или иначе принимали участие, окончилось неудачей (для них прежде всего — материальными убытками), их представители обвиняли в этом друг друга, что видно из их мемуаров: англичане винили французов в нерадивости и амбициях; французы англичан — в безоговорочной поддержке режимов Колчака и Деникина без попыток их коррекции, что, по их мнению, привело к развитию «реакционных» черт этих режимов; те и другие обличали американцев в попустительстве большевизму; наконец, все вместе возмущались откровенно хищническим пове-

¹ Подробнее см.: Гинс Г.К. Указ. соч. С. 338; Наумова Н.И. Югославяне в политике колчаковского правительства // История белой Сибири: мат-лы II междунар. науч. конференции. Кемерово, 1997. С. 39–42; ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 396. Л. 11–12; Д. 367. Л. 130.

дением японцев. Это старая истина: когда общее дело кончается крахом, потерпевшие начинают искать виноватых между собой...

Со временем надежды на союзников таяли, особенно после заявления Ллойд-Джорджа в парламенте 8 ноября 1919 г. о том, что Англия не может бесконечно помогать белым¹. Незадолго до падения Омска газета Н.В. Устрялова «Русское дело» прямо заявила, что «в тяжёлом положении адмирала Колчака и его правительства виноваты союзники. От них не ждут помощи живой силой, но они расшатывают веру в то, что союзникам нужна единая Россия, они не признают правительства адмирала Колчака и тем помогают его врагам»². Как минимум доля правды в этом обвинении очевидна хотя бы потому, что в годы Второй мировой войны державы Запада признали эмигрантские правительства Франции (де Голля) и Польши, *вообще* не располагавшие на тот момент территориями, в то время как белые армии занимали в 1919 г. *огромные* территории (Колчак — Сибирь, Урал, Дальний Восток, Деникин — Северный Кавказ, Крым, Новороссию, Украину, Дон, часть Поволжья, Черноземье, Миллер — Северный край, Юденич — подступы к Петрограду) и были объединены вокруг Верховного правителя адмирала А.В. Колчака.

После разгрома колчаковской армии и падения Омска союзные правительства практически прекратили всякую помощь, а правительство США в декабре 1919 г. заявило об этом официально³.

Изложенные факты полностью опрокидывают как советские и несоветские пропагандистски-клеветнические измышления о «марионетчности» белой России и лично А.В. Колчака, показывая его последовательно самостоятельную, несмотря на сложные условия, патриотическую и великодержавную внешнюю политику, так и неолиберальные пред-

¹ *Пайнс Р.* Указ. соч. Т. 3. С. 164–165.

² *Гинс Г.К.* Указ. соч. С. 477.

³ ГАРФ. Ф. р-952. Оп. 1. Д. 450. Л. 52.

ставления о её «негибкости». Советская пропаганда любила упоминать историю с «Северо-Западным правительством», сформированным в Ревеле (Таллине) в августе 1919 г. по ультимативному требованию английского представителя генерала Марча. Забывая добавить, что это «правительство» не было признано ни Юденичем, ни Колчаком, а уже 24 октября поверенный в делах в Англии Саблин телеграфировал колчаковскому МИДу про английского генерала-самодура: «Великобританское правительство окончательно решило отозвать из балтийских провинций генерала Марча. Помимо других причин, правительство отзовёт его ввиду полученного здесь на днях предложения названного генерала занять Кронштадт эстонским гарнизоном на случай падения этой крепости. Это предложение сочтено здесь слишком глупым»¹.

Созданный в сталинскую эпоху советский пропагандистский миф об «интервенции 14 держав», помощью которых якобы только и держались белые и которая в лице «вооружённых до зубов полчищ белогвардейцев и интервентов» якобы была отражена «раздетой, разутой и полуголодной Красной армией», не выдерживает никакой критики (а попутно возникает вопрос: если уж тогда начинающая Советская Россия сравнительно легко отразила целых «14 держав», в перечень которых почему-то включают и отколовшиеся национальные окраины России, то почему же в 1941–1942 годах уже действительно мощные и по-современному вооружённые советские войска отступали от одной Германии с её четырьмя слабыми союзниками-сателлитами до Москвы, Ленинграда и Волги?). Во-первых, общая численность войск стран Антанты на территории Советской России даже в разгар «интервенции» в начале 1919 г., включая относительно крупные формирования англичан на Севере, французов в Крыму и Одессе и японцев на Дальнем Востоке, не превышала 150 тыс. чел. (не считая 50-тысячного чехословацкого корпуса, состоявшего из бывших военнопленных и до Октября являвшегося частью русской ар-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 248. Л. 21.

мии), в то время как общая численность белых армий весной 1919 г. доходила до 500 тыс. солдат, казаков и офицеров. Во-вторых, как уже отмечалось, практически все они стояли в тылу и за редкими исключениями (прежде всего на удалённом Крайнем Севере, где англичане участвовали в локальных военных действиях вместе с белыми частями генерала Е.К. Миллера) **не участвовали** в боевых действиях, опять же кроме чехов, которые, однако, бросили фронт и прекратили участие в войне уже в ноябре 1918 г., как раз *накануне* колчаковского переворота, когда закончилась Первая мировая война и в результате распада Австро-Венгрии образовалась независимая Чехословацкая республика, после чего всякий смысл участия чехов в русской смуте (раньше видевшийся им и державам Антанты в перспективе восстановления Восточного фронта против Германии и её союзников) для чехов исчез, и только большими усилиями эмиссаров Антанты удалось уговорить их остаться на время в Сибири для охраны Транссибирской железной дороги на участке от Новониколаевска (ныне Новосибирск) до Иркутска, пока у союзников не было возможности вывезти чехов на родину. Сами чехи рвались домой, среди них была популярной карикатура: поросший мхом и грибами старик в форме чешского легионера безнадежно дожидается на берегу Тихого океана парохода союзников, под картинкой была надпись: «1989 год».

Ситуацию того времени красноречиво характеризует письмо домой одного из колчаковских солдат, перехваченное военной цензурой: «Газеты пишут, что союзники идут к нам на помощь, а на самом деле ни один чёрт в наши дела не суётся, а приходят вместо союзников наши же»¹.

Вместе с тем и сама Красная армия в значительной степени состояла из добровольческих интернациональных формирований: это и известная дивизия латышских стрелков, и довольно многочисленные «интернациональные батальоны» мадяров (венгров из военнопленных бывшей австрийской армии), ко-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 5. Л. 80.

рейцев и китайцев (последние, кстати, отличались особой жестокостью).

Наконец, сама версия о противостоянии «полураздетой» Красной армии «вооружённым до зубов Антантой белогвардейским полчищам» является абсолютным вымыслом. И это признавали даже ранние советские историки, в числе которых наиболее фундаментальным является исследование бывшего «военспеца» Н.Е. Какурина (позднее репрессированного), не потерявшее научного значения и по сей день¹. Это уже в сталинскую эпоху, когда было дано указание подменить истину пропагандистским мифом, работы этих историков были изъяты в «спецхраны». Из их исследований, сопровождающихся подробными цифровыми выкладками, видно, что не только *численно*, но и по *вооружению* красные *превосходили* белых на протяжении почти всей Гражданской войны.

Возникает вопрос: как же это могло случиться, если Советская Россия опиралась лишь на собственные силы, а белые армии получали снабжение от союзников по Антанте? Ответ прост: после Октября советской власти достались огромные запасы оружия и боеприпасов с военных складов и arsenалов развалившейся к тому времени старой русской армии, скопившиеся к концу Первой мировой войны. Белые же армии, формировавшиеся в процессе борьбы с советской властью, изначально таких запасов не имели и вынуждены были в основном опираться на военные поставки союзников. Оружия катастрофически не хватало. Известный факт: в ходе весенней мобилизации 1919 г. Колчаку удалось увеличить численность призванных солдат почти до 800 тыс. чел., но половину их пришлось распустить из-за того, что нечем было вооружать. Причина в том, что относительно активную помощь оружием, как уже говорилось, оказывали одни англичане (благодаря У. Черчиллю), да и у них эта помощь вызывала сильнейшее недовольство и критику со стороны левой оппозиции лейбористов и заба-

¹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. М., 1990 (1-е изд. — М.—Л., 1925—1926).

ставки рабочих. И это несмотря на то, что у союзников после Первой мировой войны накопились огромные излишки оружия, ненужные им в таком объёме в условиях мирного времени (так, белым англичане поставили всего несколько десятков танков, хотя имели их тысячи, и после войны им такое количество было совершенно излишним).

Подводя итоги, можно сказать, что помощь союзников была крайне недостаточной, и не только по причинам их собственной истощённости после Первой мировой войны и послевоенного кризиса, а также сопротивления левых партий, демократической интеллигенции и рабочих. Когда Первая мировая война закончилась, а плоды её были поделены победителями, стремление белых возродить Российскую Империю уже не отвечало интересам союзников. Что касается Антанты, то можно согласиться с мнением уже цитированного современного историка А.В. Шмелёва: «Правящие круги союзнических стран боялись большевизма, **который представлял собой нечто новое и неизведанное**. Но они боялись и белых, **которые представляли собой старое и слишком хорошо известное**. Великая единая Россия отпугивала очень многих (хотя некоторые видели в ней необходимый противовес Германии). Во внешней политике белых, проникнутой этой идеей, другие державы видели потенциальную опасность для себя»¹.

Что же касается А.В. Колчака, то он, как и А.И. Деникин, твёрдо отстаивал национальные интересы, как он их понимал, и не допускал вмешательства иностранцев в наши внутренние дела. Если проводить параллель с Францией 1940 года, то **большевики, заключившие капитулянтский договор с Германией, выступают здесь в роли предателя Петэна, а белые и лично Колчак — в роли патриота де Голля, эмигрировавшего в Англию (или что, тоже «британский агент»?) и объявившего о начале Сопrotивления с помощью английских и американских союзников**. На первом месте для белых стояли единство и неделимость России. Это мы увидим наглядно из следующей главы.

¹ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 220.

Глава 4.

За единую неделимую Россию: национальный вопрос

В отличие от большевиков, демагогическим провозглашением «права наций на самоопределение» заложивших бомбу замедленного действия под Россию, белые твёрдо отстаивали восстановление единой неделимой России в до-революционных границах, признавая лишь независимость Польши (признанную ещё Временным правительством в марте 1917 г.) и соглашаясь предоставить внутреннее самоуправление национальным окраинам. Это, в частности, выражалось в официальном заявлении министра иностранных дел белой России С.Д. Сазонова представителям Антанты, сделанном в начале апреля 1919 г., что «помимо этнографической Польши, никакие вопросы не могут быть решены без участия и согласия России»¹. Главный боевой клич Белой армии: «За единую неделимую Россию!» — объединил вокруг неё патриотические круги общества. И А.В. Колчак, и А.И. Деникин выступали горячими поборниками национального единства.

При этом они категорически отрицали идею *федерации*, как противоестественной и деструктивной для государства со сложившимися *унитарными* традициями, и выступали их защитниками. Кадеты, являвшиеся главной политической опорой белых, в своей полемике со сторонниками федерации (в основном эсерами) приводили именно тот аргумент, что федеративные государства типа Германии и США сложились так исторически из разрозненных территорий, и наоборот, исто-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 336. Л. 243.

рия не знает примеров обратной эволюции унитарного государства к федеративному¹.

В 1919 г. встал вопрос о предоставлении финнами военной помощи Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича во взятии Петрограда, в обмен на признание белыми независимости Финляндии (*уже* признанной большевиками). В переписке, завязавшейся по этому поводу, на полях телеграммы министра иностранных дел С.Д. Сазонова Верховный правитель адмирал А.В. Колчак начертал резолюцию: «Я не считаю кого-либо правомочным высказаться по вопросу о признании финляндской независимости до Всероссийского национального или народного собрания, а потому не могу уполномочить Вас сделать какие-либо заявления по этому предмету от моего имени. Адмирал Колчак. 8.ИИ.1919»².

Тем временем командующий Северной армией генерал Е.К. Миллер сообщал 4 мая премьеру колчаковского правительства П.В. Вологодскому о «панфинской пропаганде» финнов в Карелии и опасался их стремления отторгнуть Карелию от России³. В апреле 1919 г. финны под предлогом помощи белым предприняли интервенцию в Карелию. В гельсингфорских газетах было опубликовано воззвание штаба финской «белой гвардии», в котором открыто говорилось: «У карельского народа одна общая цель с финскими добровольцами — освободить карельскую землю от русских»⁴. Находившийся в Финляндии при Юдениче контр-адмирал В.К. Пилкин сообщал о «сильной ненависти» основных финских политических групп к России и выражал мнение, что операция по взятию Петрограда допустима только под русским флагом во главе с Юденичем и под контролем союзников, иначе финны, «при их ненависти к России и их характере мясников», вырежут в се-

¹ Подробнее см.: *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. С. 85, 87–88.

² ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 341. Л. 31.

³ Там же. Л. 100–100 об.

⁴ Там же. Л. 113.

верной столице всех русских¹. Всё это лишний раз подтверждает правоту жёсткой позиции, занятой в финляндском вопросе А.В. Колчаком.

С учётом всей обстановки А.В. Колчак в телеграмме Н.Н. Юденичу 26 мая 1919 г. писал: «Признание независимости Финляндии может исходить только от Учредительного собрания. В настоящее время никто не правомочен вступать в формальное соглашение по этнографическим вопросам от имени России»².

В унисон с его мнением 8 мая, после принятия Версальской мирной конференцией решения признать независимость Финляндии, представлявшее белую Россию за рубежом Русское политическое совещание в Париже обратилось к конференции с заявлением, в котором говорилось: «Юридический статус никакой территории не может быть изменён без согласия или без ведома того государства, часть которого составляет эта территория... Вследствие этого решение держав, признавших себя вправе провозгласить независимость Финляндии без предварительного на то согласия России, должно считаться лишь временной мерой при условии последующего принятия её Россией»³.

23 июня 1919 г. адмирал А.В. Колчак направил официальное обращение главе финляндского правительства генералу Г. Маннергейму (бывшему генералу русской армии), гласившее: «В эти решительные дни нашей борьбы с разрушительным и анархическим началом большевизма я не исполнил бы своего долга перед Россией, если бы не обратился к Вашему Превосходительству с совершенно откровенным, исполненным глубокого доверия призывом, к которому меня побуждает забота о спасении неисчислимых человеческих жизней, томящихся под режимом большевиков. Я исхожу из убеждения, что должно быть сделано всё возможное для достижения наи-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 341. Л. 117–120 об.

² ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 396. Л. 58.

³ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 112.

более скорого сокрушения большевизма. Поэтому я хотел бы надеяться, что Вы побудите финляндское правительство принять участие в общем деле и перейти к решительным мерам для освобождения северной столицы России, начав активные военные операции в направлении Петрограда. От имени русского правительства я хочу Вам заявить, что сейчас не время сомнениям или колебаниям, связанным с какими-либо политическими вопросами. Не допуская мысли о возможности в будущем каких-либо неразрешимых недоразумений между освобождённой Россией и финляндской нацией, я прошу Вас, генерал, принять это моё обращение как знак неизменной памяти Русской армии о Вашем славном прошлом в её рядах и искреннего уважения России к национальной свободе финляндского народа. Адмирал Колчак»¹.

Ответ Маннергейма гласил: «Прошу Ваше Превосходительство принять мою благодарность за телеграмму от 23 июня, полученную мною 4-го сего месяца. Большинство финляндского народа вместе со мною с сочувствием следит за борьбой, которую Вы во главе храбрых русских войск ведёте с целью истребить большевизм, тем более, что и мы принимаем в ней участие, раздавив в Финляндии красное восстание, поддерживавшееся и управлявшееся советским правительством, а затем в лице добровольцев откликнувшись на зов эстонского народа и населения Олонецкой губернии (Карелии. — В. Х.) в их тяжёлой борьбе против большевиков. Хотя я уверен в том, что впредь в состоянии уничтожить всякую попытку поднять в Финляндии красное знамя революции, но тем не менее [мы] знаем, что существующая в них советская власть представляет для нас постоянную угрозу и далеко не безучастны к страданиям, переживаемым русским народом под игом большевиков. Помимо гуманитарной стороны вопроса, взятие Петрограда имело бы большое значение, [учитывая роль] этого города как опорного пункта военных действий советской власти в северной России, ввиду сосредоточения в нём

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 707. Л. 1.

всех нитей северо-российской революционной пропаганды. Поэтому финляндскому народу и его правительству далеко не чужда мысль об участии регулярных войск финляндских и об освобождении Петрограда. Не стану от Вас скрывать, господин адмирал, что, по мнению моего правительства, финляндский сейм не одобрит предприятия, приносящего нам хотя и пользу, но требующего тяжёлых жертв, если не получим гарантию, что новая Россия, в пользу которой мы стали бы действовать, согласилась на некоторые условия, исполнение которых мы не только считаем необходимым для нашего участия, но также необходимой гарантией для нашего национального и государственного бытия. Г. Маннергейм. Стокгольм, 10 июля 1919 г.»¹.

Что это были за условия, записал в своём дневнике министр внутренних дел Колчака В.Н. Пепеляев: «Финны из участия во взятии Петрограда требуют признания безусловной независимости, самоопределения населения Карелии и Олонецкой губернии»². Колчак отверг сделку, что с удовлетворением констатировал Пепеляев в дневнике 10 июля: «Притязания Финляндии, выставленные ею при переговорах с Юденичем по вопросу о походе на Петроград, признаны явно неприемлемыми. Документ есть»³.

Между тем Юденич предложил соглашение с Маннергеймом на условиях признания независимости Финляндии и «самоопределения» Карелии⁴.

Верховный правитель не только не утвердил этот проект, но, по словам верховного комиссара Англии сэра Ч. Элиота, назвал его «фантастическим и сказал, что можно подумать, что Финляндия покорила Россию... Если от него просят уступ-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 707. Л. 1–1 об.

² Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака. С. 91; ГАНО. Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 109; *Перейра Н.* Указ. соч. С. 98.

³ Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака. С. 92; ГАНО. Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.

⁴ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 404. Л. 16.

ки, когда он в затруднительном положении, то он предпочёл бы бороться в одиночестве, несмотря на риск. Он подчеркнул, что у него два убеждения: что Россия сама справится с большевизмом без посторонней помощи и что Россия должна быть единой»¹.

29 июля управляющий колчаковским МИДОМ И.И. Сукин телеграфировал генералу Е.К. Миллеру: «Верховный Правитель просит срочно передать генералу Юденичу: “Ваш №84 получил. Не вступайте ни в какие договорные обязательства с финляндским правительством. Условия соглашения неприемлемы, и нет уверенности [в] сильной помощи Финляндии. Адмирал Колчак”»².

Тем временем, в июле Маннергейм проиграл президентские выборы социал-демократу К. Стольбергу, совсем не настроенному помогать русским белогвардейцам.

Однако в разгар боёв за Петроград, 27 октября 1919 г. Юденич снова телеграфировал Колчаку через поверенного в делах в Англии Саблина с просьбой войти в соглашение с Финляндией, настаивая на срочном признании её независимости ради привлечения финнов к наступлению на Петроград³. В свою очередь, Маннергейм 28 октября написал открытое письмо президенту Финляндии Стольбергу с призывом к походу на Петроград вместе с Юденичем, опубликованное в начале ноября в финских газетах и лондонской «Таймс», но Стольберг не счёл возможным даже выдвигать это предложение в сейм, большинство в котором составляли социалисты⁴.

В эти же дни, 1 ноября адмирал Колчак телеграфировал в Париж свою резолюцию по поводу привлечения Финляндии к Петроградской операции. Считая её помощь более чем желательной, Колчак, тем не менее, писал: **«Категорически заявляю, что ни при каких обстоятельствах я не дам со стороны своей**

¹ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 121–122.

² ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 58. Л. 34.

³ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 713. Л. 30.

⁴ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 141–142.

заверения о признании независимости Финляндии»¹. Из другой телеграммы Колчака Сазонову: «Никаких соглашений за счёт русской территории я не допускаю и не считаю себя правомочным решать подобного рода вопросы. Тенденции новых государственных организаций, возникающих за счёт России, использовать тяжёлые условия, в которых мы находимся, мне понятны, но удовлетворить аппетиты создавшихся за счёт России и руками союзников за письменным столом в Версале государств я не могу и не буду. Если новые государства не понимают своего положения, тем хуже для них»². В другой телеграмме Сазонову от 5 декабря 1919 г. Колчак разъяснял свою позицию: «Образование самоопределяющихся республик в виде Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Украины и других социалистических образований, ставит Россию в положение Московии после Столбовского трактата. 300-летний исторический путь России даёт основание считать, что в дальнейшем будущем Россия не откажется от этого пути, определяемого государственными операционными направлениями на морские пути сообщения. Отказ от этих направлений и суверенных прав на территории, соприкасающиеся с выходами на Балтийское, Чёрное и Средиземное моря и в Тихий океан, означал бы историческую гибель русского народа и одичание его в глубине равнин Европейской России и Сибири»³.

Изложенные документы лишний раз опровергают, с одной стороны, старые советские мифы о «распродаже России» белогвардейцами, с другой стороны — убедительно доказывают не только попечение ведущих лидеров Белого движения во главе с А.В. Колчаком о государственных интересах России, но и их прагматизм в рассматриваемом вопросе. И стремления финских националистов к овладению Карелией, и — ещё большей степени — политическая ситуация в самой Финляндии (вначале позволявшая сомневаться в её помощи, а за-

¹ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 140.

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 145.

тем и практически исключившая надежды на неё) наглядно свидетельствовали, что поспешное признание её независимости и претензий на Карелию не только не дало бы ожидаемой отдачи, но и внесло бы раскол в ряды самого Белого движения, шедшего под великодержавно-патриотическими лозунгами, создало бы опасный прецедент для остальных национальных окраин и, наконец, породило бы упреки в нелегитимности узурпации воли будущего Национального собрания. В связи с этим следует признать позицию Колчака и его единомышленников в данном вопросе не только проникнутой заботой об интересах России, но и политически оправданной¹. В данном вопросе солидарность с Верховным правителем проявили и А.И. Деникин, и большинство остальных белых², обосновывая необходимость сохранения Финляндии в составе Российской державы близостью к Петрограду, сравнивая её географическое значение для России со значением Ирландии для Англии³. Хотя сам большевистский вождь В.И. Ленин полагал: «Нет никакого сомнения, что самой небольшой помощи Финляндии (белым. — В. Х.)... было бы достаточно, чтобы решить судьбу Петрограда»⁴.

Ясно, однако, что даже гипотетическое взятие Петрограда не решило бы исход войны: судьбы гражданских войн всегда

¹ См. также: *Хандорин В.Г.* А.В. Колчак и «финляндский вопрос» // Исторический журнал: научные исследования. 2013. №4 (16). С. 395–404; *Наумов В.П.* Переписка А.В. Колчака с К.Г. Маннергеймом и государственными деятелями белогвардейских правительств по вопросу о возможности финского наступления на Петроград (май–сентябрь 1919 г.) // Гражданская война в Сибири: Мат-лы Всерос. заочной научно-практ. конференции. Омск, 2013. С. 92–98.

² *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 255; *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 196–197. См. также: Правда (М.). 1919. 25 июня.

³ Свободный край. 1919. 26 июня.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 348.

решаются **изнутри**, а не внешней помощью, тем более слабых национальных окраин. К тому же, как справедливо отмечал в этом отношении один из членов Русского политического совещания в Париже В.А. Маклаков, «даже если преступить моральную границу и обещать лимитрофам всё, нет гарантий, что они вступят в борьбу с большевиками», поскольку «толкать в войну страну, которая всё получила, что ей нужно — задача безнадёжная»¹.

Однозначно отвергались требования независимости со стороны прибалтийских провинций, отношение к которым отражено тем же С.Д. Сазоновым 27 апреля: «Убеждён, что никогда нельзя будет согласиться на независимость Эстонии и Латвии, но нужно будет дать этим областям широкую местную автономию»².

О крайне националистически настроенном правительстве Польши, мечтавшем о возрождении Речи Посполитой в границах XVIII века, нечего и говорить. Враждебно относились к белым, выступая за независимость, националистические правительства Украины (Петлюры), Латвии, Эстонии, Литвы, Грузии, Азербайджана.

Традиционное тяготение к России проявляла Белоруссия, глава её временного правительства А. Баханович в письме Колчаку 27 февраля 1919 г. заверял: «Белоруссия не мыслит себя иначе, как в составе общей Родины — единой великой России»³. В случае победы белых не возражала вернуться в состав России на условиях автономии Армения. Лояльно относились к власти Колчака и туркестанские басмачи, о чём свидетельствуют его грамоты хану Хивинскому и эмиру Бухарскому⁴. В докладе руководителя Туркестанской военной организации белых полковника Зайцева, установившего контакты с басмачами, сообщалось, что местное население в основном при-

¹ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 134–135.

² ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 341. Л. 87.

³ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 334. Л. 47.

⁴ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 419–420.

держивается антисоветской, но прорусской ориентации, против англичан (высаживавших десант в Средней Азии в 1918 г.), местные предводители («баи») в Туркестане и Хиве лишь желают сохранения автономии, Бухара колеблется; националистическое крыло «самостийников» под руководством части мусульманского духовенства пребывало в меньшинстве¹.

Как видим, в то время стремление к независимости проявляли лишь относительно развитые национальные окраины, да и то не все. «Внутренние» нацменьшинства России и народности Северного Кавказа в своём большинстве не помышляли об этом и в Гражданской войне участвовали, подобно русским, либо за красных, либо за белых. В архиве сохранилось обращение к А.В. Колчаку от представителей башкир в октябре 1919 г., авторы которого свидетельствовали о преданности башкирского народа России, отмежёвывались от предводителя башкирских националистов Валидова, бывшего в союзе с белыми, но переметнувшегося к красным, отмечали, что «башкирский народ не стремится к созданию какого-либо отдельного государства... он стремится только обеспечить национальный быт, историческое право на землю... и обеспечить право на автономное башкирское духовное управление», и выражали «самое искреннее заверение от имени 2,5-миллионного героически храброго в боях башкирского народа помогать Вам в святом деле водворения правового порядка в великой нераздельной России до последней капли крови», прося за это учредить Башкирское казачье войско, предоставить беспроцентный кредит на 25 лет для восстановления разорённых хозяйств и обеспечить башкирам представительство в Государственном земском совещании².

Тяготение к белым с целью воссоединения с Россией проявлялось и среди русин (карпаторуссов), освобождённых после окончания Первой мировой войны из-под господства распавшейся Австро-Венгрии, но подпавших (по частям) под

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 1–19.

² ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 1. Д. 3. Л. 202–203 об.

власть Польши и Румынии, — тем более, что сами белые, признавая независимость Польши, выступали за воссоединение Галиции (Западной Украины) и Закарпатья с Россией. 12 декабря 1918 г. собрание карпаторуссов в Киеве вынесло резолюцию, в которой говорилось: «Прикарпатская (т. е. Галицкая, Буковинская и Угорская) Русь составляет в историческом и национально-этнографическом отношении искони русский край... огромное большинство карпаторусского населения всегда считало и ныне считает себя русским». Собрание высказалось «за присоединение всей этнографической территории Прикарпатской Руси к вновь объединяющейся единой и неделимой России»¹. Национальную Россию карпаторуссы видели в лице белогвардейских правительств Колчака и Деникина, а не революционно-интернационального советского правительства, начертавшего на своих знамёнах: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». «Галицко-русское общество» в Одессе приветствовало Колчака как Верховного правителя России. По словам уполномоченного Русского исполнительного комитета во Львове Э. Вальницкого, «громадное большинство русского населения Восточной Галичины, Лемковщины, Угорской Руси и Буковины... ждёт только возможности свергнуть ненавистное иго румын (в Буковине), поляков (в Лемковщине) и украинских мазепинцев (в Восточной Галиции) и объединиться, как это было со времени Святого Владимира до 1340 г., со всем русским народом»². В Омске был сформирован Центральный карпаторусский совет, который в начале работы Версальской мирной конференции обратился к президенту Франции Р. Пуанкаре со словами: «Мирное культурно-национальное развитие Прикарпатской Руси возможно только в пределах Российского государства, с предоставлением населению областной автономии... Центральный карпаторусский совет просит Вас, господин Президент, выслушать голос забытой и забитой Прикарпатской Руси... и дать ей возможность

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 7 об. — 8.

² Там же. Л. 2.

воссоединиться с родной великой Россией»¹. Из русинских добровольцев были сформированы один карпаторусский полк в составе деникинских Вооружённых сил Юга России и один — на колчаковском Восточном фронте (впрочем, в дальнейшем 1-й Карпаторусский стрелковый полк армии Колчака попал почти в полном составе в плен к красным). II карпаторусский съезд в Омске 14–15 апреля 1919 г. призвал всех русин «остаться верными заветам Богдана Хмельницкого» и «теснее сплотиться вокруг собирателя земли Русской Верховного Правителя», испрашивая для себя лишь областной автономии в составе России². Сходную резолюцию принял 5 апреля 1919 г. карпаторусский конгресс в США³. Не случайно колчаковский МИД 14 февраля 1919 г. констатировал: «В настоящий момент наиболее близкими для России и по своим симпатиям, и по общим интересам являются карпаторуссы и югославяне», — и ходатайствовал перед Совмином об ассигновании на их поддержку 1 млн 250 тыс. рублей⁴.

Наиболее дальновидные западные лидеры, понимая всю степень опасности большевизма для европейской цивилизации, готовы были до известной степени идти навстречу великодержавным устремлениям белогвардейцев. Особенно это проявлялось в позиции У. Черчилля. 27 сентября 1919 г. возглавляемое им военное министерство Великобритании уведомило правительство Колчака, что по вопросу о прибалтийских республиках «британское правительство считает этот вопрос

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 357. Л. 4–5.

² ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 20 об.; Ф. р-200. Оп. 1. Д. 357. Л. 58–58 об.

³ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 357. Л. 68.

⁴ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 3. Д. 94. Л. 2–3. Подробнее см.: *Хандорин В.Г. Карпаторуссы в Белом движении. Из истории национального движения карпаторуссов (русин) // Достижения социально-гуманитарных наук в сучасній Україні. Матеріали III Всеукраїнської наукової конференції з міжнародною участю. Симферополь, 2013. Ч. 4. С. 109–112.*

подлежащим обсуждению Лиги наций, которая, в свою очередь, не в состоянии его разрешить без содействия Учредительного собрания, которое будет, вероятно, созвано в большей части территории России»¹.

В ответном меморандуме колчаковского МИДа, вручённом 7 октября главе британской военной миссии генералу А. Ноксу, бескомпромиссно подтверждалось: Российское правительство стоит по-прежнему на той позиции, что этот вопрос не будет разрешён без согласия русского народа. Сожалея о позиции «вновь образовавшихся балтийских самоуправляющихся единиц» относительно мира с большевиками, свидетельствующей, по мнению колчаковского МИДа, об их «глубокой деморализации», правительство Колчака на правах равного советовало союзникам «воздержаться от дальнейшей помощи указанным областям», добавляя, что это и будет лучшим средством предостеречь их от такого шага².

И это не всё. Не говоря уже об измышлениях советской пропаганды о белых как о «марионетках Антанты» (согласиться, с марионетками так не разговаривают и они так не отвечают), широко распространено заблуждение, будто окончательным решением союзников в Версале было признание де-факто независимости Польши, Финляндии и прибалтийских республик и непризнание самопровозглашённых республик Закавказья (украинских «самостийников» никто всерьёз не принимал, а о «независимости» Белоруссии и Средней Азии вопрос даже не подымался). Это не совсем так. После успехов белых армий на востоке весной 1919 г. и на юге и северо-западе летом и осенью 1919 г. позиция западных лидеров поколебалась в сторону уступок великодержавным позициям белых. Поверенный в делах (и. о. посла) в Лондоне Саблин в телеграмме управляющему колчаковским МИДом И.И. Сукину от 24 октября 1919 г. сообщал: Черчилль в своей записке британскому МИДу рекомендует признать правительство Колчака и пойти на уступ-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 118. Л. 98.

² Там же. Л. 102.

ку России в отношении не только Кавказа, но и Прибалтики (хотя и не Финляндии): «Относительно Польши и Финляндии — никаких разговоров, обе страны окончательно и бесповоротно независимы. Эстония, Латвия и Литва — автономные провинции федеральной России. Россия не может быть отрезана от моря... Вопрос об Украине создан искусственно»¹. Итого получаются ровным счетом границы будущего СССР.

Можно с уверенностью предположить, что именно твёрдая позиция, занятая в вопросе о Прибалтике правительством А.В. Колчака, и вызвала существенные уступки Черчилля, предложенные им британскому правительству в октябре 1919 г.

Сходную позицию занимал в национальном вопросе главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России генерал А.И. Деникин. Широко известна его реакция в октябре 1919 г. на попытку Кубанской рады заключить договор с меджлисом горских народов Кавказа от имени «суверенной Кубани»: квалифицировав это как измену России, Деникин предал виновных военно-полевому суду и, поскольку пойман был лишь один из них, он был в течение суток осуждён и повешен, после чего Кубанская рада встретила посланца Деникина овациями и выслушала его двухчасовую речь стоя: проявленная твёрдость обуздала зарвавшихся сепаратистов.

Со стороны белогвардейцев особенно непримиримое отношение было к украинским «самостийникам» — в тот период великорусская патриотическая мысль стояла на той точке зрения, что украинский («малороссийский») и белорусский народы являются лишь особыми ветвями русской нации. Белая пресса называла Петлюру «выкидышем русской революции», с которым «недостойно даже разговаривать»². Не надо забывать, что в те времена имперское сознание господствовало **во всех великих державах** и выражалось в **прямом обладании колониями**. Белогвардейская пресса писала: «Прежде чем Россия не “определится” сама, в ней никто не может “само-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 330. Л. 62–63.

² Сибирская речь. 1919. 28 марта.

определяться», в этом смысле позиция национальной России непоколебима»¹. Как выразился один из представителей колчаковской дипломатии, «если вложить в понятие самоопределения народов идею создания самостоятельных образований, то от России ничего не останется; с другой же стороны, все эти вновь возникшие мелкие национальные государства... не будут в состоянии сохранить свою полную самостоятельность и фактически подпадут под власть более сильного экономически и политически соседа, т. е. Германии»². Когда же один из влиятельных британских парламентариев С. Хор стал убеждать белых в лице С.Д. Сазонова пойти на внешнеполитические уступки ради расширения помощи Запада, Сазонов с достоинством ответил, что «Россия приобрела её нынешние границы по определённым причинам, и что, даже если бы она временно была от них оттеснена, ей пришлось бы обретать их заново»³. В свою очередь, один из идеологов белой России П.Б. Струве подчеркнул, что «борьба с большевизмом не может вестись за счёт силы и единства России»⁴.

Более того, в своей пропаганде белогвардейцы часто делали упор на то, что актив большевистской партии и Красной армии состоит из «международного сброда авантюристов», чуждых русским людям; в одном из приказов Колчак называл Красную армию «кровавой армией германо-большевиков, с основой и примесью немцев, мадьяр, латышей, эстонцев, финнов и китайцев».

В общем русле национального вопроса выделялся *еврейский* вопрос. Вопреки распространённому (особенно на Западе) мнению об «антисемитизме» белых, А.В. Колчак считал, что еврейство в своей массе «буржуазнее и консервативнее» русского населения, и если оно должно нести ответственность

¹ Сибирская речь. 1919. 14 июня.

² Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 90.

³ Там же. С. 114–115.

⁴ Цит. по: Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Orange (Conn.) Antiquary, 1987. С. 66.

за Троцкого, Свердлова и Йоффе, то в той же мере, как русские — за Ленина, Крыленко и Луначарского¹. И это несмотря на то, что сохранились сведения о том, что он без симпатий относился к евреям (об этом вспоминали и его министр Г.К. Гинс, и встречавшийся с ним в 1917 г. Г.В. Плеханов)². Но при этом адмирал был достаточно разумным и широко мыслящим человеком, чтобы понимать бесперспективность антисемитской политики. Колчак отменил изданный начальником гарнизона Кустаная 25 февраля 1919 г. приказ о выселении из города всех евреев³. После этого Омское отделение Национального совета евреев Урала и Сибири подало премьеру П.В. Вологодскому пространную «Записку о тревожном положении евреев в прифронтовой полосе»⁴, где, сетуя на предвзятое отношение к евреям, отмечалось, что большевиками являются в основном «отбросы еврейского народа», и приводились противоположные примеры евреев, расстрелянных большевиками, отмечались факты участия евреев в покушении на Ленина и убийстве Урицкого, реквизиции большевиками имущества состоятельных евреев и т. д. В заключение авторы записки просили принять меры для прекращения антисемитской пропаганды в войсках. На полях записки стоит приписка Вологодского от 14 марта 1919 г.: «Доложено. Такая же записка оказалась поданной Верх[овному] Пр[ави]телю, который приказал по войскам прекратить юдофобскую агитацию»⁵. После этого были уволены два редактора газеты «Русская армия» и несколько сотрудников Осведверха, допустившие антисемитские выпады.

Многие еврейские общины, страхуясь от погромов, изъяз-

¹ *Нам И.В.* Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 — февраль 1920 г.). Красноярск, 2003. С. 128–129.

² *Гинс Г.К.* Указ. соч. С. 464; Отечественные архивы. 1994. №6. С. 25.

³ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 3. Д. 15. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 18–21 об.

⁵ Там же. Л. 18.

ляли готовность к сотрудничеству и вносили пожертвования на военные нужды. В компенсацию за это они просили оградить их от притеснений. Колчак не раз изъявлял в печати благодарность им за денежные взносы на армию, а в выступлениях перед еврейскими общинами Омска и Уфы высказался «против национальной травли» и выразил уверенность, что «с общим успокоением страны исчезнет и острота национального вопроса» (вместе с тем он возражал против отдельного национального еврейского представительства на Государственном земском совещании).

В свою очередь, любителям версии о «жидомасонском заговоре против России» полезно напомнить, что еврей-большевики редко поддерживали связь не только с мировой еврейской диаспорой, но и с собственной, считая себя интернационалистами.

В целом можно согласиться с мнением еврейского историка, что «колчаковская администрация... признавала гражданское равенство евреев и не препятствовала их самоорганизации»¹. Это к вопросу о «белом Холокосте», миф о котором поддерживает даже англоязычная Википедия.

¹ Нам И.В. Указ. соч. С. 169.

Глава 5.

Вопросы управления и социальная политика

По версии коммунистов и «свидетелей секты Кургиняна», диктатура А.В. Колчака была исключительно «антинародной», а сам он — «бездарным политиком», якобы восставшим против себя миллионы аполитичных сибирских крестьян. При этом невежество сторонников данной версии доходит до смешного. Так, доктор исторических наук А. Пыжиков сравнительно недавно заявил в интервью «Комсомольской правде», будто бы Колчак «избегал призывать в свою армию рабочих», считая их «ненадёжными». О прославленных Ижевской дивизии и Воткинской бригаде армии Колчака, состоявших целиком из добровольцев-рабочих, доктору наук, по-видимому, неизвестно (вообще странно, зачем специалисту по хрущёвской эпохе понадобилось позориться и выступать на совершенно незнакомую ему тему, выставя публично полное её незнание).

При этом ещё многие зрители старых советских фильмов о Гражданской войне задавались вопросами: почему же при «правильных» большевиках фильмы демонстрируют разруху и повальный дефицит товаров (списываемые на ту же войну), а при «вражеских» белых в тех же фильмах в городах работают магазины, рестораны и театры, и почему-то не видно нищих, несмотря на ту же войну? Что это, Антанта их «кормила»? Нет. Таким образом, даже советские фильмы невольно отражали абсурдное несоответствие пропаганды исторической реальности.

Об уровне жизни рабочих при Колчаке говорит тот факт, что в Екатеринбурге, например, в 1919 г. слесарь Мотовилихинского завода получал 676 руб. в месяц, в то время как постовой милиционер — всего 375 руб., то есть вдвое меньше¹.

¹ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово

Но давайте по порядку и основательно. В **экономической и социальной** политике правительства А.В. Колчака, в противоположность относительно консервативной «общей» политике, чётко прослеживалась либеральная идеология, но с признанием необходимости для государства заботиться о малоимущих и ограждать их интересы от произвола сильных мира сего. Ещё раз: не «либерастическая», коим корявым словом мутанты коммунистов пытаются опорочить не только своих русофобствующих собратьев-конкурентов, по недоразумению зовущих себя либералами, а либеральная в *классическом* смысле этого слова. Политический консерватизм вполне может уживаться с экономическим либерализмом. Основой этого, обоснованного колчаковскими политическими теоретиками синтеза, было убеждение, что имущественное уравнение, пропагандируемое социалистами и коммунистами, лишает человека стимула к производительной работе. Но разве это не так? Разве советская власть не потерпела в итоге закономерный крах «благодаря» абсолютно неконкурентоспособной экономике, превращённой в монополию государства (читай: чиновников) и лишённой всякого стимула к соревнованию, благодаря чему вся советская промышленная продукция, от бытовой техники до машин, не выдерживала никакой конкуренции с западными аналогами (исключение составляли предприятия «оборонки», ибо здесь конкуренцию подстёгивало противостояние с Западом на грани ядерной войны)? А дисциплина труда на лишённых безработицы советских предприятиях была такой, что не боявшиеся увольнений рабочие сами рассказывали популярный в то время анекдот: «Приезжает американский специалист по контракту на советский завод. Работает не покладая рук, так, что наши мужики, привыкшие кое-как от перекура к перекуру, спрашивают его: — Ты что, псих, так работать? Надорвёшься же! — А он им отвечает: — Я не член вашего профсоюза и в вашей забастовке участвовать не собираюсь». И разве в современных, подверженных влиянию левых социалистов

странах Запада многочисленные «профессиональные» безработные, включая мигрантов, не превратились в тунеядцев, живущих годами на «вэлфер» за счёт налогов нормальных рабочих?

Недаром колчаковский публицист, видный кадет В.А. Жардецкий остроумно сравнивал понятие «научный социализм», как лишённое смысла, с выражением «мудрый идиот», и напоминал, что именно развитие капитализма породило *избыток* доходов государства, сделавший возможным социальную помощь правительствам обездоленным; социалисты же увидели в этом «начало конца капитализма» и стали пропагандировать уравнильно-распределительный строй, который тот же автор называл «раем запуганного бездельника»¹.

Как же строилась экономика при Колчаке? В вопросе о собственности ещё его предшественники вернули «национализированные» большевиками частные промышленные и торговые предприятия и банки их прежним владельцам, восстановили свободу торговли, хотя, будучи под влиянием тех же левых (эсеров и проч.), обставили это рядом ограничений. Адмирал пошёл дальше: в декабре 1918 г. он отменил установленное ими государственное регулирование хлебной, мясной и масляной торговли² (сохранив госмонополию только на сахар и спиртное — образованный читатель вспомнит, кстати, что водка стала монополией государства ещё до революции, после реформы С.Ю. Витте 1894 г., из соображений доходности бюджета). И хотя перечисленные продукты после этого подорожали, но зато перестали быть дефицитом для голодных очередей (как и после «либерализации цен» 1992 года).

¹ Жардецкий В.А. Индивидуализм или социализм? // Сибирская речь. 1919. 21 марта.

² Постановление Совета министров об отмене государственного регулирования хлебной, мясной и масляной торговли, 10 декабря 1918 г. // Правительственный вестник. 1918. 14 декабря; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 42.

В этом смысле правительство адмирала действовало решительнее, чем окружение его коллеги А.И. Деникина (в других вопросах, как мы увидим дальше, напротив, одержимого ложными либеральными комплексами): на Юге России значительно позднее (в июле 1919 г.) была восстановлена свобода торговли, а отдельные товарные монополии сохранялись и позже¹.

Для координации деятельности правительства Колчака по вопросам финансов и снабжения было образовано Государственное экономическое совещание с приглашением представителей банков, торговли, промышленности, кооперации, а позднее (с июня 1919 г.) также земств и городов² (кстати, первым председателем этого совещания стал последний государственный контролёр царского правительства С.Г. Феодосьев, позднее его сменил Г.К. Гинс). Председатель совещания имел право непосредственно докладывать Верховному правителю, минуя главу правительства. В его состав входили 4 постоянные комиссии — бюджетная, финансовая, транспортная, а также по продовольствию и снабжению армии³. Заседания проводились ежедневно и *гласно*, с мая 1919 г. на них приглашались представители прессы⁴. В речи на открытии совещания после его перевыборов 19 июня 1919 г. А.В. Колчак подчеркнул: «*Всякая революция, всякий государственный переворот, в конце концов, имеет свои основания в экономическом положении государства*»⁵.

¹ Шацлло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 — начало 1920-х гг.). М., 2008. С. 321–322.

² Правительственное распоряжение о созыве Чрезвычайного государственного экономического совещания, 22 ноября 1918 г. // Правительственный вестник. 1918. 27 ноября; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 31–32.

³ ГАРФ. Ф. р-190. Оп. 6. Д. 7. Л. 6–11 об.

⁴ ГАРФ. Ф. р-190. Оп. 2. Д. 6. Л. 3. См. также: *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 228–229.

⁵ Речь Верховного правителя адмирала А.В. Колчака на открытии

Уже на одном из первых заседаний 2 декабря 1918 г. совещание сформулировало 6 принципов экономической политики: «1. Отказ от заранее зафиксированных цен. Излишнее вздутие цен должно регулироваться планомерным выпуском на рынок продуктов... 2-й принцип — отказ от реквизиций, к которым можно прибегать только в самых крайних случаях и преимущественно в прифронтовой полосе... 3-й принцип — полное уничтожение всяких ограничений ввоза и вывоза... 4-й принцип — желательное сокращение монополий, так как этот вид государственного хозяйства, требуя создания чрезвычайно громоздкого административного аппарата, поглощает огромные денежные средства... 5-й принцип — возможное сокращение хозяйственной деятельности казны в будущем. 6-й и последний — это контроль над покупками и перевозками продуктов»¹. Позицию совещания, ставшую и позицией колчаковского правительства, наиболее ёмко выразил его участник князь А.А. Кропоткин: «Надо, чтобы государство было с глазами, но отнюдь не вмешивалось в частное хозяйство... Без ясного определённого признания права собственности нельзя ожидать возрождения экономической жизни России» (признавая нужным лишь ограждение отечественной промышленности таможенными пошлинами от конкуренции иностранных товаров)².

Проводился курс на поощрение предпринимательства, банковской системы, был основан новый Торгово-промышленный банк Сибири. Владельцы, территориально отрезанные от своих предприятий Гражданской войной, получали право управлять ими через доверенных лиц. Отдельные предприятия могли по *стратегическим* соображениям передаваться в собственность государства только путём выкупа у хозяев (например, Черемховские угольные копи под Иркутском), но ни в коем случае не конфискации.

Государственного экономического совещания // Сибирская жизнь. 1919. 24 июня.

¹ ГАРФ. Ф. р-190. Оп. 1. Д. 84. Л. 5–5 об.

² ГАРФ. Ф. р-190. Оп. 1. Д. 85. Л. 4 об., 175–178.

Поощрялся, выражаясь современным языком, «малый бизнес». Это относилось и к крестьянству. В Сибири, славившейся до революции развитой кооперацией, восстанавливались её силы. Население приобретало облигации займов. Возрождалось частное кредитование промышленности. Совершенствовалось сберегательное дело: так, держателям вкладов была предоставлена уникальная по тем временам возможность получать деньги с них в любой сберкассе города, в котором проживал вкладчик.

В целях улучшения положения среднего класса, страдавшего от разрухи, в марте 1919 г. был принят законопроект Минфина об оценке облагаемого налогом имущества не по доходности (как это делалось ранее), упавшей вследствие разрухи, а по стоимости.

В развитии путей сообщения, кроме железных дорог, особое внимание уделялось освоению стратегически важного для России Северного морского пути, для чего был создан специальный комитет. В его планах намечались новые исследовательские экспедиции и строительство порта в устье Енисея.

В целом в экономической политике колчаковского правительства господствовало классическое либеральное кредо: создание равных возможностей для всех, а в их пределах — полная свобода предпринимательской инициативы (исключением было финансирование правительством тех частных предприятий, которые имели общегосударственное и, прежде всего, оборонное значение). С этим был солидарен предпринимательский класс, в резолюции совещания торгово-промышленных организаций Омска от 2 января 1919 г. заявивший: «Дух свободного творчества, индивидуальная свободная инициатива создавали те культурные богатства и ценности, которые теперь приходится вновь воссоздать, а отнюдь не мертвящий дух регламентации»¹. Признавалась лишь необходимость минимального и временного государственного регулирования в условиях разрухи, по аналогии с соответствующими меропр-

¹ Сибирская речь. 1919. 4 января.

иятиями в странах Запада по окончании мировой войны. В исключительных условиях военного времени правительство допускало возможность отдельных чрезвычайных мобилизационных мероприятий в экономике и призывало промышленников «производить прежде всего то, что нужно для Российского государства, а не то, что выгодно», а также «ограничить свои требования» к государству, т. к. «все отрасли промышленности нуждаются в одном и том же, но всех удовлетворить нельзя»¹.

Впрочем, признаем, что рассчитывать на «голый патриотизм» буржуазии было затруднительно, и даже военнопromышленные комитеты («вопромы») — организации, созданные самой буржуазией для помощи правительству в условиях войны, — обвинялись прессой в том, что работают не столько в помощь фронту, сколько ради прибыли. Эгоизм буржуазии вызывал раздражение и самого А.В. Колчака². Так, широкую огласку получил факт спекуляции Омского военнопromышленного комитета казёнными заказами, послуживший причиной увольнения недосмотревшего министра торговли и промышленности Щукина³. Нередкими были случаи сокрытия доходов путём занижения в отчётах Госконтролю численности и зарплаты персонала, «двойной бухгалтерии» (совсем как в наше время) и т. п.

Впрочем, понятие **спекуляции** было растяжимым и вызвало обширную дискуссию. В борьбе с ней облагали налогами лиц, сдававших внаём жильё (в размере 50% от суммы найма), ограничивали предельные цены за его наём, штрафовали извозчиков за превышение таксы с пассажиров. В марте 1919 г. была создана правительственная межведомственная комиссия по борьбе со спекуляцией⁴. По воспоминаниям Г.К. Гинса, «гражданская власть не умела проявить инициативы в этом

¹ Сибирская речь. 1919. 27 мая.

² Гинс Г.К. Указ. соч. С. 299.

³ Шацилло М.К. Указ. соч. С. 123, 320–321.

⁴ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Л. 165–167.

деле, и борьбу со спекуляцией начала по всей линии железной дороги Ставка Верховного главнокомандующего... Объявлена была повальная реквизиция всех задержанных грузов»¹. Но отдача от этих мер была минимальной: спекуляция продолжала процветать. Кадетская пресса напоминала, что первое же крупное мероприятие Временного правительства А.Ф. Керенского по борьбе со спекуляцией — хлебная монополия — окончилось крахом, положив начало голоду в городах; та же судьба постигла и последующие мероприятия большевиков: «Стоило тот или иной предмет подвергнуть нормировке, а тем паче объявить монопольным, как этот предмет немедленно исчезал с рынка и становился объектом самой злостной и беззащитной спекуляции». С другой стороны, авторы признавали, что восстановление свободы торговли Сибирским правительством и в полном объёме — правительством А.В. Колчака привело к резкому скачку цен на товары первой необходимости².

Понимая, что в условиях свободной торговли само понятие «спекуляция» выглядит двусмысленно, правительство пыталось ввести борьбу с ней в некие рамки. Предостерегая от излишне широкого толкования этого понятия, Министерство снабжения в своей инструкции уполномоченным разъясняло: «Опыт последнего времени показал, что всякие запретные меры лишь... развивают спекуляцию»³. Тот же Жардецкий указывал, вспоминая печальный опыт Временного правительства Керенского, что «политика такс, регулирования торговли, монополий постепенно привела к окончательному крушению экономического строя, которое было закончено уже большевистским стремлением превратить человека в травоядное животное... Борьба должна быть направлена против преступных средств спекуляции, как то: мошенничества, подлога, взятки, тогда как законодательное

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 370.

² Свободный край. 1919. 4 июля.

³ Цит. по: Заря. 1918. 21 ноября.

нормирование процента прибыли при современных условиях транспорта невозможно»¹.

В конце концов, особое совещание экономистов и юристов при Министерстве продовольствия и снабжения в мае 1919 г. пришло к выводу, что борьбу надо вести с *причинами* дороговизны, а не с ней самой. В материалах совещания говорилось: «Уголовный закон (здесь и далее выделено мною. — В. Х.) рассматривает спекуляцию как деятельность, направленную на получение чрезмерной прибыли, не оправдываемой условиями производства и сбыта. Но установить границу между чрезмерной и нечрезмерной прибылью, учесть все условия производства и сбыта представляется совершенно невозможным. Экономика трактует спекуляцию как торговое действие, которому присуща большая степень риска, большой азарт. При таком определении нельзя провести грань между спекулятивной и нормальной сделкой, так как каждая торговая операция включает в себе элемент риска и азарта. С *обывательской* точки зрения, спекулянт — всякий, кто получает больший процент на капитал, чем это допустимо по его, обывателя, мнению». В итоге совещание пришло к выводу о необходимости *прекращения* всяких карательных мер и замене их борьбой за нормализацию транспорта, конкуренции и других условий торговли, которые должны привести к стабилизации цен².

Опыт истории (в т. ч. «перестройки» эпохи М.С. Горбачёва) показывает, что для создания ажиотажного спроса на товары в кризисной ситуации достаточно исчезнуть с прилавков хотя бы некоторым из них. В обществе сразу возникает нервозность, тревожное ожидание новых дефицитов. Этой психологической атмосферой пользуются хищники из среды торговцев и работников снабжения, припрятывая даже имеющиеся в достатке товары на складах с целью взвинчивания цен. Но карательные меры здесь практически бессильны. Те же боль-

¹ Жардецкий В.А. Спекуляция и карательная политика // Наша заря (Омск). 1919. 15 апреля.

² Сибирская речь. 1919. 21 мая.

шевики применяли в годы революции самые суровые кары к «мешочникам», вплоть до расстрелов, — но к появлению дефицитных товаров и сокращению инфляции они не привели. Однако стоило им в 1921 г. ввести НЭП с его свободной торговлей и свободными ценами, как проблема элементарно решилась.

Прибывшие летом 1919 г. из деникинского Екатеринодара в колчаковский Омск представители Национального центра отмечали, что в Сибири значительно лучше, чем на Юге, организованы хозяйственная деятельность и транспорт, хотя одновременно сетовали, что активность и сплочённость организуемых классов Белого движения (и прежде всего интеллигенции) на Востоке слабее¹.

В развёрнутом виде экономическая программа колчаковского правительства была изложена в докладе на Государственном экономическом совещании 23 июня 1919 г. В нём вновь подчёркивалось, что «в основу должно быть положено частное хозяйство», но отмечалась и необходимость развития государственной, муниципальной и кооперативной собственности — иначе говоря, провозглашался курс на многоукладную экономику, при доминировании частной собственности. Декларировался принцип свободы торговли. Исключение делалось для внешней торговли, которая должна остаться под контролем государства — прежде всего с целью защиты отечественной промышленности от конкуренции импортных товаров, с помощью таможенных пошлин. При этом отмечалось, что защищать таким способом имеет смысл лишь перспективные, развивающиеся отрасли, а не те, в которых господствуют отсталые технологии. Что же касается дефицитных товаров, то на их импорт предполагалось, наоборот, снижать пошлины. Таким образом, намечался гибкий подход в регулировании внешней торговли, исходя из соотношения рыночного спроса и потребностей развития собственной промышленности. Говорилось и о необходимости привлечения иностранных капи-

¹ Сибирская жизнь. 1919. 22 июня.

талов для ускорения развития промышленности и восстановления банковской системы¹.

Все эти меры привели к *оживлению* экономики, доведённой до разрухи большевиками. В городах налаживалась торговля, не было типичного для советских областей голода, повального дефицита товаров и полного обесценения денег. Разумеется, свойственная войне разруха порождала дефициты и здесь. Особенно велика была потребность в закупках оружия и снаряжения для армии, получаемых от союзников, на что приходилось тратить часть золотого запаса. По информации Минфина, в бюджете правительства расходы в 8 раз превышали доходы², что вело к неизбежной инфляции. Но эта инфляция была *на порядок ниже*, чем в областях, занятых большевиками. Позже для её обуздания были запрещены спекулятивные операции с валютой, не связанные с торговыми сделками. С трудом, но была налажена к концу весны 1919 г. и работа железнодорожного транспорта, представлявшая чрезвычайную проблему — и по своей стратегической важности, и по объёму творившихся на железных дорогах злоупотреблений. В Гражданскую войну разруха на железных дорогах была всеобщей (омская газета «Заря» иронически предлагала снять многосерийный кинематографический боевик о том, как в поезде на перегоне Омск—Новониколаевск родился человек, как он в дороге вырос, женился, стал большевиком, потом монархистом, а поезд всё никак не мог дойти до станции)³. Но к лету положение было исправлено: налажено движение поездов по расписанию, сократились злоупотребления. Хотя это было достигнуто при помощи межсоюзного комитета с участием представителей Англии, Франции, США и Японии, но *управление* железными дорогами полностью сохраняло в своих руках колчаковское Министерство путей сообщения. Правда, нормализация была достигнута ненадолго: вскоре началось отступле-

¹ Сибирская жизнь. 1919. 24 июня.

² Сибирская жизнь. 1919. 24 сентября.

³ Заря. 1919. 11 января.

ние на фронте, и по мере поражений разложение в тылу стало прогрессировать с новой силой.

Социальная программа правительства А.В. Колчака (равно как и А.И. Деникина) была также либеральной в лучшем смысле этого слова. Полемизируя с социалистами и признавая, что социальный прогресс на Западе достигнут во многом благодаря действиям государства, белогвардейская пресса указывала, что в России со стороны социалистов «обоготворение народа практически вылилось в *отрицание обязанностей* со стороны масс (выделено мною. — В. Х.)» и уже в начале революции, при Временном правительстве «развратило» народные массы: «В бурный период революции им вбивали в голову, что платить подати и налоги — обязанность буржуев, а обязанность крестьянства — распоряжаться собранными суммами». Поэтому, говорилось в заключении, «предположения о воссоздании России без *морального оздоровления общества* (выделено мною. — В. Х.), при самом совершенном законодательстве и организации власти окажутся построенными на песке»¹.

В **рабочем** вопросе были сохранены данный большевиками 8-часовой рабочий день и расширенные права профсоюзов (хотя официально закон о рабочем дне так и не был принят, оплата сверхурочных работ производилась исходя из 8-часовой нормы²). Правда, помимо того, что эти блага были уже предоставлены рабочим распропагандировавшими их (в своей массе) большевиками, вопрос осложнялся ещё и тем, что часть рабочих, особенно низкоквалифицированных, выиграла от проведения коммунистами уравнительного принципа оплаты. Попытки администрации предприятий при белых изменить положение вещей часто вызывали протесты и проводились с трудом.

Учитывая интересы рабочих, Колчак сохранил Министер-

¹ Свободный край. 1919. 2 апреля.

² Рышков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (1-я половина 1918 — 1919 гг.). Новосибирск, 2008. С. 274, 295–296.

ство труда во главе с меньшевиком Л.И. Шумиловским, знавшим их нужды и с помощью инспекторов труда добившимся известных результатов. Были восстановлены биржи труда, больничные кассы, в которые вносили 1/4 денег сами рабочие, а 3/4 — хозяева предприятий; при этом в советах касс хозяева имели лишь 1/3 мест¹. Несколько повысились льготы кадровым рабочим: если раньше администрация обязана была предупредить об увольнении за две недели и выплатить выходное пособие на этот же срок, то по новому закону, если человек проработал на предприятии более года, эти сроки повышались до месяца². Разрабатывались коллективные договоры между трудовыми коллективами заводов и фабрик и их владельцами. При конфликтах рабочих с хозяевами нередко создавались примирительные камеры, третейские суды.

Сохранились и **профсоюзы**. Более того, министр труда ратовал за развитие профсоюзного движения, говоря, что только оно «выведет рабочий класс в русло деловой работы... и поможет ему избавиться от гипноза заманчивых, но нереальных большевистских лозунгов»³, имея в виду демагогию коммунистов о превращении рабочих в «подлинных хозяев» предприятий. При этом правительству пришлось преодолевать сопротивление части буржуазии (так, в марте 1919 г. группа уральских горнопромышленников выступила против заключения коллективных договоров, ссылаясь на «разнообразие условий труда», низкую грамотность рабочих и т. п. «помехи»).

Колчаковский министр Шумиловский всячески старался направить рабочее движение в русло профсоюзной деятельности, приводя в пример Англию. «Путь здорового профессионализма, избранный английскими тред-юнионистами, считающими себя не “его величеством пролетариатом”, а только частью великого единого целого государства, — писала бело-

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 1. Д. 68. Л. 50.

² Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России... С. 256–257.

³ Сибирская речь. 1919. 22 января.

гвардейская пресса, — путь доверия к государственной власти и участия в строительстве жизни, а не разрушения её — единственный путь, идя по которому, русский рабочий может добиться улучшения своего экономического положения и расширения своих социально-экономических прав»¹.

С таким подходом соглашался и сам А.В. Колчак: выступая на открытии особого совещания представителей уральской промышленности в мае 1919 г. в Екатеринбурге, он особо отметил необходимость улучшения быта и положения рабочих для эффективной работы на оборону².

И хотя в целом численность профсоюзов при Колчаке сократилась из-за преследований по обвинениям в антиправительственной деятельности, причастности к забастовкам и восстаниям (в случаях, когда их возглавляли скрытые большевики), сохранились и продолжали работать в основном те профсоюзы, где рабочие проявляли недовольство политикой большевиков. Некоторые профсоюзы обращались с ходатайствами не распускать их, а ограничиться арестом «злонамеренных» членов. В свою очередь, циркуляр Министерства труда от 31 мая 1919 г. запрещал им заниматься политической деятельностью. С марта 1919 г. на время войны были запрещены забастовки³. Строго говоря, так действовали тогда и большевики: более того, они приравнивали забастовки против своей власти к «саботажу», т. е. к уголовно наказуемому преступлению и «измене революции». Не случайно пострадавшие от большевистских репрессий против стачек и от уравниловки рабочие Урала (в Перми, Ижевске, Воткинске), до революции хорошо зарабатывавшие на оборонных заводах, активно поддерживали Колчака; к тому же уральский пролетариат — в отличие от питерского, московского или донецкого — сохранял тесные связи с деревней, разорённой большевиками. В частности, рабочие Верх-Исетского завода в Екатеринбурге в своей теле-

¹ Сибирская речь. 1919. 29 июля.

² Гинс Г.К. Указ. соч. С. 344.

³ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 191.

грамме Верховному правителю, принятой на общем собрании, изъявляли готовность «всемерно помочь восстановить разорённую злоумышленниками и предателями (т. е. большевиками. — В. Х.) родину»¹. Рабочие Златоустовского оборонного завода заслужили от Колчака особую благодарность за отличную работу. Исправно трудились на белую армию и рабочие военных заводов в Екатеринбурге, Перми, Нижнем Тагиле. Именно при Колчаке на уральских заводах *впервые* после революции начался *рост производительности труда*².

Нередко колчаковское правительство становилось на сторону рабочих в их конфликтах с предпринимателями, что показывает борьба вокруг законов о больничных кассах и примирительных камерах. В мае 1919 г. совещание горнопромышленников в Екатеринбурге высказалось за необязательность решений примирительных камер, паритетность состава больничных касс от рабочих и от администрации и за неоплату их работы за счёт предприятий. С резким протестом выступило совещание бюро профсоюзов Урала и бюро больничных касс, обвинившее горнопромышленников в классовом эгоизме в тяжёлый для родины момент³. В этом конфликте министр труда Шумиловский поддержал *рабочих* и уведомил горнопромышленников, что «не видит достаточных мотивов» для удовлетворения их требований⁴.

Предпринимались и другие меры для снижения социальной напряжённости. В условиях инфляции особый комитет при Министерстве труда утверждал вполне реальные (в отличие от нынешних) прожиточные минимумы по регионам и в зависимости от них периодически индексировал зарплату госслужащих и рабочих⁵. Практика исчисления прожиточных ми-

¹ Заря. 1918. 29 декабря.

² Гинс Г.К. Указ. соч. С. 354.

³ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 1. Д. 69. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Подробнее см.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России... С. 138–140, 165.

нимумов в Сибири была *впервые* введена именно при Колчаке.

Из этого, конечно, не следует, что правительство Колчака совсем игнорировало запросы предпринимателей. Правительственные ссуды частным предприятиям в 6 раз превышали ссуды земствам. Но при этом правительство стремилось учитывать интересы всех слоёв общества, действовать в качестве объединяющей силы.

Жизненный уровень населения Сибири и Урала был хотя и низким из-за войны (газеты регистрировали вспышки тифа в перенаселённых, наводнённых беженцами городах, дороговизну, дефицит ряда товаров, рост преступности), но в среднем *значительно выше*, чем в Советской России, где в обстановке «военного коммунизма» царили голод, всеобщий дефицит и полная хозяйственная разруха. Во всяком случае, продовольствия в «Колчакии» хватало с избытком. По воспоминаниям очевидцев, «зимой 1919 года Сибирь изобиловала мясом, маслом и чудным пшеничным хлебом»¹. Промышленные товары, в отличие от продуктов, были действительно в дефиците (включая такие необходимые, как керосин и спички), а потому стоили дорого (как и съём жилья из-за наплыва беженцев из советского «рая», из-за которых население одного лишь Омска выросло тогда почти в 6 раз). Но на то и война (кстати, о беженцах надо отметить, что большую бесплатную помощь бельём, одеждой и медикаментами им оказывал американский Красный Крест). Что было общим в годы Гражданской войны, так это неумеренное пьянство, при том, что большевики продлили действие введённого с началом Первой мировой войны «сухого закона» (он действовал до 1924 г., и несмотря на это, процветало самогонование), а их противники, напротив, отменили его.

Аграрная программа правительства А.В. Колчака в общих чертах означала *частичный* возврат земель помещикам при установлении максимальных норм землевладения с передачей излишков крестьянам за компенсацию.

¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 180. Л. 192–193.

Белые осознавали резко возросшее после революции значение крестьянства. Их газеты писали: «Революция и социальные реформы, усилив экономическую мощь крестьянства, разрушили вместе с тем материальную силу тех слоёв населения, которые составляют необходимое звено в процессе капиталистического развития страны... Торгово-промышленный класс, как одна из движущих сил капиталистического хозяйства, был отдан на поток и разграбление... Крестьянство, как производитель продуктов первой необходимости, становится хозяином положения»¹.

В феврале 1919 г. на заседании Екатеринбургской городской думы А.В. Колчак заявил: «Возврата к старому земельному строю не будет и быть не может... Земельная политика должна иметь целью создание многочисленного крепкого крестьянского и мелкого землевладения за счёт землевладения крупного»². Этот тезис был развит адмиралом в выступлении перед земскими деятелями в Омске 4 апреля 1919 г.: «Мелкое крестьянское земельное хозяйство есть *основа экономического благополучия страны* (выделено мною. — В. Х.)... Правительство... будет всемерно поддерживать его за счёт крупного землевладения... Крестьянство, составляющее 85% населения государства, имеет право на преимущественные о нём заботы правительства»³.

В самой Сибири искони не было помещиков. Но поскольку колчаковское правительство претендовало на роль всероссийского, оно должно было учитывать положение по всей стране, а не только в Сибири. Бежавшие от большевиков из Европейской России помещики неоднократно обращались в колчаковское Министерство земледелия с просьбами восстановить принадлежавшие им до революции земли в полном объёме.

Да и само сибирское крестьянство по составу и настроениям было неоднородным. Крестьяне-старожилы — коренные

¹ Свободный край. 1919. 12 января.

² Цит. по: Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 28 февр.; Гинс Г.К. Указ. соч. С. 304.

³ Сибирская речь. 1919. 10 апреля.

жители Сибири, никогда не знавшие крепостного права, — были довольно зажиточны и консервативны. Напротив, многочисленные переселенцы из Европейской России, наводнившие Сибирь после столыпинской реформы, в основном были бедны, многие из них поддерживали советскую власть и были не прочь пожить за счёт коренных жителей. В то время на подвластной Колчаку территории проживало около 20 млн. человек, из них 10 — в Сибири. 3 млн. переселенцев-«новосёлов» составляли в этой массе значительный удельный вес. С другой стороны, в Гражданскую войну на этой территории очутилось более полумиллиона беженцев от советской власти, представлявших надёжную опору белых.

В целом, как *особенности* колчаковского режима по сравнению с деникинским, можно отметить, с одной стороны, всё же несколько более широкую социальную опору — за счёт наиболее зажиточной части крестьянства, которому на востоке страны не грозил возврат помещиков. Влияние большевиков в этом промышленно отсталом регионе было слабым, и даже рабочие промышленного Урала, составлявшие до революции высокооплачиваемую «рабочую аристократию» (благодаря работе на предприятиях оборонного значения) и при этом сохранявшие тесную связь с деревней, как мы уже видели, выступали против них. О неоднозначности взаимоотношений между народом и белой властью, помимо отмеченной позиции большинства уральских рабочих, свидетельствуют и многочисленные приветствия Верховному правителю, приходившие от волостных крестьянских сходов. Чаще всего они исходили именно от крестьян-«старожилов». А, например, крестьяне Красноуфимского и Златоустовского уездов Урала, озлобленные большевистской продразвёрсткой, массами вступали добровольцами в армию Колчака. Позиции среднего крестьянства оставались колеблющимися. Справедливости ради отметим, что в условиях перебоев с транспортом провиант не всегда доходил до армии, и это нередко вынуждало военное командование, особенно в прифронтовой полосе, прибегать к реквизициям, вызывавшим раздражение крестьян.

Особое внимание колчаковское правительство уделяло казачеству, которое, наряду с буржуазией и офицерством, составляло одну из главных и наиболее надёжных социальных опор белых — помимо либеральной и патриотической интеллигенции, малочисленного дворянства, слабого духовенства и колеблющейся массы зажиточных крестьян. В специальной «Грамоте Российского правительства казачьим войскам» от 1 мая 1919 г. А.В. Колчак гарантировал нерушимость «всех правовых особенностей земельного быта казаков, образа их служения, уклада жизни, управления военного и гражданского, славявшегося веками»¹.

Одной из причин слабой поддержки режима Колчака со стороны крестьян, их относительной инертности являлось то обстоятельство, что советская власть до прихода белых продержалась в Сибири сравнительно *недолго* и не успела, с одной стороны, закрепиться в крае, с другой — показать себя в полной мере. Её свержение ускорил внешний фактор — восстание чехословацкого корпуса. Как отмечал в мемуарах один из министров Колчака: «Коренное население Сибири относилось к земельному вопросу равнодушно, и аграрная демагогия не говорила ему ничего. Но зато сибирское крестьянство не испытало и какого-либо гнёта нового режима... Продовольственные отряды ещё не проникли в Сибирь, т. к. состояние транспорта не позволяло вывезти из неё и те запасы, которые были заготовлены ещё раньше... Больше ощущали социалистическую систему нового режима окрестные деревни крупных городов»².

То есть, с одной стороны, сравнительно зажиточное население Сибири, с практическим отсутствием в ней кадрового промышленного пролетариата, было маловосприимчиво к большевистской агитации (за исключением сравнительно бедных столыпинских переселенцев-«новосёлов»), — но с другой стороны, не успело почувствовать на себе все негативные стороны советского режима. В большей степени их успели ощутить го-

¹ Свободный край. 1919. 5 мая.

² Гинс Г.К. Указ. соч. С. 27.

рожане, но сибирские города того времени были относительно малочисленны и не определяли общей картины. В деревне же преобладали анархические настроения. Как констатировал тот же автор, «Сибирь в своей основной массе большевизмом не заразилась. Он протянулся красною ленточкою вдоль линии железной дороги, не проникнув вглубь. Но зато Сибирь не успела проникнуться и достаточным сознанием непригодности для неё большевистского строя»¹.

Во многом именно этим (хотя и не только) объясняется существенное недовольство значительной части населения своим экономическим положением, связанным с войной, несмотря на гораздо худшую экономическую (и прежде всего продовольственную) ситуацию в Советской России. Управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев докладывал товарищу министра внутренних дел в марте 1919 г.: «Деревню возмущают налоги и отсутствие товаров. При самодержавии у них были товары, а при большевиках не собирали налогов» (не успели развернуть продрозвёрстку, которая из перешедших к Колчаку регионов затронула лишь Урал)².

Практическая политика правительства Колчака в земельном вопросе в принципе не расходилась с декларациями. В конце февраля 1919 г. был принят закон о передаче всех государственных земель в долгосрочную аренду губернским земствам или — по их рекомендациям — крестьянам; 14 марта 1919 г. — закон о выделении земли участникам войны и семьям погибших. В первую очередь ими наделялись георгиевские кавалеры, инвалиды войны и семьи погибших³. Несомненно, этот закон поощрял вступление *малоземельных* крестьян в белую армию. Такие участки выделялись и за счёт *конфискации*

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 51.

² ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 7. Д. 29. Л. 9.

³ Правительственный вестник. 1919. 18 марта. См. также: Лончаков Ю.Г. Аграрная политика временных государственных образований Сибири в 1918–1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997. С. 11–12.

земли у дезертиров и крестьянских повстанцев против Колчака, которых было особенно много в Енисейской губернии и которые именовались, как и большевики, «предателями Родины». В данном случае правительство нарушало принцип неприкосновенности чужой собственности, но надо признать, что в условиях Гражданской войны у него были основания так поступать.

Идя навстречу пожеланиям крестьян Европейской России, 5 апреля 1919 г. колчаковский Совет министров *отменил* постановление Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. о возврате захваченных земель прежним владельцам, ориентированное на Сибирь (где не было помещиков)¹. А.В. Колчак, претендовавший на роль всероссийского правителя, понимал, что в масштабах всей России так поступать нельзя, иначе крестьянство будет бороться против белых. Не случайно постановление правительства было принято в разгар наступления его армий на Волгу.

8 апреля 1919 г. была издана «Декларация о земле», дополненная «Правилами о порядке производства и сбора посевов»². Эти документы давали право сбора урожая тем, кто фактически обрабатывал землю, откладывая окончательное решение вопроса до победы над большевиками и созыва после войны Национального собрания. Одновременно правительство заверяло крестьян, что в *будущем* за ними будет сохранена та часть бывшего помещичьего фонда, которая относилась к землям «нетрудового пользования», а также им будет передана часть государственных земель. В документах содержался также проект поощрительных мер для перехода земли в частную собственность крестьян.

13 апреля 1919 г. вышел закон «Об обращении во времен-

¹ ГАРФ. Ф. р-193. Оп. 1. Д. 42. Л. 36–37.

² Декларация Российского правительства о земле, 8 апреля 1919 г. // Правительственный вестник. 1919. 10 апреля; ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Л. 256 об; Известия Министерства земледелия. 1919. №9–10. С. 2.

ное заведование правительственных органов земель, вышедших из фактического обладания их владельцев и поступивших в фактическое пользование земледельческого населения»¹.

Закон 13 июня 1919 г. отменял указ Временного правительства А.Ф. Керенского от 12 июля 1917 г. об ограничении сделок на куплю-продажу и аренду земли. В деревне были в полном объёме восстановлены рыночные отношения. И здесь правительство Колчака продолжало традицию П.А. Столыпина, как и в поощрении выхода крестьян из общины в частную собственность. Правда, закон предусматривал длительную процедуру оформления сделок и личное разрешение министра земледелия в каждом конкретном случае «во избежание спекуляции»².

По сути дела, в перспективе предполагалось многоукладное сельское хозяйство, сочетающее технически развитые помещичьи земли, крестьянские частные и общинные, казачьи общинные (учитывая специфику казачьего сословия) и инородческие частные, с приоритетом развития *крестьянской частной* собственности, что продолжало столыпинскую традицию.

Сохранившийся в личном фонде премьера П.В. Вологодского документ под названием «Основы аграрной политики правительства», датированный мартом 1919 г.³ и разрабатывавшийся с его учётом законопроект «Положения об обращении во временное распоряжение государства земель, вышедших из обладания их владельцев» позволяют проследить дальнейшую аграрную программу правительства Колчака. Бывшие помещичьи земли Европейской России объявлялись *временно* переданными в хозяйственное ведение государства с правом передачи в аренду крестьянам, а частновладельческие леса — во временное распоряжение губернских земств⁴.

¹ ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 5. Д. 66. Л. 16.

² *Расторгуев С.В.* Аграрная политика колчаковского правительства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 10.

³ ГАРФ. Ф. р-193. Оп. 1. Д. 42. Л. 33–34 об.

⁴ ГАРФ. Ф. р-193. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–7.

Конечно, такое «компромиссное» решение не могло удовлетворить ни крестьян, ни помещиков: для первых оно означало (несмотря на аренду и ряд оговорок) опись и изъятие захваченных земель из их собственности государством, для вторых — ещё больший ущерб, т. к. для них эти земли были «кровными». В самом правительстве многие министры считали этот проект неудачным; показательно, что он прошёл с перевесом всего в один голос.

Возврату помещикам, согласно проекту Министерства земледелия, подлежали усадьбы и земли «трудового пользования» (т. е. обрабатывавшиеся силами самих владельцев и их семей), а также образцовые хозяйства и земли, занятые построенными ими техническими заведениями, — от фабрик до простых мельниц. Но и этот умеренный законопроект был «забракован» после резкой критики слева и справа и отправлен на доработку. В правительстве однозначно против восстановления помещичьего землевладения в любой форме выступал Г.К. Гинс, но он практически остался в одиночестве¹.

В докладе правительства на Государственном экономическом совещании 23 июня 1919 г. по земельному вопросу говорилось, что низкая производительность мелких крестьянских хозяйств и невозможность их быстрой механизации вынуждают к расширению их площадей за счёт «нетрудового» землевладения путём его принудительного отчуждения, и заявлялось, что государство заплатит помещикам выкуп за отчуждённые земли, а крестьяне постепенно возместят государству сумму этого выкупа (как это было после отмены крепостного права). При этом сумма выкупа должна была определяться путём соглашений сторон в каждом отдельном случае². Такая схема была, признаем, малоудовлетворительной, поскольку при ней помещики постарались бы выжать из крестьян максимум.

Позиция А.И. Деникина по этому вопросу была примерно

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 321.

² Сибирская жизнь. 1919. 24 июня.

схожей — с той разницей, что если Колчак отдавал крестьянам *весь* урожай, то Деникин изымал из него 1/3 в пользу бывших владельцев (т. н. «указ о третьем снопе», как прозвали его крестьяне). Как видим, в этом вопросе Деникин, испытывавший сильное давление помещичьего лобби на Юге России, занимал ещё более консервативную позицию. Кроме того, аграрная программа А.В. Колчака была несколько полнее и детальнее деникинской¹.

Да, земельный вопрос был сложным — пожалуй, самым сложным из всех. Но сторонники навязанного коммунистами трафаретного образа Колчака как «защитника капиталистов и помещиков» могут прочесть строки из телеграммы Верховного правителя генералу Деникину от 23 октября 1919 г.: «Я считаю недопустимой земельную политику, которая создаёт у крестьянства представление помещичьего землевладения. Наоборот, для устранения наиболее сильного фактора русской революции — крестьянского малоземелья... я одобряю все меры, направленные к переходу земли в собственность крестьян участками в размерах определённых норм. Понимая сложность земельного вопроса и невозможность его разрешения до окончания гражданской войны, я считаю единственным выходом для настоящего момента по возможности охранять фактически создавшийся переход земли в руки крестьян, допуская исключения лишь при серьёзной необходимости и в самых осторожных формах». И далее, понимая щекотливость положения Деникина, окружённого на своей территории бывшими помещиками, и желая «подстраховать» его, адмирал добавлял: «Ссылка на руководящие директивы, полученные от меня, могла бы оградить Вас от притязаний и советов заинтересованных кругов»². В ноте союзным правительствам Верхов-

¹ *Цветков В.Ж.* Влияние Верховного правителя России адмирала Колчака на формирование аграрной политики деникинского правительства (лето—осень 1919 г.) // История белой Сибири: мат-лы II междунар. конференции. Кемерово, 1997. С. 144–148.

² *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 223–224.

ный правитель подчёркивал: «Только тогда Россия будет цветущей и сильной, когда многомиллионное крестьянство наше будет в полной мере обеспечено землёй»¹. Он считал многочисленные мелкие крестьянские хозяйства более перспективной формой землевладения, чем единичные крупные помещичьи латифундии. Этой уверенности способствовал тот факт, что в годы Первой мировой войны за счёт работы немецких и австро-венгерских военнопленных в Сибири *увеличились* запашка земли и сборы урожая. Все эти факты позволили исследователям сделать вывод, что колчаковская аграрная программа была глубже деникинской, а также наиболее последовательно продолжала столыпинский курс на развитие частной крестьянской собственности на землю².

Да, признаем, всё-таки в целом колчаковское правительство избрало линию уклончивого компромисса между крестьянами и помещиками и затягивания окончательного решения земельного вопроса — как показала жизнь, линию ошибочную. Жизнь порой требует срочных решений, не дожидаясь удобных условий мирного времени. Но и политические советники Верховного правителя в большинстве своём полагали программные заявления адмирала и его правительства по земельному вопросу вполне достаточным дополнением к принятым законам. Ещё ранее, когда Колчак только наметил контуры аграрной программы в одном из выступлений в Челябинске, белая пресса с удовлетворением комментировала, что она «без сомнения, не отвечает эсеровским вождениям... но безусловно вызовет чувство полного удовлетворения у всех других, у кого ум не затуманен социалистическими утопиями»³. В частности, кадеты делали акцент не на расширение крестьянского землевладения, а на улучшение *агрокультуры*. Словно в поддержку

¹ Цит. по: Гинс Г.К. Указ. соч. С. 378.

² Люшня С.И. Некоторые аспекты аграрной политики правительства А.В. Колчака // Современное общество: мат-лы научной конференции. Омск, 1999. Вып. 1. С. 87–97.

³ Свободный край. 1919. 18 марта.

их замыслов, с целью механизации отсталой земледельческой техники правительство заказало в США в немалом количестве сельскохозяйственные машины.

Чуть позднее, когда начались военные поражения, Колчак стал более решительно выступать по земельному вопросу. Вот пример такого обращения к крестьянам 29 июля 1919 г.: «Мы считаем справедливым и необходимым отдать всю землю трудящемуся народу»¹. Но эти запоздалые заявления не подкреплялись реальными законами. Политика компромисса не удовлетворяла ни правых, ни левых. Первые противились любому отчуждению помещичьей собственности, вторые (эсеры), наоборот, были против любой частной собственности на землю — как помещичьей, так и крестьянской, выступая за традиционную общинную собственность. С этой точки зрения они критиковали даже решение правительства наделять землёй в частную собственность участников войны.

Но главное — позиция белых в земельном вопросе не могла удовлетворить — а значит, и привлечь на их сторону — самих крестьян, в том числе и одетых в солдатские шинели. 27 июля 1919 г. начальник Осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего (Осведверха) полковник Г.И. Клерже докладывал второму генерал-квартирмейстеру Ставки: «Представители осведорганов в один голос говорят о неблагоприятном впечатлении, производимом в армии и среди прифронтового населения неопределённостью правительственных актов в области вопросов земельного и созыва Национального Учредительного собрания, а также в области рабочего законодательства»².

Практически единственное, что успели крестьяне по факту получить при Колчаке — это конфискованные 21 июня 1919 г. по указу Верховного правителя в пользу семей воинов Белой армии (в соответствии с законом от 14 марта) государственные земли, находившиеся в пользовании мятежных крестьян села Тасеево Каинского уезда и села Степно-Баджейского Красно-

¹ Сибирская жизнь. 1919. 3 августа.

² ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 11. Л. 28.

ярского уезда Енисейской губернии¹. Также в мае 1919 г. МВД внёс в Совмин проект «Положения о государственном призрении лиц, пострадавших от преступных деяний, совершённых приверженцами советской власти по политическим побуждениям, и семейств сих лиц», по которому пострадавшим назначались одинаковые пенсии и пособия².

Отдельные, наиболее дальновидные политики призывали правительство признать факт крестьянского «чёрного передела» помещичьих земель нерушимым — и сделать это до созыва Национального или Учредительного собрания, чтобы обнадёжить крестьян в сохранении всей земли за ними. Ведь от позиции крестьянства, составлявшего (без казаков) около 3/4 населения России, в конечном итоге зависел исход Гражданской войны.

Компромисс в этом вопросе не сулил перспектив, ибо дворянство как класс сошло с исторической сцены. Это понимали и отдельные члены правительства. В «Записке о направлении аграрной политики правительства» премьер П.В. Вологодский в марте 1919 г. писал: «То неопределённое и выжидательное отношение к аграрному вопросу, которое имеет место в настоящее время, уже не может и не должно продолжаться долее», особенно при распространении власти правительства на Европейскую Россию «с острым и нервным отношением её населения к вопросу о земле»³.

О том, что привлечь крестьян на свою сторону было вполне реально, показывают колеблющиеся настроения крестьянства, порождённые советской политикой продразвёрстки. Как свидетельствуют приговоры волостных сходов, крестьяне Кашагачской волости Корум-Алтайского уезда постановили 2 мая 1919 г. пожертвовать на армию 10 тыс. руб. и 20 лошадей⁴. Одна из апрельских сводок Особого отдела государственной охраны отмечала поворот крестьян Амурской области на сторону

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 2. Л. 313.

² ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 4. Д. 3. Л. 113–114.

³ ГАРФ. Ф. р-193. Оп. 1. Д. 42. Л. 16.

⁴ ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 7. Д. 29. Л. 4.

белых под влиянием бесчинств партизан¹. И таких примеров масса. А задержки с окончательным решением земельного вопроса, политика компромисса показывают недооценку злободневности проблемы как военными лидерами белых, так и большинством их политических советников. Те и другие оставались в плену идеи земельной компенсации помещикам и формальных законодательных процедур. Верность принципам довела над тактическими соображениями момента.

В целом же можно согласиться со словами американского историка: «В Гражданской войне крестьянство держалось особняком, поносило обе воюющие стороны и мечтало, чтобы его оставили в покое»².

Подводя итоги, признаем очевидным, что социальная программа белых представляла в целом разумную попытку компромисса между помещиками и буржуазией, с одной стороны, и крестьянством и рабочими — с другой. Но теперь, когда представители ранее господствовавшего меньшинства были уже «экспроприированы» большевиками, эта программа была *запоздалой*. Её осуществление было возможно в отношении возврата предприятий их хозяевам, поскольку здесь речь шла о возврате собственности *от государства* (в конце концов, какая разница рабочему человеку, на государство работать или на хозяина, главное, чтобы платили достойно и отношение было человеческим). Правда, её содержание всё равно не могло привлечь рабочий класс в целом (не считая наиболее высокооплачиваемой его части, как это было на Урале) на сторону белых, поскольку рабочие в своей *массе* немало получили от большевиков (достаточно широкие права, 8-часовой рабочий день), были распропагандированы ими, считали их своей партией и верили им.

Но решающее значение имела всё-таки позиция белых в *земельном* вопросе. А она, в отличие от предыдущей, была совершенно ошибочной. Здесь речь шла о возврате собственности старым владельцам — пусть даже частичном! — *не от абстракт-*

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 28. Л. 26–26 об.

² *Пайнс Р.* Указ. соч. Т. 3. С. 173.

ного государства, а от вполне конкретных новых владельцев — крестьян, составлявших большинство населения России. В данном вопросе белые оказались заложниками идеи компромисса. И если в Сибири положение было проще (за отсутствием помещиков), то на Юге России крестьяне готовы были скорее предпочесть продразвёрстку возврату помещиков. Если вспомнить историю Франции, то вернувшиеся к власти через четверть века после революции Бурбоны удержались достаточно долго только потому, что не стали поднимать вопроса о возвращении земли дворянам (вместо этого им выплатили частичную денежную компенсацию за счёт *государства*). К сожалению, белые вожди, будучи людьми военными (да и их политическое окружение — тоже), не до конца осознали, что в такой войне, как *Гражданская*, для победы над внутренним противником важно первым делом перетянуть на свою сторону народ, причём конкретными мерами, не дожидаясь удобных времён и созыва парламента. В отличие от них, большевики прекрасно понимали, что в условиях Гражданской войны для привлечения народа на свою сторону одних обещаний — в которых они тоже не скупились и даже *превосходили* своих противников — мало, необходимо подкреплять их какими-то крупными *конкретными действиями* популистского характера и делать это *немедленно*, не дожидаясь мира и других благоприятных обстоятельств.

Но, повторим, несмотря на отдельные промахи правительства Колчака в социальной политике и тяжёлые условия военного времени, в целом на территории белых не наблюдалось такой тотальной экономической разрухи, как на советской: намного меньшим было падение производства (местами даже наблюдались его рост и технические усовершенствования), функционировала торговля. К выводу о превосходстве «белой» экономики над системой «военного коммунизма» приходят и другие исследователи¹.

¹ Рынков В.М. Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири 1918–1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 21, 24.

Кроме того, колчаковское правительство обеспечило населению хоть какое-то (большого в условиях Гражданской войны ожидать было нельзя) подобие **правопорядка**. В противовес советской власти, уничтожившей независимость судов, была возрождена **судебная** система дореволюционной России, со времён реформы Александра II 1864 г. являвшаяся одной из самых демократических в мире, основанная на независимости, гласности, равенстве всех перед законом, праве каждого на судебную защиту (адвоката) и институте присяжных. Был возрождён и возглавлявший её Правительствующий Сенат, собравшийся в Омске в январе 1919 г. в составе «временных присутствий» из имевшихся в наличии сенаторов до взятия Москвы¹. Именно перед лицом Сената, после его открытия 29 января 1919 г., принесли присягу на верность государству и законам сам Колчак и его министры².

Более того, при Колчаке деятельность демократических судов присяжных впервые была распространена на Восточную Сибирь и Дальний Восток³. При этом, в соответствии с законом Временного правительства от 25 сентября 1917 г., для присяжных отменялся имущественный ценз (сохранялся лишь ценз грамотности)⁴. Ранее как адвокатура, так и разделение суда и предварительного следствия распространялись только

¹ Положение об открытии в г. Омске временных присутствий первого и кассационного департаментов Правительствующего Сената, 24 декабря 1918 г. // Правительственный вестник. 1919. 3 января; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 88–91.

² Сибирская жизнь. 1919. 1 февраля.

³ Постановление Совета министров о введении учреждений суда присяжных заседателей в губерниях Енисейской и Иркутской, областях Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской и Сахалинской и в полосе отчуждения КВЖД, 10 января 1919 г. // Правительственный вестник. 1919. 30 января; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 2. С. 100–103.

⁴ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 14. Д. 245. Л. 42 об.

на суды общих инстанций (окружные суды и судебные палаты), не затрагивая низшие — мировые и волостные суды; теперь должность следователя вводилась и для мировых судов, а адвокаты допускались во все суды, включая волостные¹. Было разработано положение о судебном устройстве в «киргизских» (казахских) областях, с казахским делопроизводственным языком (с переводом на русский для Сената)². Также было разработано Положение об улучшении по судебной части в Урянхайском крае (Туве), «в целях вызвать у жителей Урянхайского края, находящегося под протекторатом России и оспариваемого Китаем, прочные симпатии к Российскому государству»³.

Особый порядок в чрезвычайных условиях Гражданской войны действовал лишь при расследовании дел, связанных с большевизмом. Подробно мы рассмотрим его в следующей главе, посвящённой «белому террору».

Большим делом стала реорганизация **милиции** под руководством директора Департамента милиции, а затем министра внутренних дел, видного кадетского лидера В.Н. Пепеляева. О милиции, доставшейся по наследству от правительства А.Ф. Керенского и демократического Сибирского правительства, Пепеляев выразился так: «Революционная милиция представляет собой такую язву, от одного произнесения имени которой порядочные люди приходят в содрогание. Перед этой язвой поблёкли и стали пустяками недостатки царской полиции»⁴. Не боясь обвинений в «реакционности», Колчак и Пепеляев стали привлекать на службу в милицию старые полицейские кадры «в первую голову», как профессионалов своего дела, независимо от их политических убеждений⁵. В итоге, по воспоминаниям одного из министров, «в несколько месяцев милиция настолько укрепилась, что представляла из себя до-

¹ Там же. Л. 47 об., 51.

² Там же. Л. 43—43 об.

³ Там же. Л. 43 об.

⁴ ГАНУ. Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.

⁵ Сибирская речь. 1918. 29 декабря.

статочно стойкую силу»¹. В её рядах начала проводиться чистка. В частности, за хищения был арестован начальник столичной омской милиции Суходольский, за пьянство и произвол предан суду начальник новониколаевской уездной милиции, арестован начальник тобольского ОМОНа. В порядке централизации управления, ещё до колчаковского переворота (в октябре 1918 г.) милиция была передана из ведения земств и городов в МВД².

Соответственно, к службе в контрразведке и государственной охране стали привлекаться бывшие офицеры жандармского корпуса. При Колчаке была возрождена (в марте 1919 г.) *профессиональная политическая полиция*, неразумно уничтоженная в своё время Временным правительством — **государственная охрана**, положение о которой было разработано под руководством того же В.Н. Пепеляева³. Управляющий Особым отделом государственной охраны (в составе Департамента милиции МВД) и 8 из 11 начальников её региональных управлений, биографические сведения о которых удалось разыскать, были жандармскими офицерами с большим опытом службы в чинах от ротмистра до генерал-майора⁴.

По сравнению с милицией, государственная охрана пользовалась высокими отзывами⁵, хотя её развертывание так и не было завершено в полном объёме. При этом штаты её были значительно увеличены по сравнению с дореволюционным жандармским корпусом, имевшим свои управления лишь в губерниях (в связи с чем кадров для борьбы с революционным движением катастрофически не хватало, да и количество общей полиции на душу населения было в авторитарной Рос-

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 294.

² ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 5. Д. 41. Л. 3–3 об.

³ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Л. 160; Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака. С. 86; ГАНО. Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 107.

⁴ Подробнее см.: Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015. С. 110–117, 282–283.

⁵ ГАРФ. Ф. р-5913. Оп. 1. Д. 262. Л. 165 об.

сийской Империи *вдвое* меньшим, чем в демократической Франции). Управления и отделения государственной охраны создавались не только в губерниях, но и в уездах и отдельных городах (равно как и большевиками была развёрнута соответствующая разветвлённая сеть органов ЧК).

Проведённые меры обеспечили высокую отдачу. В результате них ядро большевистского подполья в Омске и других крупных центрах Сибири и Урала было уничтожено в ходе блестящей спецоперации колчаковской контрразведки и государственной охраны в апреле 1919 г.¹

Активное привлечение А.В. Колчаком на службу лучших профессионалов «царского режима» как в сфере гражданского управления (так, бывший петроковский губернатор Ячевский стал товарищем министра внутренних дел, бывший томский губернатор Гран — начальником Главного тюремного управления, бывшие камергеры императорского двора князь Куракин и Шелашников — сенаторами)², так и — в особенности — в правоохранительные органы, воссоздание профессиональной политической полиции выгодно отличают его как прагматика от А.И. Деникина, подверженного либеральным комплексам и боявшегося принимать на службу «царских» администраторов, полицейских и жандармов. Вообще, организации тыла колчаковское правительство уделяло несравненно большее внимание, понимая, что от этого во многом зависит победа на фронте.

Да, конечно, военная диктатура Колчака (как и Деникина) создавала определённый «перекос» влияния в сторону военных властей по сравнению с гражданскими (хотя в одном из своих циркуляров Колчак и отмечал, что «в пределах нормальной жизни военные начальники не должны вмешиваться в деятельность гражданских властей и в сферу их компетенций»)³,

¹ Подробнее см.: *Кирмель Н.С., Хандорин В.Г.* Карающий меч адмирала Колчака. С. 160–161.

² *Хандорин В.Г.* Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2007. С. 179.

³ Заря. 1918. 28 декабря.

но в условиях Гражданской войны это было в общем-то довольно естественным.

Особое внимание в обстановке Гражданской войны уделялось устройству **армии**. Был восстановлен официальный дореволюционный принцип: «армия вне политики», характерный для большинства стран мира. Один из первых приказов Колчака по армии от 21 ноября 1918 г. запрещал в войсках политическую деятельность и «взаимную партийную борьбу»¹; военнослужащим запрещались участие в политических партиях, собраниях и манифестациях, работа в периодической печати (за исключением военных изданий с ведома и разрешения начальства). Правда, в условиях Гражданской войны эти меры выглядели несколько противоречиво, если учесть, что именно офицерство стало не только ударной, но и организующей силой Белого движения, и сами вожди этого движения во главе с А.В. Колчаком и А.И. Деникиным были военными. Параллельно в гарнизонах создавались отделы внешкольного образования и воспитания солдат² (до революции этот процесс сводился к примитивным занятиям «словесностью», проводившимся малограмотными унтер-офицерами). Правда, систематического оформления это дело так и не успело обрести.

При общей мобилизационной системе материально поощрялось добровольное вступление в армию: семьям добровольцев выплачивали пособия (равно как и вдовам и сиротам погибших на фронте), а сами они получали усиленное довольствие на 50% выше по сравнению с мобилизованными и даже пользовались правом выбора воинской части, в которую шли служить (последнее, впрочем, показало себя ошибочной мерой, т. к. многие желавшие избежать фронта обыватели, пользуясь таким правом, записывались в добровольцы с це-

¹ Цит. по: Заря. 1918. 27 ноября.

² Подробнее см.: Луков Е.В., Шевелёв Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 — январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 72–73.

лью пристроиться к тыловой интендантской или обозной части).

При Колчаке укрепились общее устройство армии, мобилизационный аппарат и дисциплина. Это позволило провести в декабре 1918 г. классическую по своему исполнению операцию по взятию Перми, а в ходе весеннего наступления в марте–апреле 1919 г. продвинуться на 600 км на запад в направлении на Волгу, взять Уфу, Ижевск и другие города.

Относительно слабым местом колчаковской армии, по сравнению с деникинской, была нехватка офицеров: в разгар побед весной 1919 года на всю 350-тысячную армию приходилось около 18 тыс. офицеров, из них кадровых (то есть окончивших военные училища ещё до Первой мировой войны) — всего немногим более 1 тыс. Некомплект офицеров достигал 10 тыс. чел. Это касается и недостатков высшего командования колчаковской армии (не считая таких прославленных военачальников, как В.О. Каппель, А.Н. Пепеляев, А.И. Дутов и др.), при том, что сам Верховный правитель, будучи профессиональным моряком, слабо разбирался в военно-сухопутных вопросах и больше доверял в них своей Ставке. Поэтому успехи и неудачи на колчаковском фронте чередовались в зависимости от того, на чьей стороне был численный и технический перевес. Наиболее боеспособными были части генерала В.О. Каппеля, знаменитая Ижевская дивизия и Воткинская бригада уральских рабочих-добровольцев, штурмовые егерские батальоны (формиовавшиеся при каждой бригаде на фронте), 25-й Екатеринбургский адмирала Колчака полк горных стрелков и некоторые другие. Лучшие из этих частей носили свою специальную форму, подобно «цветным» дивизиям армии Деникина.

Высоким профессиональным уровнем отличалась служба военной разведки в армии А.В. Колчака. Советские чекисты в своих отчётах аттестовали её как «превосходную», а её руководителей — как «людей, одарённых большими организаторскими способностями и талантами», особенно выделяя искусство белогвардейских разведчиков в ра-

диоперехватах и организации железнодорожных диверсий в тылу красных¹.

В последнее время в просоветской публицистике широко распространился миф, будто в Гражданскую войну большинство офицеров воевало в Красной армии против белых якобы «из патриотических соображений», признав советскую власть «подлинно народной», при этом приводятся взятые с потолка цифры и т. п. Это чистейший вымысел. И самое забавное, что в СССР роль офицеров-«военспецов» в формировании Красной армии и в самой Гражданской войне длительное время, наоборот, всячески затушёвывалась: популяризировались либо представители большевистской партии (вроде М.В. Фрунзе и К.Е. Ворошилова), либо «самородки из народа» (типа С.М. Будённого, В.К. Блюхера и В.И. Чапаева). Лишь в позднем СССР, на волне хрущёвской «оттепели» стали отдавать должное и «военспецам» из царских офицеров. В современную же эпоху, учитывая возросшую популярность дворянства и монархии, коммунисты и их сторонники ударились в обратную крайность: стремясь провести преемственность между «лучшими традициями царской России» и советским периодом (хотя после Октября советская власть полностью отказалась от какого-либо правопреимства от старой России и о традициях патриотизма вспомнила лишь к концу 30-х годов, на фоне краха идеи «мировой революции» и провала Коминтерна в борьбе с фашизмом), они теперь, наоборот, пытаются представить дело так, что русское офицерство как патриотический слой общества было в большинстве своём за советскую власть, а не за «ставленников интервентов Антанты».

В реальности всё было с точностью до наоборот. Несостоятельность мифа о белых как «ставленниках Антанты» мы рассмотрели в предыдущих главах. Что касается большевиков, то именно они, с их интернациональными идеями и полным от-

¹ Греков Н.В. Разведывательная служба в армии Колчака // История белой Сибири. Мат-лы III междунар. науч. конференции. Кемерово, 1999. С. 43.

рицаием (в тот период!) патриотизма и национальных традиций, с их беспримерно позорным сепаратным Брестским миром с Германией, отдавшим ей огромные территории страны и обязавшим выплачивать контрибуцию, рассматривались абсолютным большинством патриотов России в то время как предатели и даже как немецкие ставленники (что, справедливости ради скажем, было тоже домыслом). Что же касается численного соотношения офицеров русской армии, служивших у белых и у большевиков, то даже советский исследователь А.Г. Кавтарадзе определял их округлённо как 100 тыс. у белых и 75 тыс. у красных из всех 250 тыс. офицеров (остальные 75 тыс., по его мнению, уклонились от участия в Гражданской войне либо дезертировали из обеих армий). Современный историк С.В. Волков даёт по своим подсчётам следующее соотношение: из примерно 320 тыс. офицеров дореволюционной русской армии около 170 тыс. (более 50%) служили у белых, 50 тыс. (15%) — у красных, 35–40 тыс. всячески уклонялись от участия в Гражданской войне или дезертировали из обеих армий, столько же оказались в армиях бывших национальных окраин России (в основном Польши), 20 тыс. были истреблены, не успев принять участия в Гражданской войне, и 5 тыс. сразу эмигрировали либо не вернулись из-за границы, где служили во время Первой мировой войны в бригадах русского экспедиционного корпуса во Франции и Салониках¹. О конкретных цифрах можно спорить, но обратного (о якобы численном превосходстве «красных» офицеров над белыми) *никто* из профессиональных историков не утверждает. Иначе у красных не было бы, несмотря на весь их мобилизационный аппарат, такого катастрофического дефицита командных кадров, что дивизиями и корпусами зачастую командовали вчерашние солдаты и унтер-офицеры.

При этом среди белых офицеров был высокий процент *добровольцев* (а это гораздо более сильная мотивация), среди

¹ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 293, 317; *Его же*. Почему РФ — ещё не Россия. М., 2010. С. 204–205.

красных же «военспецов» таковых были единицы (в большинстве своём карьеристы вроде М.Н. Тухачевского, использовавшие возможность сделать стремительную карьеру именно благодаря острому дефициту профессиональных командных кадров у красных), подавляющее большинство служили по мобилизации, при этом достаточно частыми были случаи перехода их на сторону белых. И это понятно: тогдашние идеи и конкретные действия большевиков, разрушавших историческую Россию и разжигавших социальную рознь («классовую борьбу») во имя химеры «мировой коммунистической революции» (при этом в числе прочих натравливали и солдат на офицеров ещё при Временном правительстве, целенаправленно разваливая армию ради захвата власти), были абсолютно чужды менталитету, настроениям и традициям русского офицерства.

В условиях войны мобилизационные меры постепенно распространялись и на гражданских служащих. 8 июля 1919 г. Совет министров издал постановление «О призыве к отбыванию всеобщей гражданской трудовой повинности служащих в правительственных учреждениях», запрещавшее чиновникам до окончания войны увольняться и переходить на частную службу¹.

Мы уже говорили в предыдущих главах о полной несостоятельности распространённых мнений о якобы «политической наивности» А.В. Колчака, на самом деле, в частности, вполне усвоившего тактику сочетания диктатуры с внешними демократическими декларациями, и о якобы отсутствии единства в Белом движении разных регионов (при том, что и А.И. Деникин на Юге, и Н.Н. Юденич на Северо-Западе, и Е.К. Миллер на Севере безоговорочно признали власть Верховного правителя и вносили на его рассмотрение и утверждение все важнейшие политические вопросы).

В эмиграции и в среде сочувствующих Белому движению современников распространено мнение, будто лишь барон П.Н. Врангель первым из белых вождей поставил вопрос

¹ Правительственный вестник. 1919. 25 июля.

о первоочерёдности (прежде возрождения «единой и неделимой» России) создать «хотя бы на клочке Русской земли» такие условия, которые показали бы народу лучший уровень жизни, чем при большевиках. Это не так, о чём свидетельствует телеграмма А.В. Колчака всё тому же британскому военному министру У. Черчиллю от 16 сентября 1919 г.: «В случае, если бы борьба затянулась на предстоящую зиму, перед нами встанет, кроме военного дела, ещё и другая трудная и важнейшая, по моему убеждению, задача — создать такие условия жизни в освобождённых уже частях России, которые удовлетворили бы острые экономические нужды населения и дали ему облегчение в переживаемых испытаниях»¹. Характерно, что за полтора месяца до катастрофы на фронте адмирал, видимо, окрылённый успехами А.И. Деникина на юге, был не просто уверен в победе, но полагал, что она может произойти до зимы, и лишь на случай её «затягивания» планировал перейти к крупным мероприятиям социально-экономического характера. Таким образом, в данном случае можно говорить лишь о *запаздывании* верных идей и решений, но не об их отсутствии.

По сути, политика правительства А.В. Колчака вполне перекликалась с известной резолюцией кадетского ЦК, принятой в июле 1919 г. в Екатеринодаре: «Революцию надо преодолеть, взяв у неё достижимые цели и сломив её утопизм, демагогию, бунтарство и анархию»².

Вопреки утверждениям советской пропаганды о «реакционности» культурно-просветительной политики белых, правительство А.В. Колчака тратило в тяжёлое военное время *излишне* много на **образование** и науку, в ущерб актуальной в условиях Гражданской войны агитационно-пропагандистской работе³. При Колчаке был основан Институт исследования Сибири в Томске (закрытый большевиками в 1920 г.), организова-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 330. Л. 61–61 об.

² Цит. по: Сибирская речь. 1919. 18 сентября.

³ Подробнее: *Рышков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России... С. 413–414.

на научно-исследовательская экспедиция в устье Оби¹, расходовались большие средства на развитие Томского, Пермского и Иркутского университетов, Томского технологического института, сети школ как для русских детей, так и для национальных меньшинств, педагогических курсов для преподавателей². Были организованы одни из первых в России курсы по дошкольному воспитанию детей. Поощрялось скаутское движение среди юношества и подростков.

И наоборот, **пропаганде** уделялось недостаточно внимания и средств, по сравнению с тем, как было поставлено это дело у большевиков, раньше всех остальных уловивших всё значение информационной войны в новых исторических условиях. Как справедливо отмечал капитан первого ранга Лодыженский в своём докладе управляющему делами правительства Колчака

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 17. Л. 39; Постановление Совета министров об отпуске кредита министру народного просвещения на 40 тыс. руб. на организацию съезда по учреждению Института исследования Сибири, 13 декабря 1918 г. // Правительственный вестник. 1919. 12 января; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 109–110; Постановление Совета министров об отпуске Министерству народного просвещения на расходы по внешкольному образованию 600 тыс. руб., 16 декабря 1918 г. // Правительственный вестник. 1919. 12 января; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 113; Постановление Совета министров об учреждении Дирекции маяков и лоции Северного морского пути и отдельного Обь-Енисейского гидрографического отряда, 24 декабря 1918 г. // Правительственный вестник. 1919. 26 января; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 2. С. 77–78; Приветствие Верховного правителя адмирала А.В. Колчака съезду по организации Института исследования Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Ч. 5. С. 1 и др.

² Подробнее: *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России... С. 362–397.

Г.Г. Тельбергу: «Значение пропаганды у нас недооценивается и в полной мере необходимость её не сознаётся... Солдаты в гражданской войне не могут стойко сражаться, если, не внушая им необходимость борьбы, полезность её для их будущего существования, их будут, как раньше, только сгонять в казармы, обучать и отправлять на фронт»¹.

При этом специфика Гражданской войны заключалась в том, что необходимо было вести пропаганду не только среди солдат и населения на своей территории, но и на территории противника, и за границей среди союзных держав для формирования общественного мнения. И хотя была создана система органов, отвечавших за пропаганду, работа их была недостаточной. Отчасти вредило делу отсутствие единства, разделение пропагандистских органов на военные во главе с Осведверхом (Осведомительным отделом Штаба Верховного главнокомандующего) и гражданские во главе с Русским бюро печати; хотя их работу было призвано координировать межведомственное Совещание по делам печати при Совете министров, в реальности оно контролировало лишь гражданские информационные службы. Недостаток средств на пропаганду и агитацию, отсутствие профессиональных агитаторов, малопонятный простому народу «интеллигентский» язык листовок и прокламаций (как писал один из агентов Осведверха, «вся агитационная литература, как составленная литературным языком, крестьянами усваивается очень плохо»)² сказывались постоянно. В одном из отчётов Русского бюро печати прямо признавалось: «Красные превосходят нас в приспособленности ко вкусам и настроениям масс»³. Эффективность пропаганды и элементарной информационно-осведомительной работы среди населения оставалась низкой. Основная масса народа была политически отсталой и плохо понимала цели Гражданской войны; иные солдаты толком не знали, за какую власть воюют. Хре-

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 30–34.

² Там же. Л. 54–55.

³ ГАРФ. Ф. р-952. Оп. 1. Д. 509. Л. 3 об.

стоматийной стала фраза из перехваченного военной цензурой письма новобранца домой в деревню: «Сегодня приезжал на фронт какой-то *англицкий* адмирал *Кильчак*, видно, из новых *орателей*, и раздавал папиросы»¹.

Значительно большее внимание информационной и пропагандистской работе среди населения стало уделяться с началом военных поражений летом 1919 г. Был вдвое увеличен суммарный ежедневный тираж рассылавшихся на фронт агитационных брошюр, листовок и плакатов. В Томске даже были открыты курсы военных информаторов, готовивших профессиональных агитаторов в войсках; для фронтовиков устраивались выездные концерты артистов (приём, который впоследствии широко использовал И.В. Сталин в годы Великой Отечественной войны). Но это были запоздалые меры². В целом слабость пропаганды стала одной из основных причин поражения белых армий.

Социальную базу режима Верховного правителя составляли предпринимательские круги (буржуазия), офицерство, казачество Оренбургского, Уральского, Сибирского, Забайкальского и более мелких казачьих войск, малочисленное в восточных регионах страны дворянство, чиновничество, консервативно-патриотическая и либеральная интеллигенция (идейно сомкнувшиеся в этот период на платформе либерального консерватизма и великодержавного патриотизма под эгидой партии кадетов), духовенство, наиболее зажиточные слои коренного сибирского крестьянства, не знавшие помещиков и обладавшие большим количеством земли (в среднем больше даже, чем донские и кубанские казаки)³, уральские рабочие, постра-

¹ Цит. по: Мельгунов С.П. Указ. соч. Кн. 1. С. 66.

² Подробнее об организации пропаганды при А.В. Колчаке см.: Луков Е.В., Шевелёв Д.Н. Указ. соч.

³ Земельные владения крестьян в Сибири ограничивались 15 десятинами на 1 жителя мужского пола, так что даже советские историки признавали, что 60% сибирских крестьян можно было признать зажиточными (Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской вой-

давшие от большевистской уравниловки, беженцы из-за Волги от большевиков. Ударную роль, как и на деникинском Юге, играли офицерство и казачество. Против были настроены железнодорожные рабочие, крестьяне-«новосёлы» (столыпинские переселенцы), завидовавшие коренным богатым «старожилам», развращённые «армейской демократией» солдаты 1917 года, демократические круги интеллигенции в лице партий эсеров и меньшевиков, имевших влияние в земствах, кооперативах и профсоюзах. Богатый материал о настроениях тех и других дают многочисленные донесения местных властей, сводки органов контрразведки и государственной охраны. Основная масса крестьянства оставалась инертной. Крестьяне были недовольны взиманием податей, которые деревня фактически перестала платить в период революционного хаоса 1917—1918 гг., и мобилизациями на войну, смысл которой основная масса рядового населения Сибири плохо понимала. Ряд мемуаристов справедливо отмечали, что Гражданская война на востоке страны, будучи ускорена восстанием чехов, началась здесь *преждевременно*, когда население ещё не успело почувствовать на себе всю тяжесть большевистского владычества. Не случайно с началом отступления армий Колчака первыми стали разлагаться части, состоявшие из сибиряков, и наоборот, наиболее упорными оказались части из волжан и уральцев, успевших более основательно хлебнуть на собственной шкуре «прелестей» большевистской власти.

Таким образом, с одной стороны, власть Колчака сложилась на более социально благоприятной почве, чем, например, власть А.И. Деникина на Юге, где была гораздо более острая

не в России. М., 1968. С. 145). В то время как донские казаки имели в среднем по 14 десятин земли на человека, кубанские — всего по 8. Это особенно контрастирует с казаками Сибирского и Забайкальского войск, имевших в среднем по 32 десятины на душу населения (Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым европейским государствам. СПб., 1906. Вып. 1. С. 27).

социальная поляризация населения, особенно между помещиками и крестьянами и между предпринимателями и рабочими; к тому же здешнее казачество не страдало, в отличие от донского и особенно кубанского казачества на Юге, автономистскими амбициями. И это признавали лидеры антисоветского Национального центра, говоря, что «армия адмирала Колчака, зародившаяся на крепкой почве Сибири, среди однородного по составу и здорового по духу сибирского населения... поставлена в лучшие условия борьбы, чем армия Юга, стеснённая в своём движении местными сепаратистскими течениями»¹.

Кроме того, территориальное положение белых на Востоке было более стабильным, чем на Юге, где территория, занимаемая белыми, сначала стремительно расширялась, а затем так же резко сужалась, и в результате так и не сложился полноценный государственный и военный аппарат управления (и это, между прочим, было причиной большей численности армии Колчака по сравнению с деникинской, при том, что Деникин занимал более густонаселённые территории — нормальный мобилизационный аппарат в его армии так и не был сформирован). На Востоке у Колчака он сложился, и это признавали сами красные: так, председатель Сибирского ревкома, член Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнов доносил В.И. Ленину, что «в Сибири контрреволюция сложилась в *правильно организованное государство* (выделено мною. — В. Х.) с большой армией и мощным разветвлённым госаппаратом»². Всё это опрокидывает расхожие утверждения о «гнилости» государственного организма белых и о «политической бездарности» Колчака. Не надо проводить ложные параллели между бессильным Временным правительством Керенского и белогвардейской диктатурой.

С другой стороны, как уже говорилось, основная масса сибирского населения плохо понимала смысл войны, поэтому с

¹ Цит. по: Сибирская речь. 1919. 2 августа.

² Сибирская Вандея: сборник документов / Под ред. В.И. Шишкина. М., 2000. Т. 1. С. 613.

наступлением военных неудач начали развиваться дезертирство и партизанское движение в тылу. Кроме того, в армии Деникина был более высокий процент кадрового офицерства, что делало её более боеспособной.

Вне всякого сомнения, формировавшийся на ходу аппарат власти белых был далёк от совершенства. Бюрократические учреждения, прежде всего центральные, создававшиеся при А.В. Колчаке под всероссийские нужды, были непомерно раздутыми, и это отмечали современники и пресса. Лишь осенью 1919 г., в обстановке начавшихся военных поражений, аппарат был сокращён почти на 40% для высвобождения сил на фронт¹. Как писал с горечью в своём дневнике видный кадет Н.В. Устрялов о «белом» Омске: «На каждом шагу — или бывшие люди царских времён, или падучие знаменитости революционной эпохи... Увы, это не новая Россия, это не будущее. Это отживший старый мир, и не ему торжествовать победу. Грустно... Нужно побывать в обеденные часы в зале ресторана “Россия”, чтобы почувствовать это живо и осязательно»².

Серьёзную борьбу вела колчаковская власть с **коррупцией**, ставшей подлинным бичом белого тыла. За взяточничество, хищения и вымогательства были расстреляны ряд интендантских чиновников, арестованы начальник Омской уголовной милиции Суходольский, двое уполномоченных Министерства продовольствия и снабжения, начальник Томской губернской тюрьмы, возбуждено следствие в отношении министра продовольствия и снабжения Зефирова и главного начальника военных сообщений генерала Касаткина. Известны и отдельные случаи борьбы с произволом на местах: так, широкую огласку в прессе получили предание суду офицера, самовольно расстрелявшего бывшего председателя ревтрибунала в Бийске, расстрел по приговору военного суда поручика карательного от-

¹ Сибирская речь. 1919. 16 сентября; ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 7. Л. 13–14; Гинс Г.К. Указ. соч. С. 401.

² Устрялов Н.В. Былое: революция 1917 года. Воспоминания и дневниковые записи. М., 2000. С. 235.

ряда Нелюбина, в пьяном виде расстрелявшего нескольких крестьян-подводчиков «за медленную езду», и т. д. К сожалению, в большинстве случаев подобные преступления оставались нераскрытыми либо доходили до суда крайне медленно (в отличие от дел о большевиках и других врагах режима). Кроме того, при относительном — по сравнению с красными — материальном благополучии белого тыла его моральный дух оставлял желать много лучшего: сама белогвардейская пресса обличала факты процветавшего в буржуазной и просто обывательской среде махрового эгоизма, скудных денежных пожертвований имущих классов в пользу армии на фоне гомерических кутежей в тыловых ресторанах, казино и кабаре (некоторые сравнивали даже нравы белого Омска с Римом эпохи упадка империи). Во многом это было следствием того, что белые вожди, будучи людьми военными, уделяли недостаточно внимания тылу по сравнению с армией.

Тем не менее очевидцы, которым было что сравнивать, свидетельствовали, что порядка в тылу А.В. Колчака в целом было больше, чем в тылу А.И. Деникина. При всём уважении к генералу А.И. Деникину как к выдающемуся полководцу и патриоту, они отмечали, в частности, что у Колчака лучше организованы хозяйственная жизнь и транспорт, чем у Деникина (хотя и у Колчака они оставляли желать лучшего)¹.

Произвол на местах был общим бичом Гражданской войны у всех воюющих сторон, о фактах злоупотреблений сохранилась масса свидетельств, и это было естественно — власть в разных регионах страны то и дело менялась, к тому же и советская, и белогвардейская власть находились ещё в стадии становления.

Преувеличивают поклонники советской власти и размеры казачьей «атаманщины», якобы полностью независимой от Колчака. Уже в мае 1919 г. наиболее крупный её представитель — мятежный забайкальский атаман Г.М. Семёнов, по-

¹ Интервью делегатов «Национального центра» газете «Сибирская жизнь». 1919. 5 августа.

началу отказавшийся признавать власть А.В. Колчака, заявил, что был «введён в заблуждение» и признал власть Верховного правителя, а после отмены приказа о его аресте верноподданно телеграфировал адмиралу: «Получив сегодня, 27 мая, по телеграфу приказ №176 (снимавший с Семёнова обвинения. — В. Х.), счастлив донести Вашему Высокопревосходительству, что Ваше справедливое решение ликвидировало последние шероховатости общегосударственной работы по воссозданию великой, единой и неделимой России. Всецело и безусловно признавая и подчиняясь Российскому правительству, возглавляемому Вами как Верховным Правителем, доношу, что я и вверенные мне войска с прежним пылом горячей и беззаветной любви к Родине будем продолжать своё бескорыстное служение ей под руководством и начальствованием нашего Верховного Главнокомандующего»¹. Другие атаманы с самого начала признали его власть. Другое дело, что в условиях огромной протяжённости территории и только формировавшегося ещё аппарата власти реальный контроль над окраинами был затруднён, что позволяло наиболее беззастенчивым из атаманов (таким, как тот же Семёнов, Анненков, Калмыков) творить произвол.

Не менее распространён и миф о том, будто бы в критические месяцы после падения Омска и крушения фронта «даже ближайшее окружение бросило Колчака, включая его конвой». На самом деле, когда в декабре 1919 г. контролировавшие большую часть Транссибирской железной дороги чехи (пользуясь этим, пустившие вперёд всех при эвакуации свои эшелоны и создавшие пробку на магистрали, вынудив русские белые части отступать пешком в жестокие морозы) отказались под предлогом «технической невозможности» пропускать дальше застрявший в пробке эшелон Верховного правителя и предложили ему перейти в один из вагонов при их эшелоне (что сыграло потом роковую роль в его судьбе), адмирал, предвидя возможность такого исхода, обдумывал мысль пробиться

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 165. Л. 72.

со своим конвоем, состоявшим из 60 офицеров и 500 солдат, в Монголию. Он вызвал солдат конвоя на откровенный разговор, но при этом *сам* предоставил им свободу выбора, и только после этого они покинули его. Офицеры остались, но высказали мнение, что безопаснее уходить поодиночке, а адмиралу принять предложение чехов. По описанию очевидца этой сцены генерала М.И. Занкевича, на вопрос Колчака: «Что же, вы бросаете меня?» — старший офицер ответил: «Никак нет, Ваше Высокопревосходительство, если Вы прикажете, мы пойдём»¹. Но после этого адмирал, поняв, что они не верят в успех, сам распустил их.

Что же касается командовавшего остатками колчаковской армии генерала В.О. Каппеля, а после его смерти — генерала С.Н. Войцеховского, то они всемерно стремились содействовать освобождению адмирала, выданного чехами повстанцам в Иркутске с санкции французского генерала Жанена. Известно, что Каппель вызвал по телеграфу на дуэль чешского командующего генерала Я. Сырового, а сменивший его Войцеховский, подходя к Иркутску, предъявил большевикам ультиматум об освобождении Колчака (хотя, справедливости ради, это лишь ускорило его конец).

Современные апологеты советской власти любят утверждать, якобы Колчак настолько настроил против себя население Сибири, что его режим пал не в результате военных поражений, а был сокрушён партизанами, то есть «простыми сибирскими крестьянами». Это абсолютная ложь. До осени 1919 года, пока фронт оставался относительно стабильным, численность партизанских отрядов в тылу Колчака была крайне незначительной и даже летом, когда начались военные неудачи, ещё не превышала 20 тыс. чел., а их очаги были немногочисленными и локальными (наиболее крупный — на юге Енисейской губернии под предводительством известного своей жестокостью

¹ Занкевич М.И. Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске // Белое дело. Берлин, 1927. Т. 2. С. 152.

П. Щетинкина). И лишь после крушения фронта поздней осенью 1919 года, когда Белая армия была опрокинута и, распадаясь, неудержимо покатила назад под ударами подавляющего численного и технического превосходства Красной армии, в обстановке агонии белой власти тыловая партизанщина стала стремительно разрастаться и к зиме достигла в Сибири максимальной численности порядка 140 тыс. чел.¹ (и это даже по данным советских историков).

Во-вторых, лживо само утверждение, будто бы партизанские отряды состояли из «сытых и зажиточных сибирских крестьян, доведённых до озлобления произволом колчаковской военщины и её неумением расположить к себе народ». Основную горючую массу населения в Сибири составляли, как уже говорилось, не действительно зажиточные коренные сибирские крестьяне-«старожилы», а столыпинские переселенцы-«новосёлы», несмотря на все старания ещё царской власти обеспечить их землёй настроенные в своей массе оппозиционно и в первую очередь завидовавшие богатству «старожилов», мечтавшие поделить их земли. Сюда же следует добавить часть солдатской массы старого призыва, развращённой вольницей и анархией времён Керенского, составлявшую большинство дезертиров, являвшихся, как правило, наиболее активными участниками тыловых партизанских отрядов, поскольку вынуждены были скрываться от кары за дезертирство. Наконец, это значительная часть рабочих, прежде всего железнодорожников, испытавших в 1917 году наибольшее воздействие большевистской пропаганды. И напротив, более квалифицированные и высокооплачиваемые, кадровые уральские рабочие оборонных заводов, пострадавшие от большевистской уравниловки, составили ядро антибольшевистского Ижевско-Воткинского восстания, участники которого, продержавшись против большевиков три месяца — с августа по ноябрь 1918 года, затем влились в состав армии А.В. Колчака. Более того, именно они,

¹ Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920). Документы и материалы. Новосибирск, 1959.

уральские *рабочие*, составили в колчаковской армии знаменитые Ижевскую дивизию и Воткинскую бригаду, прославившиеся исключительной стойкостью в войне с красными, а Ижевская дивизия под командованием генерала В.М. Молчанова даже была награждена Верховным правителем за выдающиеся подвиги Георгиевским знаменем. Об этом, разумеется, как старые, так и современные советские пропагандисты предпочитают стыдливо помалкивать.

Пока армия одерживала победы, авторитет правительства и лично А.В. Колчака был достаточно высоким. Колчак понимал важность налаживания контактов с широкими массами населения в послереволюционной обстановке, в своих частных поездках на фронт и в прифронтовую полосу встречался не только с солдатами и представителями интеллигенции, но и с делегациями рабочих и крестьян. Встречи его с общественностью обставлялись в запоминающейся, торжественной обстановке и широко комментировались в прессе. Вплоть до лета 1919 г. наблюдался общий подъём в войсках и среди имущих и средних слоёв населения. В период победоносного наступления армии весной 1919 г. резко выросли пожертвования на нужды фронта. Ленские золотопромышленники постановили отчислять в пользу армии по тысяче рублей с каждого добытого пуда золота. Омские коммерсанты провели самообложение в пользу армии в размере от 3 до 7% основного капитала; имена уклонившихся вывесили на бирже на позорную «чёрную доску»¹. Были распространены надежды, что к осени армия достигнет Москвы, в связи с чем премьер П.В. Вологодский уже был озабочен предстоящими выборами в Национальное собрание². Надежды были так велики, что в июне 1919 г. лидер Национального центра М.М. Фёдоров писал из Екатеринодара в Омск министру внутренних дел В.Н. Пепеляеву в ответ на просьбу прислать людей: «Людей мы вам не посылаем

¹ Сибирская жизнь. 1919. 2 августа.

² Интервью с П.В. Вологодским // Сибирская жизнь. 1919. 29 апреля.

пока, потому что рассчитываем, что они скорее придут к вам, когда произойдёт соединение армий (Колчака и Деникина. — В. Х.)»¹.

Адмирал Колчак верил в победу и в критические осенние месяцы 1919 года ещё надеялся, что неудачи носят временный характер. В письме жене в Париж 15 октября 1919 г. он писал: «Я знаю одно, что я нанёс большевизму и всем тем, кто предал и продал нашу Родину, тяжкие и, вероятно, смертельные удары. Благословит ли Бог меня довести до конца это дело — не знаю, но начало конца большевиков положено всё-таки мною»².

¹ ГАНО (Государственный архив Новосибирской обл.). Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

² Военно-исторический вестник. Париж, 1960. №16. С. 18.

Глава 6.

«Белый террор» и вопрос о реабилитации

Одним из наиболее обсуждаемых по теме Гражданской войны является вопрос о соотношении красного и белого террора. Излюбленной версией советской пропаганды с давних пор является та, согласно которой красный террор был лишь «ответом на белый террор», поскольку белые якобы развязали Гражданскую войну. На самом деле, чтобы понять причины вспыхнувшей вскоре в России Гражданской войны, надо вспомнить все деяния советской власти в тот период. Это беззастенчивая социальная демагогия, лишение собственности имущих классов (вплоть до выселения их из домов), грубая правовая дискриминация и преследования их, попрание элементарных правовых норм «именем революции», террор по отношению к оппозиции, насилие над культурой и общественными науками, варварские гонения на национальную религию, ломка всех национально-государственных устоев и обычаев. Если проводить исторические аналогии, большевики повторяли якобинцев Французской революции в *политическом* экстремизме и далеко превзошли их в экстремизме *социальном*, перейдя вскоре от уравнительного передела земли к полному уничтожению частной собственности.

Это усугубило хаос в экономике и привело к полной разрухе. Справедливости ради отметим: позднее коммунисты научились *по-своему* созидать — через сверхцентрализацию и жёсткий контроль. Но на том этапе они ещё не умели этого, и большевизм ассоциировался прежде всего с разрушением.

Помимо прочего, революция, развалившая армию, лишила Россию плодов общей союзнической победы в Первой мировой войне, обесценив одержанные победы, титаническое напряжение сил страны и миллионы человеческих жертв, при-

ведя к позорному и унижительному сепаратному Брестскому миру (хотя его кабальные условия были аннулированы в конце 1918 года, после победы союзников в войне, но воспользоваться плодами общей победы Россия уже не могла).

Надежда устранить большевиков от власти *мирным путём* рухнула в январе 1918 года, когда они силой разогнали всенародно избранное Учредительное собрание, в котором не получили большинства. Своим крайним радикализмом и экстремизмом в социальном, политическом, духовном отношениях, своей позорной и провокационной международной политикой большевики вызвали сопротивление самых разных классов и слоёв населения, за исключением наиболее обездоленных. *Дворянство*, утратившее привилегии (а помещики — и лишённые своих земель), *предпринимательский класс*, лишённый собственности, — и те, и другие, подвергавшиеся правовой дискриминации, *офицерство*, униженное травлей 17-го года, лишённое своих боевых наград и званий и не смилившееся с развалом родной армии, *духовенство*, гонимое и преследуемое, *интеллигенция*, возмущённая уничтожением демократических свобод и произволом революционной власти, *казачество*, потерявшее привилегии и теснимое на своих землях «иногородними», *зажиточные слои крестьянства*, у которых под видом «продразвёрстки» отбирали почти весь урожай за смехотворную грошовую и неадекватную «компенсацию» совершенно обесценившимися советскими деньгами, наконец, *все патриоты*, оскорблённые в национальных чувствах унижительным и кабальным сепаратным миром и разрушением национальных святынь, — все эти классы и слои общества поднялись на вооружённую борьбу, поскольку *мирная борьба при новом режиме стала невозможной*.

Певцы «красного ренессанса» не устают твердить: «Колчак — военный преступник, а поэтому никакого увековечения недостойн». Эти заклинания восходят к обвинениям, сформулированным в адрес Верховного правителя допрашивавшей его следственной комиссией. Адмирал обвинялся «в захвате власти вопреки воле народа и в ведении гражданской войны в

целях восстановления дореволюционного режима... в частности: 1) в упразднении всех политических и социальных завоеваний революции, в особенности по отношению к рабочему классу и беднейшему крестьянству; 2) в расхищении прямым и косвенным путями народного достояния; 3) в создании целой системы организованных грабежей, вооружённых разбоев и всякого рода насилий над населением, разгромов и выжиганий целых сёл и деревень; 4) в организации одиночных и групповых убийств политических противников и массового истребления населения»¹.

Здесь лицемерием дышит каждая строчка. Все эти обвинения — за исключением пропагандистского пассажа о «целях восстановления дореволюционного режима» и пункта об «упразднении социальных завоеваний революции» можно было бы с полным основанием применить к самим его судьям. Особенно в отношении террора и уничтожения политических свобод.

Между тем высший судебно-правовой орган России — Правительствующий Сенат ещё до роспуска Учредительного собрания, накануне своего разгона большевиками издал 23 ноября 1917 г. определение общего собрания сенаторов, в котором назвал Октябрьский переворот «мятежом против законной власти», а саму советскую власть — «самочинной организацией, возникновение и способы действий которой вызывают справедливое и глубокое осуждение». Намерение большевиков сломать российскую судебно-правовую систему Сенат квалифицировал как «подрыв основ государственного строя», который «лишает население последней его опоры — законной охраны его личных и имущественных прав». Называя «преступные действия лиц, именующих себя народными комиссарами», «насилием над учреждениями и лицами, стоящими на страже русской государственности», Сенат постановил «не признавать законной силы» за ними².

¹ Процесс над колчаковскими министрами... С. 40.

² РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 341. Оп. 548. Д. 105. Л. 1–2.

Итак, высший судебный орган исторической России в последнем (перед его насильственным роспуском) постановлении прямо квалифицировал советскую власть как **незаконную и преступную**. Вместе с тем власть А.В. Колчака, *тоже* возникшую в результате переворота, Сенат признал законной и возобновил при нём свою деятельность. Можно как угодно рассуждать о причинах такого противоречия, но факт налицо: российские юристы видели продолжателя и правопреемника исторической российской государственности именно в его власти, а отнюдь не в советской власти. (Строго говоря, под власть Колчака внешне была подведена и формальная легитимность: власть ему вручил Совет министров, который после ареста Директории признал её распавшейся и постановил передать власть единоличному Верховному правителю, после чего 13 голосами из 14 избрал на этот пост адмирала¹. Формальный же суд над исполнителями переворота оправдал их действия угрожающими государственности поступками руководства партии эсеров во главе с В.М. Черновым, призывавшим ещё до переворота создавать вооружённые отряды партии. Попытки эсеровского руководства оказать сопротивление перевороту в Екатеринбурге и Уфе были быстро пресечены.) В любом случае формальной легитимности у власти Колчака было больше, чем у советской власти, «узаконенной» 26 октября 1917 г. II Всероссийским съездом самозванных Советов — *неподзаконных* на тот момент общественных организаций, не имевших на это никаких полномочий.

Но если даже мы перечитаем ещё раз обвинения, официально выдвигавшиеся *тогда* против адмирала, то увидим, что это обвинения прежде всего *политические* — и в первую очередь обвинение в вооружённой борьбе с советской властью, а не в каких-то «военных преступлениях», какового термина на тот момент ещё даже *не существовало*.

Более того, поскольку сам Колчак гражданином РСФСР *не*

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 207; Серебренников И.И. Указ. соч. С. 217–218.

являлся и на её территории *не находился ни одной минуты*, то он не может обвиняться в нарушении законов советской власти (к тому же, как мы выяснили, власти, не считавшейся легитимной и не являвшейся таковой).

Что касается «законности» и вообще правового значения приговора Иркутского военно-революционного комитета, расстрелявшего А.В. Колчака 7 февраля 1920 г., здесь вообще всё перевёрнуто наизнанку. Начиная с того, что «приговор» был предрешён личным указанием В.И. Ленина в секретной записке заместителю председателя Реввоенсовета республики (Л.Д. Троцкого) Э.М. Склянскому (на Западе её текст был впервые опубликован составителем издания «Бумаги Троцкого» Д. Мейджером, а впоследствии найден в архиве и сам оригинал. Тексты оригинала и копии совпадают, отсутствует лишь дата). Записка гласила: «Шифром. Склянскому. Пошлите Смирнову (РВС-5) шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Берётесь ли сделать архинадёжно?»¹.

Повторялась история с Царской семьёй: большевистский вождь хотел снять с себя ответственность за казнь без суда перед лицом цивилизованного мира. Было выгоднее изобразить «акт возмездия», так сказать, «инициативой народных масс». Во исполнение распоряжения вождя член Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнов направил Иркутскому ревкому телеграмму, в которой в частности говорилось: «Ввиду... движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения советской власти в Иркутске настоящим приказываю вам: находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, пред-

¹ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 2. Оп. 1. Д. 24362. Л. 1; The Trotsky papers. 1917–1922. Vol. II. P. 30.

седателя Совета министров Пепеляева... с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении донести»¹. Официальное постановление Иркутского ревкома, опубликованное на следующий день в печати, гласило: «Бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров Пепеляева — расстрелять. Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв»². Непосредственные организаторы расстрела (С. Чудновский, А. Ширямов, И. Бурсак) в дальнейшем публиковали свои воспоминания: в те времена это считалось не только не зазорным, но и почётным.

Таким образом, решение о казни было не судебным, а *политическим*, предreshённым по согласованию с высшим советским руководством.

Знаменательно, что решение о расстреле Колчака было вынесено вскоре после официального постановления ВЦИК и Совнаркома об отмене смертной казни от 17 января 1920 года. А Пепеляева даже не успели ни разу допросить.

Поклонники советской власти рьяно возражают: во-первых, на ленинской телеграмме отсутствует дата, следовательно, она могла быть направлена *после* расстрела, а не *до* него, а решение о казни приняли, в строгом соответствии с официальной советской версией, иркутские большевики (а советник ректора МПГУ Е. Спицын, имеющий диплом историка, в своём сравнительно недавнем выступлении по радио «Россия» договорился до того, что «его шлёпнули эсеро-меньшевики», перепутав *арест* Колчака, произведённый 15 января 1920 г. эсеровско-меньшевицким Политцентром, захватившим власть в Иркутске 4 января, с его *расстрелом*, произведённым 7 февраля уже при власти большевицкого Иркутского ревкома, отобравшего власть у Политцентра уже

¹ *Шишкин В.И.* Расстрел адмирала Колчака // Гуманитарные науки в Сибири (Новосибирск). Серия: Отечественная история. 1998. №2. С. 80.

² Известия Иркутского ВРК. 1920. 8 февраля.

23 января). Но тогда зачем, спрашивается, оговорки о необходимости «разъяснить, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске»? Тем более что никакой реальной «угрозы Каппеля» не было: у каппелевцев было значительно меньше войск, чем у советского гарнизона Иркутска, и не было сил взять город. И почему в таком случае постановление было вынесено не непосредственно ревкомом, а после категоричного приказа члена Реввоенсовета 5-й армии (которому и была адресована ленинская телеграмма, переданная через Склянского)?

Во-вторых, утверждают защитники большевиков, ревком действовал в пределах своих полномочий, предоставленных ему по советским законам в чрезвычайных обстоятельствах. Это действительно так, но зачем тогда рассказывать сказки о «судебном решении», когда суда не было и даже формальное следствие не было закончено?

В-третьих, они цепляются за то, что Колчак и его правительство ещё в августе 1919 г. были объявлены советским правительством *вне закона* (и это действительно так), а значит, постановление об отмене смертной казни на них не распространялось. Сама практика объявления «вне закона», заимствованная большевиками из арсенала Французской революции, была уже задним числом юридически предусмотрена в ст. 25 «Руководящих начал по уголовному праву» РСФСР, изданных 12 декабря 1919 г. (этот сюжет, как и ряд других, касающихся расстрела А.В. Колчака, подробнее рассматривается в недавно вышедшей книге В.Ж. Цветкова, к которой и отсылаю всех интересующихся)¹. Но тогда зачем вообще проводилось какое-то формальное следствие, если объявленный вне закона может быть казнён непосредственно после установления его личности? Словом, они сами запутались в противоречиях.

Характерно, что даже непосредственные руководители

¹ Цветков В.Ж. Адмирал Колчак: «преступление и наказание» Верховного правителя России. М., 2018. С. 34.

расстрела (С. Чудновский, И. Бурсак) в своих воспоминаниях признавали, что адмирал встретил смерть с солдатским мужеством, сохранив достоинство и перед лицом смерти¹.

Но главное: ни о каких «военных преступлениях против мира и человечности», о которых лепечут современные суды, отказывая А.В. Колчаку в формальной реабилитации, *речи не шло*. Установленные ранее Гаагской конвенцией 1907 г. законы и обычаи ведения войны (включая обращение с военнопленными, с мирным населением и т. д.) — кстати, первыми их нарушила Германия уже в ходе Первой мировой войны — касались только *международных*, межгосударственных войн и ничего не говорили о войнах гражданских: в их отношении никаких норм международного права просто не существовало. Казни заложников-военнопленных были формально запрещены лишь Женевской конвенцией 1929 г. Термин же «военные преступления» стал применяться лишь после Нюрнбергского процесса 1945—1946 гг. над главарями Третьего рейха.

Репрессивное законодательство Колчака — как и всё остальное законодательство его правительства — опиралось на аналогичное законодательство дореволюционной России, начиная с «Положения об усиленной и чрезвычайной охране» 1881 г. Практически все чрезвычайные меры против повстанцев и партизан, санкционированные А.В. Колчаком и его правительством в *чрезвычайной* обстановке бунтов, повторяли аналогичные меры правительства П.А. Столыпина (с карательными отрядами, военно-полевыми судами и проч.) против революционеров в 1906—1907 гг. Соответственно, повстанцы и партизаны рассматривались не как «комбатанты» неприятельской державы в соответствии с правилами Гаагской конвенции (которых, например, запрещалось заставлять воевать против своего отечества), с соответствующими правами при взятии в плен и т. д., а как бунтовщики и преступни-

¹ Чудновский С.Г. Конец Колчака // Годы огневые, годы боевые. Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961; Бурсак И.Н. Конец белого адмирала // А.В. Колчак. Последние дни жизни. С. 294.

ки. Аналогично (и даже хуже) относились к своим противникам и красные.

Теперь о самом «белом терроре». Как уже говорилось, при Колчаке существовал особый порядок при расследовании дел, связанных с большевизмом. Для них в каждом судебном округе назначался особоуполномоченный МВД, с последующим направлением дел в окружную следственную комиссию при окружном суде; председатель каждой такой комиссии (на правах вице-губернатора) назначался МВД, а члены — 3 от Министерства юстиции и 1 штаб-офицер по назначению начальника гарнизона¹.

Другое дело, что в условиях Гражданской войны восстановление судебной системы не было закончено. Особую роль играли военно-полевые и военно-окружные суды, выносившие скорые смертные приговоры; к их ведению относились дела о тяжких государственных преступлениях. Был восстановлен и дореволюционный внесудебный институт административной ссылки². В целом законодательство ужесточилось, что было вызвано чрезвычайными обстоятельствами Гражданской войны. 4 апреля 1919 г. было принято специальное «Положение о лицах, опасных для государственного порядка вследствие прикосновенности их к бунту, начавшемуся в октябре 1917 года»³. Дополнения к статьям 99 и 100 дореволюционного Уголовного уложения, принятые в декабре 1918 г., предусматривали наказание вплоть до смертной казни за «воспрепятствование к осуществлению власти»; при желании эту растяжимую формулировку можно было трактовать очень широко, чем часто пользовались военно-полевые суды. Вводилась смертная казнь за покушение на насильственный переворот или на жизнь Верховного правителя (дополнение к ст. 99). Подготовка покушения на жизнь Верховного правителя наказывалась каторжными работами (ст. 101), а печатное или пу-

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 14. Д. 245. Л. 44.

² Звягин С.П. Указ. соч. С. 63.

³ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Л. 253–254.

бличное оскорбление его личности — тюремным заключением (ст. 103). Ст. 329 карала каторгой за умышленное неисполнение распоряжений правительства в обстановке военного времени. Каторжными работами наказывалось даже укрывательство большевиков¹. Впрочем, правительство стремилось действовать в правовых рамках: так, предварительный внесудебный арест не мог длиться более двух недель². При этом пенитенциарная система была рассредоточена: тюрьмы находились в ведении Министерства юстиции, концлагеря — в ведении Военного министерства (в условиях военного времени, поскольку там содержались и военнопленные)³.

Сам Верховный правитель прямо говорил: «Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов. Или мы их перестреляем, или они нас. Так было в Англии во время войны Алой и Белой розы, так неминуемо должно быть и у нас и во всякой гражданской войне»⁴. Его приказ по армии от 14 мая 1919 г. гласил: «Лиц, добровольно служащих на стороне красных... во время ведения операций... в плен не брать и расстреливать на месте без суда; при поимке же их в дальнейшем будущем арестовывать и предавать военно-полевому суду»⁵. Согласно разработанному в апреле 1919 г. «временным правилам», въезжавшие из-за границы русские подданные представляли правоохранительным органам «удостоверения о непричастности к большевизму». В марте был издан приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего о предании военно-полевому суду «за государственную измену» офицеров

¹ Постановление Совета министров о временном изменении ст.ст. 99, 100, 101 и 103 Уголовного уложения и ст. 329 Уложения о наказаниях, 30 ноября 1918 г. // Правительственный вестник. 1918. 8 декабря; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 36–37.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 50. Л. 23.

³ ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 4. Д. 3. Л. 55.

⁴ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 449.

⁵ Русская армия (Омск). 1919. 16 мая.

и генералов, служивших в Красной армии, за исключением добровольно перешедших на сторону белых. Циркуляр МВД подвергал «чистке» государственные и общественные учреждения от лиц, ранее замешанных в сотрудничестве с большевиками. Между тем часть либеральной прессы указывала на негибкость такой кадровой политики, призывая «во имя России поступиться на время романтическими принципами»¹.

На практике вопрос о красном и белом терроре и их соотношении слабо изучен по причине отсутствия полного статистического учёта что с красной, что с белой стороны. Подсчёты велись историками в основном на основе различных косвенных показателей, уцелевших документов с приговорами и постановлениями соответствующих органов (у красных — ЧК, ревкомов, ревтрибуналов, у белых — военно-полевых и окружных судов). В связи с этим они очень приблизительны. Наиболее общепринятой является версия, зафиксированная в Википедии, по которой жертвами красного террора были примерно 1 млн. 200 тыс. чел., белого террора — около 300 тыс. чел.

Вместе с тем неосоветские пропагандисты упорно повторяют заклинания советского агитпропа о якобы ужасающих масштабах «белого террора», в сравнении с которыми красный террор, по их утверждениям, во-первых, носил «умеренный» характер, а во-вторых, являлся «вынужденным ответом на белый террор». В реальности дело обстояло *с точностью до наоборот*. Задолго до официального объявления красного террора любые попытки сопротивления советской власти, включая мирные демонстрации и забастовки, беспощадно подавлялись, что вызывало, по мере усиления радикальных мероприятий власти (связанных с отъёмом собственности, высыланием из жилищ, правовой дискриминацией целых слоёв населения), и нарастание сопротивления, которое вскоре стало приобретать вооружённый характер и вылилось в Гражданскую войну. В дальнейшем эскалация насилия и ожесточения стала взаимной, как это обычно бывает в гражданских войнах.

¹ Свободный край. 1919. 20 мая.

И, с одной стороны, можно признать, что эксцессы на местах, связанные с проявлениями жестокости, насилиями над пленными (а иногда — и над их родственниками и прочим мирным населением), были с обеих сторон достаточно массовыми.

Действительно, подавление восстаний иногда сопровождалось большими жертвами. Так, при подавлении колчаковцами наиболее крупного из городских восстаний — Омского восстания 23 декабря 1918 г., затеянного большевиками, было, по официальным данным, убито на месте 277 повстанцев и 166 расстреляно по приговорам военно-полевых судов¹, причём в числе убитых в результате самосудов оказались несколько депутатов Учредительного собрания, непричастных к восстанию. На территориях, занятых красными, подобное случалось в период Гражданской войны в ещё более жесточайших формах.

Большое значение имело поведение конкретных властей и воинских частей на местах: акты произвола и насилий озлобляли население, и наоборот, справедливые решения и соблюдение законности привлекали на свою сторону. Характерные отрывки из письма крестьян села Ново-Петропавловского Атбасарского уезда Акмолинской области от 14 мая 1919 г. командиру колчаковских соединённых казачьих карательных отрядов, подавивших большевистское восстание, полковнику Катанаеву: «10-го мая через наше селение проехал отряд казаков, вслед появились к нам киргизы, начали нас грабить на поле пашни, много забрали у нас рабочих лошадей, сбруи и семян... Мы вынуждены были пожаловаться начальнику отряда, который обратил особое внимание. Тут же были созваны киргизы, и виновники из них 5 человек лично при нас расстреляны, и все насилия и грабежи прекратились, за что господину начальнику отряда от имени общества приносим экстренную благодарность и всему храброму казачьему войску; мы ранее не верили и верить не будем солдатам-дезертирам и агитаторам-большевикам, которые не подчиняются обществу и ника-

¹ Сибирская речь. 1918. 28 декабря.

ким властям, *вышли из воли своих родителей* (выделено мною. Вспомните “Тихий Дон”: большевизмом больше была заражена простонародная молодёжь, старики были консервативнее. — В. Х.)... Также от имени общества ручаемся, что все дезертиры и замеченные лица будут нами представлены, и в том подписуемся»¹. А в селе Богородском Амурской области сход крестьян, озлобленных бесчинствами и грабежами партизан, вынес 30 марта 1919 г. «приговор», гласивший: «1) Настоящим объявляем, что мы признаём только Всероссийское правительство, находящееся в городе Омске. 2) Обязуемся поддерживать всеми силами и всеми мерами указанное правительство. 3) Обязуемся не допускать в свою деревню красноармейцев и их агитаторов. 4) Обязуемся всех хулиганов — красноармейцев, появляющихся в нашей деревне, обезоруживать и представлять в город к надлежащей власти, а в случае нашего бесилия доносить властям в срочном порядке»².

В советское время много писалось и говорилось в пропагандистских целях о фактах белого террора и проявлениях зверств, вещественными доказательствами на эту тему изобиловали экспозиции краеведческих музеев. Действительно, такие факты имели место. Но как себя вели красные? Об этом тоже сохранилась масса архивных документов, многие из них опубликованы. Повстанческие партизанские вооружённые формирования зверски вырезали всех сторонников белых. Так, в селе Всесвятском Петропавловского уезда в мае 1919 г. красные партизаны после жестоких пыток убили местного врача и его жену, предварительно изнасиловав её³. В Канском уезде красные партизаны в том же месяце распяли священника⁴. По Томско-Алтайской епархии партизанами было убито около 30 священников, при этом, как правило, они подвер-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 279–279 об.

² Цит. по: *Цветков В.Ж.* Адмирал Колчак: «преступление и наказание» Верховного правителя России. С. 308.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 275–275 об.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 13а. Л. 12.

гались предварительным истязаниям, а храмы осквернялись¹. В селе Колыванском Томской губернии они подвергли групповому изнасилованию местную учительницу². В селе Салбе Минусинского уезда Енисейской губернии соратники партизанского вожака Щетинкина прямо в его штабе по очереди изнасиловали беременную жену убитого ими белоказака³. А уже впоследствии, после падения власти А.В. Колчака, советские каратели буквально утопили в крови Западно-Сибирское восстание крестьян, когда в марте 1921 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов телеграфно рапортовал В.И. Ленину, что при подавлении восстания в одном только Петропавловском уезде убито 15 тыс. крестьян, а в Ишимском уезде — 7 тыс.⁴. Разумеется, такие «неудобные» документы в советское время всячески замалчивались.

Надо помнить, что разгул насилия с обеих сторон периода Гражданской войны был следствием *взаимного* ожесточения. К тому же само по себе смутное время, сопровождавшееся частой сменой властей и Гражданской войной, разрушило в сознании масс народа нормальные представления о законности. Партизаны истребляли представителей власти, офицеров, милиционеров, богачей, грабили казённые и частные учреждения, золотые прииски, пускали под откос поезда (не только товарные, но и пассажирские). Карательные отряды поступали в ответ с неменьшей свирепостью.

Но в данном вопросе важно другое, а именно: позиция *власти*. И здесь следует признать, что красный террор был качественно иным, намного более *массовым, системным* и организованным. В основу его легли два документа: декрет Совнаркома РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» и приказ народного комиссара РСФСР от 4 сентября 1918 г.

¹ Цит. по: *Цветков В.Ж.* Адмирал Колчак: «преступление и наказание» Верховного правителя России. С. 315–317.

² Цит. по: Там же. С. 308–309.

³ Цит. по: Там же. С. 313.

⁴ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 402–403.

«О заложниках». Эти документы определили два главных отличия красного террора от белого: 1) предоставление органам ВЧК права внесудебных расстрелов; 2) массовое взятие заложников из «классово враждебных» слоёв населения с применением к ним расстрелов как меры устрашения. Таким образом, советская власть ввела в *систему* в этот период внесудебные расправы и массовые расправы над мирным населением (известны, в частности, массовые расстрелы заложников в ответ на покушение на В.И. Ленина и на убийство М.С. Урицкого). Само понятие права трактовалось в ст. 1 «Руководящих начал по уголовному праву» РСФСР 1919 г. следующим образом: «Право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой»¹. То есть право рассматривалось исключительно как *инструмент* захватившей власть группировки, отрицалась его самоценность.

Ничего подобного со стороны белых правительств А.В. Колчака, А.И. Деникина и других вождей Белого движения не было — как в их правоустанавливающих документах, так и на практике (в связи с чем о «белом терроре» можно говорить с достаточной степенью условности). Лица, заподозренные в подпольной деятельности в пользу большевиков либо совершившие преступления при советской власти, подлежали суду; исключение из этого правила при А.В. Колчаке допускалось в прифронтовой полосе в *боевой* обстановке — как уже говорилось, приказ по армии от 14 мая 1919 г. предписывал коммунистов и добровольцев Красной армии в боях в плен не брать и расстреливать на месте². Система же заложничества, принятая у красных, у белых в *централизованном* виде отсутствовала. Единственным широко известным документом на эту тему, который постоянно смакует просоветская пропаганда, был приказ колчаковского генерала С.Н. Розанова от 28 марта

¹ Цит. по: *Цветков В.Ж.* Адмирал Колчак: «преступление и наказание» Верховного правителя России. С. 45.

² Русская армия. 1919. 16 мая.

1919 г. о взятии заложников при подавлении Енисейского восстания. Однако этот приказ был отменён по настоянию министра юстиции правительства А.В. Колчака¹, равно как приказ чехословацкого полковника Крейчего от 11 мая 1919 г. о взятии заложников вдоль Транссибирской железной дороги был отменён как «незаконмерный» Комитетом по обеспечению порядка и законности при правительстве Колчака².

Просоветская пропаганда часто повторяет в доказательство своего тезиса о «преступлениях Колчака» якобы имевшее место его распоряжение от 23 марта 1919 г., переданное Розанову, в соответствии с которым будто бы и был написан этот приказ. Однако, как показало расследование историков, в тексте распоряжения, переданного по телеграфу 20-го (а не 23-го) марта от имени А.В. Колчака военным министром Н.А. Степановым командующему Иркутским военным округом генералу Артемьеву³, ни о каких заложниках речи не шло. Речь о заложниках появляется в передаче этого распоряжения со своими дополнениями самим Артемьевым генералу Розанову телеграммой от 23 марта⁴. Именно в этой редакции его воспроизвёл как якобы распоряжение *самого Колчака* (и тоже от 23 марта) известный просоветский историк П.А. Голуб сначала в своей статье в 2003 г., а затем и в монографии в 2010 г.; у него, в свою очередь, эту ссылку позаимствовали и редакторы некоторых сборников документов⁵. Однако проведённое историками расследование показало, что по этой единственной архивной ссылке на данный документ как на «приказ Колчака», впервые приве-

¹ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 118. Л. 93.

² Там же. Л. 89–89 об.

³ Турунов А.Н. Партизанское движение в Сибири. М., 1925. Ч. 1. С. 113.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Голуб П.А. В застенках Колчака. М., 2010. С. 76–77; Окрест Колчака... С. 15; Гагкуев Р.Г., Цветков В.Ж. Красный и белый террор // Революция и Гражданская война в России. 1917–1922 гг.: фотоальбом. М., 2016. С. 236.

дённой Голубом и заимствованной у него другими авторами¹, **такого документа нет** (что признал и известный просоветский историк, автор книги «Хроника белого террора в России» И.С. Ратьковский).

Более того, сам приказ Розанова, возможно, был фальсифицирован. В действительно опубликованном приказе, который и был затем отменён, речь шла о взятии заложников из числа тюремных заключённых, а не мирного населения. Версия приказа о взятии заложников из мирного населения деревень впервые появилась в эсеровской газете Е.Е. Колосова уже *после* падения власти Колчака, а затем была подхвачена и процитирована сибирским большевиком В. Вегманом в комментарии к публикации воспоминаний генерала В.Г. Болдырева. По архивной ссылке, воспроизведённой в сборнике документов «Процесс над колчаковскими министрами» (М., 2003) под редакцией В.И. Шишкина, был обнаружен текст напечатанного Колосовым приказа в машинописном виде по *советской* орфографии, не применявшейся у белых².

Приведённый пример ярко характеризует, как работают с документами некоторые наши оппоненты. Так же, как их идейные предшественники, в своё время без стеснения тиражировавшие в качестве «жертв колчаковского террора» фотографии умерших от тифа, которых не успевала хоронить отступавшая в жестокие сибирские морозы армия В.О. Каппеля, и собственных жертв (например, в Иркутске).

Между прочим, просоветские публицисты любят цитировать известный «меморандум» чехословацкого Национального совета, изданный после падения Омска (13 ноября 1919 г.) и обращённый к союзникам, в котором чехи, изображая себя мучениками долга, поставленными в невыносимые условия, и требуя немедленного возвращения на родину, заявляли: «Под защитой чехословацких штыков русские военные органы по-

¹ ГАРФ. Ф. 827. Оп. 10. Д. 105. Л. 126.

² РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 40308. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

зволяют себе такие дела, перед которыми ужаснётся весь цивилизованный мир», приводя в пример «выжигание деревень, убийства мирных русских граждан целыми сотнями»¹ и т. п. При этом умышленно «забывалось», что колчаковская власть держалась вовсе не чехословацкими, а *русскими* штыками, поскольку чехи составляли в общей массе войск в разное время от 1/8 до 1/3, к тому же давно уже стояли в тылу. А главное, упускалось из виду, что подобные действия давно стали общей чертой Гражданской войны с обеих сторон. Более того, сами чехи позволяли себе такие действия, о чём красноречиво говорит упомянутый выше приказ полковника Крейчего о взятии и расстреле заложников, *отменённый* правительством Колчака. Но об этом, конечно, «скромно» умалчивали и сами чехи, давно желавшие одного — попасть домой и ради этого готовые на любые подлоги, и современные просоветские авторы, известные своим «выборочным» цитированием.

Не меньше любят ссылаться «трубадуры советской власти» и на «свидетельства» французского генерала М. Жанена и американского генерала У. Гревса о «зверствах колчаковской военщины». При этом генерал Гревс, известный своими левыми взглядами и предубеждением против белых, находился на Дальнем Востоке и имел дело в основном с атаманами Семёновым и Калмыковым, действительно известными своими злоупотреблениями в отдалении от Омска и при поощрении японцев — соперников американцев. Что же касается генерала Жанена, то этот деятель, ответственный за выдачу А.В. Колчака вопреки ранее данному слову офицера, по возвращении на родину готов был на любые очернения, лишь бы оправдаться, так как его поступок вызвал осуждение даже в официальных кругах Франции, не говоря об англичанах. Тем не менее карьера его на этом кончилась, а среди русской эмиграции он «заработал» (наряду с подчинённым ему чешским генералом Я. Сыровым, отдавшим непосредственный приказ о выдаче) прочную репутацию предателя. Характерно, что после

¹ Цит. по: Сибирская жизнь. 1919. 3 декабря.

убийства белоэмигрантом П. Горгуловым президента Франции П. Думера (впрочем, никак к этому делу не причастного) в 1932 г. в жилище убийцы полиция обнаружила портрет Колчака с надписанными датами смерти адмирала и предстоящей смерти французского президента, т. е. одним из мотивов убийства было то, что «французы продали Колчака».

При этом «красные трубадуры» совсем обходят молчанием воспоминания других союзных деятелей, вроде того же полковника Дж. Уорда, свидетельствующие в пользу Колчака. Всё это вполне укладывается в их пропагандистскую схему «выборочного цитирования».

То же самое касается и грабежей. Приказ Колчака по армии от 6 мая 1919 г. обязывал офицеров и солдат соблюдать неприкосновенность личности и имущества мирного населения¹; за реквизированное для военных нужд имущество полагалась выплата компенсации. По многочисленным жалобам на произвол при колчаковском правительстве был создан межведомственный Комитет по обеспечению порядка и законности в управлении, в состав которого вошли министр внутренних дел, министр юстиции и военный министр.

Всё это, разумеется, не исключает наличия действительно жестоких эксцессов, происходивших в хаосе Гражданской войны с ведома отдельных полевых командиров (вроде атаманов Г.М. Семёнова, Б.В. Анненкова и И.П. Калмыкова у Колчака, генерала В.Л. Покровского у Деникина и др.), хотя по массовости они меркнут в сравнении хотя бы с широко известными массовыми расправами большевиков над сдавшимися на милость победителя военными служащими врангелевской армии в Крыму, жертвами которых, по подсчётам современного крымского историка-краеведа Д.В. Соколова, стало около 20 тыс. человек.

Важно другое: если белогвардейские власти в лице их высших руководителей всё-таки старались ввести репрессии в какие-то рамки законности и пресекать злоупотребления, то

¹ Сибирская жизнь. 1919. 22 мая.

советская власть своими актами всячески поощряла, выражаясь словами В.И. Ленина, «энергию и массовидность террора». И в этом принципиальная разница между красным и белым террором.

Почему же в таком случае никто сегодня не судит за «военные преступления» лидеров большевиков и не демонтирует памятники и названия в их честь, когда они с юридической и с моральной стороны виновны гораздо более белых вождей? Напомню о фарисейском заявлении Смольненского районного суда Санкт-Петербурга, постановившего в 2017 г. по требованиям «красных» активистов демонтировать новую мемориальную доску А.В. Колчаку, о том, что-де увековечения достойны лишь люди, «морально безупречные» (это большевики-то?) и чей авторитет «признан всеми членами общества». Ни под то, ни под другое определения В.И. Ленин и его сообщники никоим образом не подпадают. Между тем их многочисленными статуями, установленными ещё в советские времена (одному Ленину, по некоторым подсчётам, их более 5 тысяч), и названиями в их честь по-прежнему густо усеяна вся Россия. Любые попытки их сноса вызывают взрыв агрессии со стороны ревнителей их памяти. Эти ревнители были не очень-то смелыми, когда в 1991 г. рушился СССР, никто из них не вышел тогда на защиту «родной партии» и советской власти. Теперь же, видя отсутствие непосредственной опасности для себя, они осмелели. Когда же возводятся отдельные памятники или даже просто мемориальные доски деятелям Белого движения, это вызывает с их стороны настоящую истерику, а то и судебные иски (к счастью, удалось отстоять единственный в России полноценный памятник А.В. Колчаку в Иркутске, иск о сносе которого предъявлялся в этом году активистами секты С. Кургиняна и был отклонён Кировским районным судом Иркутска на том формальном основании, что в законе нет запрета на увековечение памяти «нереабилитированных» лиц, а решение Смольненского суда С.-Петербурга не является примером, поскольку в России, в отличие от Великобритании, отсутствует «прецедентное» право). Тем не менее «охранители»

советского наследия поднимают бурю в стакане воды по любому поводу, хотя в современной России всего 3 полноценных памятника белогвардейским деятелям (А.В. Колчаку в Иркутске, Л.Г. Корнилову в Краснодаре и С.Л. Маркову в г. Сальске Ростовской области) да десятка полтора мемориальных досок. Что не идёт ни в какое сравнение с тысячами следов языческого поклонения Ленину и его сообщникам.

И уж совершенно нелепы попытки наиболее ретивых «красных охранителей» провести параллель между белыми и нацистами либо «власовцами». Участие *части* белоэмигрантов в коллаборационистском движении времён Второй мировой войны совершенно не даёт оснований для этого, потому что, во-первых, не меньшая (если не большая!) часть бывших белых (как оставшихся в СССР, так и в эмиграции) занимала противоположные позиции, как тот же генерал А.И. Деникин. Ничего общего в белой идеологии с идеологией немецких нацистов и итальянских фашистов также не прослеживается. Белое движение в корне отличали от фашизма три момента. 1) Имперская идея, лишённая *этнического* национализма (в фашизме первичен именно он, а имперская идея *вторична*). Не было и свойственного фашизму культа государства и вождя: девиз «Единая неделимая Россия» предполагал скорее неделимость исторического пространства, но не абсолютный культ государства как такового, патриотизм не посягал на права личности и неприкосновенность частной собственности. 2) Отсутствие жёсткого государственного регулирования экономики — у белых, как мы видели, она носила вполне либеральный характер. Белые сочетали либерализм в *экономике* с умеренным консерватизмом в *политике*. Нет тут никакого места фашизму. 3) Отсутствие тоталитарной однопартийной диктатуры. Была, как мы видели, *военная* диктатура с относительной *свободой* партий (кроме большевиков) и ограниченной свободой печати — правящей же партии, являвшейся носителем государственной идеологии в Италии при Муссолини и в Германии при Гитлере, не было *вообще*. По второму и третьему параметрам фашизм как раз ближе к большевизму, чем к белогвардейцам.

Некоторые современные историки, как тот же В.Ж. Цветков, с учётом изложенных обстоятельств делают вывод, что А.В. Колчак вполне может быть реабилитирован в соответствии с Законом РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» (наряду с другими деятелями Белого движения, за исключением тех, кто в ходе Второй мировой войны стал на путь сотрудничества с нацистами). Не берусь однозначно утверждать или оспаривать это мнение, т. к. формулировки данного закона не везде точны и допускают разные толкования. Мне кажется, вопрос в другом. Вспомним: ни Ленин, ни другие большевики и революционеры, в своё время неоднократно судимые до революции «царским режимом», не добивались, придя к власти, собственной «реабилитации», более того — они гордились приговорами «царских» судов как свидетельством своей борьбы, стаж каторги и ссылки у них считался почётным. По той простой причине, что они *не считали себя* правопреемниками дореволюционной России — наоборот, они ниспровергли «проклятое прошлое», гордились этим и шли вперёд к вожденной «мировой революции». Современная же Российская Федерация, напротив, *юридически* считается правопреемником СССР. Правда, её лидеры и лично президент В.В. Путин выступают за единую линию исторической преемственности как от Российской Империи, так и от Советского Союза. Это возможно в плане перенимания, скажем так, лучшего из практики того и другого государств, но невозможно в целом, а именно потому, что рождённый революцией СССР отрицал свою преемственность от дореволюционной России. И в этом вся загвоздка. Думается, рано или поздно придётся дать ответ, *чьими* же преемниками мы являемся (того и другого одновременно — не получится). И тогда всё само встанет на свои места.

Приложение.

Высказывания об А.В. Колчаке современников и историков

1. Высказывания соратников, современников и историков об А.В. Колчаке

Из дневника контр-адмирала **В.К. Пилкина**.

Запись 19 января 1919 г.: «Был у П.О. Шишко, вернувшегося из плена... Он герой, безусловно, но мне не нравятся такие герои. На вид скромный, он в глубине души преисполнен гордости... “Орёл! Орлище!” — говорит о нём милейший Лушков. Не орёл, а дятел! Орёл — это Колчак, вот кто орёл, с широким полётом, с быстрой мыслью. А этот говорит: “Предупреждаю вас, что буду беспощаден”. Отчего же он не был беспощаден, когда разразилась революция?»¹.

Запись 22 октября 1920 г.: «Были у Юденичей. У них генерал [Н.Н.] Головин с женой... Я его спрашивал об А.В. Колчаке. Я был рад, когда Головин при Юдениче сказал мне, что Колчак самый замечательный человек, которого он встретил в своей жизни»².

Из очерка контр-адмирала **В.К. Пилкина** «Два адмирала»:

«В наружности его было что-то орлиное... Взгляд был орлиный. Выражение лица было суровое. При этом неожиданно, удивительно приятная, мягкая весёлая улыбка...

Был ли Колчак жесток? Он был бешено вспыльчив... Из песни слова не выкинешь! Молодым офицером на “Аскольде” Колчак действительно жестоко дрался, и его принуждены были останавливать начальники и сослуживцы...

¹ Пилкин В.К. В белой борьбе на Северо-Западе. М., 2005. С. 89–90.

² Пилкин В.К. Указ. соч. С. 382.

С годами, продвигаясь по службе, Колчаку пришлось занимать посты, где уже не приходилось “брататься”, но репутация жестокости прилипла к Колчаку. “Александр Васильевич, — писал ему... адмирал Непенин, — ты опять задумал какую-то операцию. Вспомни, какие праздничные дни стоят! Крови захотелось? Так я пришлю тебе барана, зарежь его на шканцах”... Но из песни слова не выкинешь, и Колчак не поднял после потопления неприятеля плававших и цеплявшихся за его миноносец немцев...

Колчак был высокообразованным моряком...

...Говорил он очень хорошо, всегда с большим знанием дела, всегда думая то, что он говорил, и всегда чувствуя то, что думал, т. е., по мысли Кони, обладал необходимыми для настоящего оратора данными. И действительно, он был “оратором Божьей милостью”. Речей своих не писал, образы и мысли рождались в самом процессе его речи, и потому он никогда не повторялся. Глубокое убеждение и настоящая сила всегда слышались в словах Колчака. Вот почему впоследствии даже распропагандированная толпа матросской вольницы на юге долго не могла выйти из-под влияния искреннего простого слова Колчака... Когда бунтующие матросы пришли отбирать у офицеров оружие, Колчак, переломив своё Георгиевское оружие, бросил его за борт... Посланного Временным правительством в отдалённую заграничную командировку, проезжавшего через Лондон, его узнавали даже на улицах, и равнодушные ко всему, что не своё, англичане приветствовали Колчака...

...Он не был спокойным и хладнокровным, как Бахирев. Большой недостаток в военном человеке. Но у него были качества, которых не было у Бахирева: была инициатива, была смелость замысла. Ещё в [Порт-]Артуре он их выказал...

В Великую войну... Колчаком был задуман и приведён в исполнение ряд смелых и опасных операций, в которых он принимал почти всегда личное непосредственное участие. Немцы не хотели верить, что русские моряки на старых калошах — судах, принимавших участие ещё в Японской войне, современники которых у немцев давно уже стояли блокшивами в их

портах, если не были разобраны, осмеливались в зимние ночи, пробиваясь через лёд, выходить в море и под самыми неприятельскими берегами, на немецких путях сообщения ставить мины, на которых один за другим взрывались суда неприятеля.

Во всех этих походах Колчак обнаруживал упорство и настойчивость в достижении поставленной цели...

Волна недаром выносила Колчака всё выше и выше, сперва командующим Черноморским флотом, потом Верховным правителем.

Может быть, благородный, но горячий, бешено вспылчивый Колчак не всегда бывал удобным и приятным начальником. «Хватили горячего», — говорили офицеры «Вайгача» на походе на Дальний Восток...

...Он ушёл в историю с именем Верховного правителя России, и тем, кто его признал таковым, не приходится краснеть за своего избранника. В трагическом облике адмирала Колчака нет ни одной низкой или комической черты... Он погиб в борьбе со стихией, как погибает капитан корабля на своём посту... Он только указал предателям на пять союзнических флагов на вагоне, из которого его вывели соц[иалисты]-революционеры, чтобы передать большевикам...»¹.

Из дневника премьер-министра **П.В. Вологодского**: «Адмирал подкупает своим благородством и искренностью»².

Из воспоминаний управляющего делами Совета министров **Г.К. Гинса**: «Как человек, адмирал подкупал своей искренностью, честностью и прямоотой... Умный, образованный человек, он блистал в задушевных беседах остроумием и разнообразными знаниями и мог, нисколько не стремясь к тому, очаровать своего собеседника... Его непорочная репутация служила залогом честности движения, и под его знамя встали все противники большевизма»³.

Там же, о днях накануне падения Омска: «Адмирал весь

¹ *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 481—498.

² *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании. Рязань, 2006. С. 120.

³ *Гинс Г.К.* Указ. соч. С. 10, 12.

ушёл в свои глаза. Его глаза смотрели мимо собеседников, большие, горящие, бездонные, и были устремлены в сторону фронта»¹.

Из воспоминаний управляющего Министерством иностранных дел **И.И. Сукина**: «Он не страдал ни тщеславием, ни величием, ни пафосом; наоборот, он обладал даром сосредоточения и уверенного обращения с сотрудниками, твёрдых и ясных приказаний подчинённым и полной достоинства беседы с иностранцами. Весь внешний облик, соответствовавший званию Верховного правителя, был им воспринят с инстинктивной лёгкостью и чуткостью»².

Там же: «Его политическое мировоззрение сводилось к весьма немногим, но зато резко очерченным убеждениям, в которые он до конца свято верил... Никакие соображения или аргументы политической целесообразности не могли его заставить, например, согласиться на отделение от России тех или иных её окраин»³.

Из дневника военного министра генерал-лейтенанта барона **А.П. Будберга**: «Едва ли есть ещё на Руси другой человек, который так бескорыстно, искренне, убежденно, проникновенно и рыцарски служит идее восстановления Единой Великой и Неделимой России»⁴.

Из биографического очерка о Колчаке морского министра контр-адмирала **М.И. Смирнова**: «Прекрасный военный оратор, он краткой образной речью проникал в сердца слушателей... Его правилом, как активного военного моряка, было нападать на врага, но он всегда умел взвешивать шансы успеха... Не случись революции, Колчак водрузил бы русский флаг на Босфоре... Белый цвет есть признак чистоты намерений, чест-

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 495.

² За спиной Колчака... С. 349.

³ Там же. С. 451.

⁴ Будберг А.П. Дневник белогвардейца // Гуль Р. Ледяной поход. Деникин А. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник. М., 1990. С. 305.

ности жизни, искренности души. Ни к кому другому так не подходит название Белый Вождь, как к адмиралу Колчаку»¹.

Из показаний министра труда меньшевика **Л.И. Шумиловского** на процессе колчаковских министров: «Я считал его безукоризненно честным человеком. И ни одного факта, который бы разбил мою веру в него, за весь последующий период мне не удалось узнать»².

Из воспоминаний министра снабжения, одного из лидеров сибирских областников **И.И. Серебренникова**: «Адмирал мог временами говорить хорошо и сильно, действуя на слушателей убеждённо и искренностью своих слов»³.

Там же: «Честнейший и искреннейший русский патриот в лучшем смысле этого слова и человек кристальной душевной чистоты»⁴.

Там же: «В самую страшную, последнюю минуту своей жизни А.В. Колчак не доставил своим врагам злорадного торжества... Он умер так же, как и жил, сохранив свою гордость и честное мужество, отличавшие собою весь его славный жизненный путь»⁵.

Из донесения главы британской военной миссии генерал-майора **А. Нокса** в Военное министерство Великобритании: «Он обладает двумя качествами, необычными для русского: вспыльчивостью, вселяющей благоговейный ужас в его подчинённых, и нежеланием говорить просто ради того, чтобы поболтать»⁶.

Из письма генерала **А. Нокса** американскому генералу **В. Гревсу**: «Я ни на минуту не допускаю мысли о том, что Колчак является архангелом Гавриилом, но он обладает энергией, патриотизмом и честностью»⁷.

¹ *Смирнов М.И.* Указ. соч. С. 60.

² Процесс над колчаковскими министрами. С. 113.

³ *Серебренников И.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 432.

⁴ Там же. С. 451.

⁵ Там же. С. 66.

⁶ Цит. по: *Флеминг П.* Указ. соч. С. 100.

⁷ *Гревс В.* Указ. соч. С. 138.

Из очерков одного из лидеров кадетов, затем идеолога «сменовеховцев» профессора **Н.В. Устрялова**: «Трезвый, нервный ум, чуткий, усложнённый. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы»¹.

Из воспоминаний одного из лидеров кадетов **Л.А. Кроля**: «Колчак несомненно был искренним человеком... несомненный патриот, прекрасный человек и превосходный моряк»².

Из письма одного из лидеров кадетов **В.А. Жардецкого**: «Личные качества адмирала совершенно исключительны — это прежде всего крупнейшая одарённость, одновременно воин и учёный с широким политическим кругозором и тщательным в европейском смысле образованием. Высокий моральный строй и железная воля, которая выступает с беспощадностью в критические минуты... Силою нравственной личности своей он покоряет всех, с кем соприкасается»³.

Из письма сенатора **А. Новикова**: «Образованный, культурный, государственный, высокой честности, А.В. Колчак наиболее приспособлен для роли верховного главы демократического государства»⁴.

Из воспоминаний командующего 3-й (Западной) армией генерал-лейтенанта **К.В. Сахарова**: «Личность Верховного Правителя вырисовывается исключительно светлой, рыцарски чистой и прямой; это был крупный русский патриот, человек большого ума и образования, учёный-путешественник и выдающийся моряк-флотоводец... Прямой, глубоко проникающий взгляд горящих глаз умел подчинить себе волю других, как бы гипнотизируя их силою многогранной души»⁵.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта **Д.В. Филатьева**: «Рыцарь без страха и упрёка, никогда и ничего лично для себя

¹ *Устрялов Н.В.* В борьбе за Россию // Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 120.

² *Кроль Л.А.* Указ. соч. С. 167.

³ ГАРФ. Ф. р-5913. Оп. 1. Д. 237. Л. 3 об.

⁴ ГАРФ. Ф. р-5913. Оп. 1. Д. 236. Л. 4—4 об.

⁵ *Сахаров К.В.* Указ. соч. С. 34.

не искавший и отдавший всего себя на служение Родине... До конца своих дней он оставался чистым идеалистом и убеждённым рабом долга и служения Великой России»¹.

Американский историк **Р. Пайпс**: «У Колчака было много выдающихся качеств: замечательная честность и неподкупность, испытанное мужество, бескорыстный патриотизм. Он да, пожалуй, ещё Врангель были самыми достойными руководителями Белого движения»².

2. Отклики современников и историков на гибель А.В. Колчака

Писатель, Нобелевский лауреат **И.А. Бунин**: «Настанет время, когда золотыми письменами, на вечную славу и память, будет начертано его имя в летописи Русской Земли»³.

Писатель **А.И. Куприн**: «Лучший сын России погиб страшной, насильственной смертью... Будет ли для нас священной то место, где навсегда смежились эти суровые и страдальческие глаза, с их взглядом смертельно раненного орла? Или — притерпевшиеся к запаху крови... равнодушные ко всему на свете, кроме собственного сна и пищеварения, трусливые, растерянные и неблагодарные — мы совсем утратили способность благоговеть перед подвигом... и расчётливо преклоняемся только перед успехом, сулящим нам еду и покой?...

Когда-нибудь, очнувшись, Россия воздвигнет ему памятник, достойный его святой любви к Родине»⁴.

Управляющий делами Совета министров **Г.К. Гинс**: «7 февраля 1920 года в Иркутске национальный вождь — адмирал Колчак — был расстрелян без суда и до окончания допроса. Адмирал встретил смерть мужественно, с глубоким презрением к убийцам... История бережно сохранит его имя, и потомство будет чтить его память... Будущая Россия оценит бла-

¹ *Филатьев Д.В.* Указ. соч. С. 13.

² *Пайпс Р.* Указ. соч. Т. 3. С. 65.

³ *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 гг. М., 2000. С. 97–98.

⁴ *Куприн А.И.* Голос оттуда: 1919–1934. М., 1999. С. 202–203.

городство адмирала Колчака и воздвигнет ему памятник благодарности... Мы должны оградить его имя от несправедливых, клеветнических обвинений... Предательство по отношению к адмиралу — великое злодеяние не только перед Россией, которая лишилась одного из лучших своих граждан, но и перед достоинством наций, флаги которых красовались в столице антибольшевистского движения — Омске... Скорбный образ адмирала Колчака, с его пронизательными и печальными глазами и мученическими линиями лица, будет долго памятен... Как постоянный укор, он будет преследовать и тех, кто взял на себя неблагодарную роль предателей, и тех, чья вина привела гражданскую войну к её тяжёлому финалу. Тех же, кто любит Россию, этот образ заставит склонить голову и мучительно вспомнить о глубине бедствий, переживаемых великим государством»¹.

Морской министр контр-адмирал **М.И. Смирнов**: «Минует лихолетье, воскреснет Россия, и благодарный русский народ не забудет своего вождя, в безвременье жизнь свою отдавшего в борьбе за честь и счастье нашей Родины»².

Он же: «Предательство адмирала есть великое злодеяние перед Россией. Его скорбный взгляд, отражавший в себе горе и мучение за несчастья Родины, всегда будет памятен и будет преследовать тех, которые совершили предательство над ним, над Сибирскими армиями и над национальной Россией»³.

Министр снабжения, один из лидеров сибирских областников **И.И. Серебренников**: «Жестокость и подлость, соединённые с трусостью, эти основные свойства большевистской психологии, проявились и здесь, при расстреле адмирала Колчака. Даже и мёртвый, он был грозен для них, его могила могла стать местом паломничества и постоянно зывала бы к отмщению — и они лишили его вечного упокоения в земле: тело адмирала было спущено в прорубь реки Ангары... В самую страшную,

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 9, 11, 13.

² Смирнов М.И. Указ. соч. С. 3.

³ Там же. С. 60.

последнюю минуту своей жизни А.В. Колчак не доставил своим врагам злорадного торжества... Он умер так же, как и жил, сохранив свою гордость и честное мужество, отличавшие собою весь его славный жизненный путь. Его трагическая кончина, несмотря на все ухищрения большевиков придать ей недостойный и унижительный характер, ещё более возвысила его»¹.

Жена И.И. Серебренникова (из дневника): «Итак, он всё-таки погиб. Погиб в оказавшейся неравной борьбе за свободу и счастье русского народа — того народа, именем которого его убили. Честный патриот, мужественный сын своей Родины, на посту Верховного правителя призывавший всё время к долгу и жертвам во имя Родины, к дружной работе, — всё для Родины, ничего для себя, — он, в результате какого-то постыдного торга, предан союзниками в руки палачей. Трудно передать чувства возмущения, ужаса, скорби»².

Один из лидеров кадетов, в дальнейшем идеолог «сменовеховцев» профессор **Н.В. Устрялов**: «Конец его поистине овеян каким-то исключительным, мрачным и сложным трагизмом, перед которым бледнеют даже драматические очертания последних минут других героев несчастной русской Вандеи — Каледина, Корнилова»³.

Один из лидеров кадетов **Л.А. Кроль**: «Выдача адмирала союзниками представляет акт высшего позора, акт, к которому с презрением относились даже те, кому выдали адмирала»⁴.

Русский эмигрантский историк **С.П. Мельгунов**: «Гибель Колчака... будет всегда ощущаться как жгучее обвинение в нелепом предательстве... Подсудимый во всех отношениях оказался выше своих судей»⁵.

Британский историк **П. Флеминг**: «Мы знаем, что было сделано, как сделано и почему сделано. Генерал Жанен и гене-

¹ *Серебренников И.И.* Указ. соч. С. 65–66.

² Там же. С. 66.

³ *Устрялов Н.В.* Указ. соч. С. 121.

⁴ *Кроль Л.А.* Указ. соч. С. 207.

⁵ *Мельгунов С.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 101.

рал Сыровой несут полную ответственность за происшедшее. История, сделав скидки на их трудности, должна предъявить им обвинение как инициаторам гнусного злодеяния»¹.

¹ *Флеминг П.* Указ. соч. С. 242.

Послесловие

Теперь, когда мифы опровергнуты, впору спросить: так почему же Белое движение во главе с Колчаком проиграло?

Основу «Белой идеи» составляло стремление соединить наиболее жизненные из достижений революции — такие, как преодоление архаичных, устаревших пережитков сословного и самодержавного строя, решение (в пределах разумного) земельного и рабочего вопросов — с национальными традициями (включая религиозные корни, авторитарный менталитет народа) и балансом интересов всех слоёв российского общества. Белогвардейские вожди и идеологи стремились учесть как ошибки и недоработки царского правительства, во многом послужившие причиной революции, так и явную неготовность того же российского общества к демократии, обернувшейся анархией при Временном правительстве и захватом власти большевиками. Другими словами, учесть все уроки революции и выработать обновлённую национальную идеологию.

Как бы то ни было, *вина за Гражданскую войну*, своими ужасами напомнившую мрачные времена Средневековья, *лежит на большевиках*, что бы ни говорили их сегодняшние последователи. Это *они* спровоцировали её радикальной ломкой всех социальных и национально-государственных устоев общества, разожгли пламя классовой ненависти, вместо того чтобы искать пути общенационального примирения. С тех пор кровь и насилие неизменно сопутствовали их режиму, пока он не пережил свой исторический апофеоз при Сталине и не начал после его смерти постепенно разлагаться изнутри, закончив своё существование в 1991 году полным крахом.

Значит ли это, что в дореволюционной Российской Империи всё было прекрасно и процветало? Нет, не значит. Проблем хватало. Страна переживала непростой период обновления, начавшийся с освободительных реформ Александра II в 1860-е годы — процесс перехода к индустриальному обществу, постепенного изживания сословных пережитков, лом-

ки старого традиционного уклада жизни, становления и развития рыночной экономики, разделения властей, эволюции в направлении конституционной монархии. Да, не всё в этом процессе было просто и гладко. Разорялись не только помещики, но и многие крестьяне, пополняя армию городского и сельского люмпен-пролетариата, а тот факт, что в результате открывшихся социальных лифтов «наверх» пошли многие их вчерашние собраты (среди которых были не только деревенские фермеры-«кулаки», но и настоящие магнаты, такие, как внуки крепостных крестьян П. Рябушинский и С. Морозов), вызывал у остальных зависть и раздражение. Механизмы социальной защиты малоимущего населения (через страхование рабочих, сокращение рабочего дня, профсоюзы и т. д.) только-только создавались и начинали работать. В условиях ломки старого, привычного веками уклада жизни произошёл упадок религиозности, а заменить создавшийся вакуум на тот момент оказалось нечем. Народу не хватало знаний, просвещения, чтобы хоть как-то разбираться в текущих событиях, и этот вакуум начала заполнять революционная пропаганда, апеллировавшая к низменным инстинктам населения, гениально воспроизведённым в краткой формуле булгаковского Шарикова: «Взять и поделить». Против этой пропаганды, заманчиво сулившей простому народу молочные реки и кисельные берега, оказалось бессильно царское правительство, не готовое к такому повороту событий, не умевшее взять в свои руки дело пропаганды. Особенно ярко это проявилось в годы Первой мировой войны, когда, по воспоминаниям генерала А.А. Брусилова, немецкий и французский солдат знал, за что он воюет, что же касается нашего солдата, то «сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было так же темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой

неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя»¹. Виновата во многом и либеральная интеллигенция, много лет раскачивавшая лодку своей безответственной по сути критикой.

Но все эти проблемы не имеют ничего общего с каким-то всеобщим загниванием и разложением, которое приписывают тогдашней России коммунисты и их последыши. Это опровергают и внушительные цифры экономического роста (особенно в ходе промышленных скачков 1893–1899 и 1910–1914 гг.), приближавшего Россию к ведущим странам Запада по объёмам производства (5-е место в мире) и к среднеразвитым странам Запада — по уровню жизни, и неуклонный (хотя и довольно медленный) прогресс в законодательстве и политическом устройстве страны, и успешно работавшие социальные лифты, и возрождение военной мощи в ходе реформ после русско-японской войны. В отличие от СССР, окружённого врагами (созданными его же *собственной* авантюристической политикой и идеологией) и «железным занавесом», Российская Империя вполне вписывалась в Европу, считалась её частью (пусть и с присущими ей особенностями), входила в систему международных военно-политических союзов.

Поэтому и нельзя говорить о какой-то «исторической неизбежности» революции, её «предопределённости». Революцию сделала неизбежной несвоевременно начавшаяся (не по вине России!) война, к которой простые русские люди оказались морально не готовы, потому что не знали, за что воюют, в силу своей малограмотности — война же оказалась неожиданно кровавой и затяжной, *непохожей* на все предыдущие войны, вовлекла в бойню миллионы людей, стала пожирать экономические ресурсы, вызывая ухудшение жизни в тылу. Ничего подобного раньше не случалось, и никто ничего подобного не предвидел. Это наложилось на проблемы, существовавшие и до войны, и в итоге породило взрыв. Другим, хоть и менее значимым способствующим фактором стала деградация вла-

¹ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания [Электрон. ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/brusilov/05.html>

сти после убийства П.А. Столыпина и особенно в годы войны, связанная с Распутиным и другими обстоятельствами.

Утвердившаяся в начале революции (при Временном правительстве) безбрежная демократия не могла долго удержаться. Менталитет русского человека, веками привыкшего к авторитарной власти и связанным с ней порядку и законности, воспринял неожиданно резкий переход к свободе прежде всего как *свободу от обязанностей*, как воспринимает её ребёнок, если ему позволить равное право голоса с родителями. Страна неизбежно рухнула в пучину анархии, в разгар которой власть захватила самая радикальная и авантюристическая, но и самая последовательная в своих действиях партия, чётко знавшая, чего она хочет, — большевики. А при их действиях, вкратце описанных выше, Гражданская война стала неизбежной. Да они и не боялись её, предвидели её возможность — ещё в разгар мировой войны Ленин выдвинул знаменитый лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую».

Почему же, при всём авантюризме большевиков, они удержали власть (тогда) и одержали победу над культурной, военной и политической элитой России?

Как мы уже сказали, вожди Белого движения стремились учесть уроки революции. К сожалению, удалось это не в полной мере. Да, они не смогли увлечь за собой большинство народа — и именно этим обычно козыряют последователи большевиков. Нам говорят: поэтому правы были большевики, в большей степени сумевшие сделать это. Но, например, немецкую нацию ещё более мастерски сумел повести за собой Гитлер (победивший и без гражданской войны). Что, в таком случае он тоже был «прав»? И потом, каков конечный итог «правоты» большевиков? Ради чего проливались реки крови, шла травля интеллигенции, насилие над культурой и носителями цивилизации, объявленными «классовыми врагами»? Ради чего «грабили награбленное», отнимали землю и загоняли в колхозы, отняли у народа сам стимул к работе и накоплению? Ради чего под лозунгом «диктатуры пролетариата» подчас выдвигались вперед *шариковы*, насилывались общественные науки,

преследовалась свободная мысль? Ради чего искореняли с фанатизмом изуверов национальную религию, предавали поруганию отечественную историю? Ради чего ставился весь этот чудовищный эксперимент над страной?

Революция была национальной трагедией, жертвами которой в конечном итоге стали все: буржуазия, дворянство, офицерство, церковь, интеллигенция, казачество, крестьянство и, наконец, сама партия большевиков (в годы сталинских репрессий).

Прошло сто лет, давно канула в прошлое и победившая белых советская власть. Настала пора подвести черту под событиями тех лет. Историкам сделать это легче, чем современникам и участникам событий. Они уже не подвержены страстям той эпохи, просто потому, что они не жили в ней. И чем дальше она от них удаляется, тем больше становится беспристрастность. Наконец, с годами всплывает всё большее число документов, по которым легче охватить всю картину событий в совокупности. Недаром говорится, что «настоящая история пишется через сто лет».

Автор не идеализирует и Белое движение. Да, в нём противоречиво переплелись классовые и национальные чувства, героизм и жестокость. На этих страницах мы отмечали и сложность, неоднозначность фигуры его главного вождя — Верховного правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака: бесстрашный герой трагической судьбы — и беспощадный к противникам диктатор; беззаветный патриот — и крайний милитарист; разносторонне одарённая личность, путешественник, флотоводец, учёный, человек, способный на большие чувства — и между тем недостаточно искусный и гибкий политик. Так давайте об этом и говорить. Пора бы, кажется, перестать писать о людях и событиях того времени только в чёрных или белых красках. И жизнь, и люди сложнее. Ведь обществу нужна реальная история, а не мифология.

Да, полноценной национальной идеей, которая стала бы альтернативой большевизму в глазах широких масс народа, «Белая идея» так и не стала. Среди причин поражения белых в

Гражданской войне были как внутренние, так и внешние факторы, но решающую роль сыграли, безусловно, внутренние, как это обычно бывает в гражданских войнах, — в отличие от войн международных. В первую очередь это более привлекательная для широких народных масс (прежде всего для социально малоимущих слоев) идеология советской власти, сулившая скорый рай на Земле. Белые так и не сумели придать своей идеологии и программе привлекательность в глазах тех самых широких масс. И в первую очередь это ошибочное решение белыми *земельного* вопроса, непризнание «чёрного передела», оттолкнувшее от них большинство крестьян, составлявших подавляющую массу населения России. Предлагаемые ими меры социального компромисса между помещиками и крестьянами были запоздалыми. Ведь если в промышленности, торговле, банковской сфере речь шла о возврате предприятий хозяевам от «абстрактного» государства (хотя и здесь рабочий класс в своей массе был распропагандирован большевиками, реально получил от них немало и имел основание считать их своей партией), то в земельном вопросе — о возврате земли помещикам (пусть даже частичном) от *конкретных* новых обладателей — крестьян. Мы уже говорили, что реставрация Бурбонов во Франции после падения Наполеона удалась лишь потому, что они *не стали* пересматривать этот вопрос, ограничившись денежной компенсацией дворянам за счёт всех налогоплательщиков.

К тому же на практике в большинстве насущных социальных вопросов вожди и идеологи Белого движения ограничивались в основном декларациями, откладывая их окончательное решение до будущего Национального собрания и считая первоочередной задачей военный разгром большевиков. Ошибка коренилась в недооценке ими (в отличие от большевиков) того, что победа в *Гражданской* войне зиждется не столько на организации армии, её снабжении, стратегии и тактике, сколько на привлечении на свою сторону народа агитацией и немедленными конкретными мерами популистского характера, и это надо делать, не дожидаясь мира и других благоприятных

обстоятельств. Большевики были профессиональными агитаторами, умели приспособливаться к понятиям и пожеланиям простонародной аудитории, говорить на понятном ей языке и не жалели на *пропаганду* никаких средств (даже в голодные годы). В этой пропаганде они делали акцент не на основной своей идее коммунизма, мало понятной народу, а на простом и доступном лозунге передела собственности («Грабь награбленное!»), разжигая классовую ненависть и провоцируя наиболее низменные инстинкты масс. В этом смысле большевики явились пионерами, показав пример последующим тоталитарным режимам XX века. В каждом подразделении — заводском цеху, армейской роте и т. д. — были профессиональные политработники, агитаторы-пропагандисты и партийные ячейки. Пропаганда белых была и менее профессиональной, кустарной, больше ориентированной на интеллигентную аудиторию, и гораздо более слабой по напору и массовости. По мере успехов советской власти к ним приходило понимание необходимости перенимать опыт противника в этом отношении, но оно было запоздалым. В пропагандистском искусстве «завоевания масс» они уступали большевикам, оставаясь для народа «господами». К тому же, при своих высоких понятиях о нравственности они не считали возможным для себя увлекать народ заведомо *ложными* обещаниями, как это часто делали большевики.

Другой проблемой был колоссальный духовный и *культурный* разрыв между верхами и «низами» русского общества, восходящий к петровским реформам, — почему и оказались скороспелыми и незрелыми как культивировавшаяся интеллигенцией демократия (в 1917 году), так и вынашиваемая белыми в Гражданскую войну национальная идея. А «*средний класс*», служащий обычно цементом любого общества, был в России ещё достаточно слабым (социальная среда в Сибири была наиболее «небольшевистской» сравнительно с другими регионами, но к моменту чехословацкого восстания, ускорившего падение советской власти, её население не успело испытать всей тяжести большевистского режима).

В итоге, несмотря на относительное меньшинство актив-

ных участников Гражданской войны с обеих сторон при пассивности большинства населения, силы, шедшие за большевиками, оказались более многочисленными и сплочёнными.

Большую роль сыграли и специфически военные факторы. В то время как большевики удерживали в своих руках единое территориальное пространство центра и северо-запада России — наиболее густонаселённых регионов, что давало им и *численное* преимущество, и возможность единого командования, переброски резервов с одного фронта на другой по мере надобности, — белые армии Колчака, Деникина и другие были территориально разобщены, что не позволяло им осуществлять координацию действий и реально единое руководство и командование. Вопреки созданному в сталинские времена мифу о «трёх походах Антанты», якобы представлявших собой спланированные и скоординированные военными представителями Антанты действия белых армий, отсутствие территориального единства лишало их даже элементарной оперативной связи. Письма с гонцами от Колчака к Деникину добирались через линию фронта по 2–3 месяца, а телеграммы кружным путём через весь земной шар в обход советской территории — по 2–3 недели. В этих условиях говорить о нормальной координации действий было, конечно, нельзя. Наступления велись на тех фронтах, где на данный момент оказывалось больше сил и где противник был более уязвим. В пик успехов Колчака, когда весной 1919 года он подходил к Волге в направлении Казани и Самары, Деникин ещё воевал в Донбассе и на Дону; а в разгар побед Деникина, когда осенью 1919-го он шёл на Тулу в направлении на Москву и подступал к Саратову на Волге, Колчак уже отступил за Урал (даже в июне, когда Деникин только что перерезал Волгу в Царицыне, Колчак уже отступал, да и от Царицына до Уфы расстояние немалое).

Как уже говорилось, красные превосходили белых и в *вооружении*, благодаря захваченным ими после Октября огромным запасам с военных складов и арсеналов старой русской армии. И это несмотря на разрекламированную «помощь Антанты» белым.

Что касается держав Антанты, то о полном отсутствии согласованности в их действиях по русскому вопросу (как военной, так и политической) красноречиво говорят и их представители в своих мемуарах, и практически все западные историки. Помощь с их стороны была *крайне* недостаточной, по причинам: 1) их собственной истощённости четырёхлетней Первой мировой войной; 2) сильного движения рабочих и левой интеллигенции на Западе в поддержку Советской России; 3) незаинтересованности Запада в возрождении великодержавной России, к которому стремились белые. В целом враждебно относясь к большевикам, они тем не менее отказали белым в помощи военной силой и весьма ограниченно помогали оружием и боеприпасами, тогда как для белых (в отличие от красных) их поставки были основным источником пополнения. Ещё раз повторю удачную цитату своего коллеги: «Правящие круги союзнических стран боялись большевизма, который представлял собой нечто *новое и неизведанное*. Но они боялись и белых, которые представляли собой *старое и слишком хорошо известное*».

Но главными причинами исторической трагедии Белого движения были обстоятельства, перечисленные выше: нерешённость земельного вопроса, слабость пропаганды, культурный разрыв между интеллигенцией и народом (при слабости среднего класса) и отсюда — незрелость национальной идеи. Остальные причины — отсутствие стратегического единства, слабость тыла, недостаток вооружения, и уж тем более враждебность большинства национальных окраин — играли второстепенную роль.

Это не умаляет, однако, исторического значения Белого движения, представлявшего собой наиболее реальную (в отличие от рыхлого, слабого и аморфного демократического движения во главе с эсерами) угрозу и альтернативу большевизму, который через колоссальные эксперименты и жертвы в итоге привёл Россию в исторический тупик. Оно проиграло во многом из-за своих ошибок, отчасти вызванных нехваткой времени на выработку полноценной, приемлемой для всего народа национальной идеи — но в целом, на взгляд автора, основу

этой идеи успело нащупать правильно. И в главном эта идея (как и ошибки её творцов, и уроки их поражения) остаётся актуальной и сегодня. Несмотря на прошедшие сто лет со времён Гражданской войны, сделавшие устаревшими ряд программных положений Белого движения, основные его идеи можно признать актуальными и по сей день. Прежде всего это: 1) сочетание процессов модернизации с опорой на исторический опыт России, её национальные традиции и духовные ценности; 2) патриотическая составляющая как в идеологии, так и во внешней политике; 3) защита частной собственности, конкуренции и прав личности, заложенных реформами Александра II, С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Эти основополагающие тенденции Белого движения несомненно остаются устремлёнными в будущее.

Исходя из всего изложенного в книге, можно сделать вывод, что Верховный правитель адмирал Александр Васильевич Колчак вполне достоин увековечения памяти как выдающийся патриот, вождь сопротивления преступной и авантюрной, антинациональной, антигуманной и богоборческой власти, один из отцов Белой идеи, в целом актуальной по сей день, а также талантливый флотоводец и учёный.

Содержание

От автора.....	5
Глава 1.	
Полярник, флотоводец и человек.....	10
Глава 2.	
Дело о падении монархии и политическая программа	29
Глава 3.	
Взаимоотношения с иностранными державами	58
Глава 4.	
За единую неделимую Россию: национальный вопрос ...	90
Глава 5.	
Вопросы управления и социальная политика.....	107
Глава 6.	
«Белый террор» и вопрос о реабилитации.....	158
Приложение	
Высказывания об А.В. Колчаке, современников и историков.....	180
Послесловие	190

Научное издание

В.Г. Хандорин
Мифы и факты
о Верховном правителе России

Редактор М.Б. Смолин
Художник Д.Е. Бикашов
Корректор А.Г. Васильева

Подписано в печать 12.11.18.
Формат 60x90/16. Бум. офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 1000 экз.

Издательство М.Б. Смолина (ФИВ)
109028, Москва, Яузская, 5. Тел. +7 916 457 6719
fondiv@mail.ru